

Виталий Шеремет

12 $\frac{07 - 1}{43}$

Непобеждённые

*К 150-летию
окончания Крымской войны*

Историко-библиографическое эссе

*Москва
2006*

12 $\frac{07 - 1}{43}$

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО КУЛЬТУРЕ И КИНЕМАТОГРАФИИ
РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮНОШЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТР НАЦИОНАЛЬНОЙ СЛАВЫ
Фонд Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного
Институт востоковедения Российской академии наук
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Виталий Шеремет

НЕПОБЕЖДЕННЫЕ

К 150-летию выхода России из Крымской войны
1853–1856 гг.

I
Эссе

Москва
2006

срб
80/

2006358306

Автор	В.И. Шерemet
Библиограф	А.А. Макарова
Компьютерный набор	А.В. Кириллова
Компьютерная верстка	Е.В. Кригер
Компьютерный дизайн	А.А. Пантюшина
Ответственный редактор	Л.В. Зеленина

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
2007

Рецензенты: вице-президент РАЕН, Главный Ученый секретарь РАЕН Л.В. Иваницкая; историк-востоковед, Государственный советник I класса М.И. Якушев

Шерemet В.И. Непобежденные: К 150-летию выхода России из Крым. войны 1853-1856 гг.: Ист.-библиогр. эссе: В 2 ч. / Рос. гос. юнош. б-ка. — Ч. 1: Эссе. — М., 2006. — 148 с.

© В.И. Шерemet, 2006

© Российская государственная юношеская библиотека, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе (*Л.В. Иваницкая*) 4

Непобежденные

К 150-летию выхода России из Крымской
(Восточной) войны 1853-1856 гг. 6

О прошлом и настоящем	12
Ватикан переходит в наступление	18
Дела церковные, расчеты светские	24
Святые места и бесчестные интриги	30
Запах пороха, или Аромат больших денег	45
В начале войны	56
«Печально приступили...»	60
Синопское сражение	71
Эвакуация Дунайских княжеств. Начало Крымской кампании	73
Севастополь — наша боль и наша слава	78
Инвалиды, горожане и монахи против морского десанта союзников	83
Угроза на западных границах	86
Восточный вопрос и русское общественное мнение	88
Россия и Дальний Восток: дела японские	104
Оставление Южной стороны Севастополя	119
Тайная война на переговорах о мире	123
Эпилог	135
Вместо приложения	139

ОБ АВТОРЕ

Автор предлагаемого вашему вниманию издания — Виталий Иванович Шерemet. Человек, хорошо известный в академических кругах, и не только. Востоковед не только по специальности, но и по призванию, блестящий знаток региона, он отдал изучению проблем истории, религии, языков и литературы стран Ближнего и Среднего Востока всю сознательную жизнь.

Выпускник прославленного Восточного факультета Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета (1958), доктор исторических наук, профессор, он плодотворно трудится в рядах членов Российской академии естественных наук со времен становления в ней гуманитарных направлений (1992). Десять последних лет в звании академика В.И. Шерemet возглавляет созданное им Отделение социокультурных и цивилизационных проблем РАЕН. За эти годы вышли из-под его блестящего пера такие крупные научные труды, как «Империя в огне», «Война и бизнес: власть, деньги и оружие в Европе и на Ближнем Востоке», «Босфор: Россия и Турция в Первой мировой войне» и многие другие. Он первым предложил определение социокультурной контактной зоны «Восток — Запад», представил обобщенную математическую модель взаимосвязи экономики, войны и политики на примере восточных войн России XVI-XX вв. Причем он ведет свои исследования с применением самых современных методик и вовсе неизвестных широким научным кругам документов. Среди них — архивы Стамбула, Каира, Мальты, Белграда, Лондона, Парижа, Вены... Итогом глубоких научных изысканий на базе документов восточных, западных и отечественных архивов, мастерского владения стилистикой старинного и современного русского языка, образности авторского мышления становятся труды, востребованные и наукой, и школой, и широкими читательскими кругами.

Вряд ли читатель его трудов теперь забудет о том, что святой Земли Русской князь Александр Невский жизнь положил, чтобы Русь от врагов прикрыть и воссоздать Великий Шелковый путь в братском союзе с сыном Батыя Сартаком и египетским султаном Бейбарсом. Незабываем образ грозного Тамерлана, пристально следящего через своих лазутчиков за исходом Куликовской битвы...

Мастер литературного образа, В.И. Шермет совместно с советником РАЕН и сотрудником РГЮБ Л.В. Зелениной вылепил незабываемые портреты Екатерины II, ее супруга и сподвижника Г.А. Потемкина, легендарных полководцев А.В. Суворова, М.И. Кутузова, их друзей и врагов в открытой и тайной (иногда и через гарем турецкого султана) борьбе за берега Крыма и Босфора. Медали и Почетные медали РАЕН увенчали эти труды (2004, 2006 гг.).

Из печати выходят «Непобежденные» — это ожидаемая в науке и в практике общего образования работа. Более полусотни лет прошло после выхода популярной работы академика Е.В. Тарле «Крымская война» (1950 год).

150 лет назад Россия вышла из Восточной (Крымской) войны и н о й страной, нежели вступила в нее. В.И. Шермет предпринял первую из запланированных им работ по новому осмыслению просчетов и подвигов наших предков.

Новые взгляды на прошлое... Думается, что самой читающей части российской общественности — учителям и библиотекарям работа академика В.И. Шермета будет небезынтересна.

Вице-президент РАЕН,
Главный Ученый секретарь РАЕН
Л.В. Иваницкая

Октябрь 2006 года

НЕПОБЕЖДЕННЫЕ

К 150-летию выхода России из Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг.

В марте 2006 г. исполнилось 150 лет одному из самых бесспорных, как казалось десятками лет, и, возможно, одному из наименее понимаемых мирных договоров России с внешним миром. Еще современники в 1850-х – 1860-х годах расценили Парижский мирный трактат от 18 (30) марта 1856 г., завершивший Крымскую (Восточную) войну, однозначно как сокрушительное поражение России.

Правда, «западники» усматривали тому одну серию причин, славянофилы – другую. Политическая эмиграция в лице А.И. Герцена из сытого и обеспеченного, далекого от действительных российских нужд и тревог Лондона укоряла, не скрывая злорадства, – предупреждали, мол! Вот и получите позорный мир! Н.Г. Чернышевский уже «точил топор» и даже спустя пять-семь лет все сокрушался, что война «не нанесла России удара слишком тяжелого». Н.А. Добролюбов и еще кое-кто из круга светлых умов Отечества поучали, что каждый «...любящий Россию должен непременно желать, чтобы нас почаще били».

Что и говорить о суетной толпе публицистов, журналистов, энергичных толкователей событий в европейской прессе и о скороспелых брошюрах о войне в Крыму на тему дня. Все вдруг увидели то, что хотелось – ниспровержение российского колосса.

Серия действительно фатальных военных неудач России начала XX века и социальные катаклизмы, завершившиеся крахом российской государственности в 1917 году, сделали проблему всей Крымской войны 1853–1856 гг. и Парижского мирного конгресса темой

удобной и понятной для новых властей в России. И надолго – с 1920-х и до начала 1990-х годов. Прекрасный повод для разоблачительства и всякого поругания царского прошлого и вероломства западных держав!

Оставим сейчас в стороне политическую подоплеку изнурительного для истории и публики бичевания пороков самодержавной России и Парижского мира как самого порочного в русской дипломатии. Академик Е.В. Тарле, любимец нескольких политических режимов в России, самозабвенно тому предававшийся, уже давно в иных мирах. Полемика возможна не с лицом, а касательно фактов и значения Парижского мира и всей войны в целом.

Россия *согласилась* на мирные переговоры в Париже. Война с державами не стала Отечественной войной с последствиями негативно предсказуемыми. Мирный договор, подписанный в Париже, действительно знаменовал военное поражение феодальной монархии – России от союза промышленного капитализма и его *резервной зоны*, исламского Османского государства, шедшего по пути реформ и модернизации быстрее, чем Россия. Заметим, что Парижский мир все же явил новую эпоху – вскоре в России было отменено крепостное рабство, начались промышленная и военная перестройки.

Проворовавшиеся «паркетные генералы» в миг Парижского соглашения утратили смысл и назначение. Голодная и полураздетая русская армия (когда же будет сыт русский солдат?) ушла с разбитых бастионов Южной стороны Севастополя. Но мир запомнил, как русские старики ветераны-инвалиды защищали ценой жизни Аландские острова, а монахи, крестьяне и охотники отбросили десанты союзников на Русском Севере и в Приморье. Гением и трудолюбием военного реформатора Д.А. Милютина, новой плеяды гражданских и военных чинов пошел ускоряться процесс освобождения и обновления России, переставшей (на время) огляды-

ваться на ненадежные союзы на Западе. Соседнему государству — Турции — мир 1856 года дал мощный толчок к частичной либерализации, завершившейся установлением ограниченной монархии в стране азиатского деспотизма. Шло преодоление исламского отторжения от достижений западного мира, выравнивались права христиан и мусульман перед законом.

Западному миру Парижский мир 1856 года ясно показал, что вооруженным путем Россию сломать невозможно. Побудить к пересмотру позиций — да, к гибким (или не очень) союзам — да. Поставить на колени — нет.

На Северную сторону Севастополя русские ушли непобежденными и в Париже заключили мирный договор, который, возможно, сохранил европейское равновесие наиболее щадящим образом. Кровавых революционных событий по типу 1848 года не последовало, а ведь и это могло бы иметь место, продлись война на 1856—1858 гг., как планировали в военных и финансовых кругах Лондона, и распространилась она на Восточную и Северную Европу, на Средний Восток.

Так что же дало Европе согласие России начать Парижские мирные переговоры, когда страна еще даже не поднялась на национальную войну с интервентами?

Западная Европа и вовлеченный в политический и военный обмен с нею Восток (Турция, Индия, Япония, Иран) отделались жестоким политическим и финансовым кризисом 1857—1858 гг., локальными национально-революционными бурями. И не более. Парижский мир в определенной мере обеспечил продолжение индустриальной революции среди западных держав.

Россия «прикрыла» неустойчивый социальный мир в странах-победительницах широко разлившимся в общественном сознании Европы удовлетворением от того, что «жандарм Европы» стоит на коленях, а его большая дубинка сломана. Черноморский флот упокоился на дне бухты в разграбленном Севастополе.

В первую очередь это было важно для Франции и Англии, которые за счет Крымской (Восточной) войны скомпенсировали последствия очередного, после 1847 г. экономического и социального кризиса. Режим победителей — в Париже и Лондоне — на гребне раздутых прессой успехов союзников и победной эйфории в обществе завершил второй и окончательный этап промышленного переворота. Наполеон III получил 15 лет (до 1870 г.) общественных восторгов: ну как же, победитель, покоритель Севастополя, «отомстивший русским за Бородино». В Лондоне избежали, несмотря на системный кризис 1857 г., революционной бойни на манер революций 1848 г. на континенте; сохранили и укрепили Британскую империю, «подвинули» ее поближе к русской зоне интересов на Кавказе и в Центральной Азии.

Горделивая воинственная Сардиния и пока еще осторожничающая, но сильная в военном смысле Пруссия устремились по пути объединения вокруг себя итальянских и германских земель как доказавшие свое право на гегемонию регионального уровня участием в победе над русским колоссом (Сардиния) или деятельным сочувствием к державам-воительницам (Пруссия).

Не забудем также, что перегретый котел национального движения в Индии все же рванул сипайским взрывом там, на Индостане, но не на многонациональных и мультирелигиозных просторах Крыма и Кавказа, куда Лондон готовился перебросить сипаев, что вообще могло иметь трудно прогнозируемые последствия для всего Средиземноморья и Балкан.

Прекрасно вооруженный богатейшими банкирскими домами Европы — Ротшильдами и Монтефиоре еврейский экспедиционный корпус не вышел из-под Яффы на Одессу, не взорвал зыбкое социальное равновесие на Украине и в Польше своим походом через Юг России, предполагавшимся на 1856—1857 гг. Не

сложился вариант провозглашения Иерусалима свободным городом, не началось переселение евреев в Иерусалимский пашалык.

Что же касается итогов войны 1853–1856 гг. для судеб балканского и ближневосточного православного (восточно-христианского) населения, пребывавшего под суверенитетом османского султана, то надо признать, что они до сих пор вообще не подведены. Ни политиками, ни историками. Толком никто еще не рассматривал весь процесс крупных подвижек русского влияния на христианском Востоке, включая и сиропалестинский регион, и балкано-христианскую зону Османской Турции, активного участника войны.

Само мартовское *парижское сидение* закончилось для России военно-ограничительными, а не деструктивно-политическими статьями. В его ходе были отработаны, при сотрудничестве турецкой стороны и при консультациях с лучшими знатоками Православного Востока (К.М. Базили и круг его сослуживцев), предпосылки *совместного исламско-христианского движения к модернизации, к реформаторству*. В рамках сложившейся османской государственности, без смерти «больного человека на Босфоре», но с очевидной тенденцией к инициативной роли христианского реформаторского начала в многонациональной ближневосточной среде. Позднее, в конце 1870-х годов Россия утратила завоеванные русской кровью и выдержкой дипломатов позиции инициатора перспективных преобразований для христиан и мусульман. Впрочем, это другая тема.

Не забудем, однако, что эпоха Крымской войны и Парижского мира открыла яркие страницы деятельности российских духовных православных миссий на Сиро-палестинском Леванте. Равно как и активации паломничества россиян-мусульман к святыням Мекки и Медины, Каира, Стамбула, Кума и Неджефа.

И совсем «мелочь»: вскоре после Парижского мира по всей России при всех православных церквях появи-

лись кружечки для пожертвований. С надписью «На улучшение быта православных паломников в Палестине». Русская душа болела за христианские святыни.

Так что же Крымская война для современного юношества, коему и Крым-то сам по себе уже не Россия, а перспектива совместных украинско-натовских военных маневров вырастает (спасибо, СМИ!) до масштабов операции вторжения союзников в 1853–1856 гг.?

Мы хотим дать доступный самому широкому читателю непредвзятый, отстоявшийся за многие десятилетия авторской исследовательской работы в архивах и в полевых условиях объективный взгляд на столкновение интересов России и держав. Причем в зоне Крыма и Кавказа, Черного моря, Тихого океана, Дальнего Востока и Балтики. Простое перечисление основных театров военных действий в 1853–1856 гг. совпадает с горячими точками современных, т.е. наших дней, международных отношений.

Историческую правду можно замалчивать. Иногда – столетиями. Когда-нибудь либо она взорвет ситуацию, поскольку избыточно долгое умолчание неизбежно влечет повышение мощности информационного взрыва. Либо умолчание уведет наши представления о происхождении и динамике конфликта в сторону от вектора принятия оптимального решения. Все выходит худо, если не понять истоков столь глобальных событий, как война 1853–1856 гг.

Нам менее всего хотелось бы декларировать урапатриотические порывы и учить молодежь «Родину любить». Однако истинность деяний наших предков, если снять пресловутую ура-шелуху, будет весомее лакированных рассказов о матросе Кошке и Даше Севастопольской.

Итак, предлагается современный взгляд на события 1853–1856 годов с опорой на неизвестные архивные документы, записки современников и книги авторов из числа стран – участниц конфликта.

Обширная библиография преимущественно на русском языке (в целях массовой доступности) должна помочь читателю найти для себя чтение, расширяющее и углубляющее общие представления об эпохе и людях. Речь пойдет, естественно, о нашей Родине, в первую очередь, о ее интересах, потерях и обретениях. Полагаем также, что работа окажется полезной для учителей общеобразовательных школ России и библиотечных работников, которым выпадает сложнейшая миссия первыми, через новые книги, нести знание в самую широкую и любознательную российскую аудиторию.

В данной работе автор акцентирует наименее изученные либо оставшиеся в тени проблемы возникновения и завершения войны 1853–1856 гг. Фактографическая сторона военных действий хорошо известна, к тому же предлагается обширная военно-историческая библиография, составленная А.А. Макаровой.

О ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

«Восточная или Крымская, по своему театру действий, война была переломным моментом в истории международных отношений XIX века» Так начинал свою книгу (весна 1941 г.) П.Ф. Кухарский, ныне полузабытый, талантливейший любимый студент, затем аспирант блистательного академика Е.В. Тарле. «Пьер» Кухарский, как звали молодого ученого за увлечение языком и историей Франции его коллеги по Ленинградскому университету, погиб в ополчении в феврале 1942 г., защищая блокадный Ленинград¹. «Крымская война является одним из переломных моментов в истории международных отношений и в особенности в истории внутренней и внешней политики России»². Так

¹ Кухарский П.Ф. Франко-русские отношения накануне Крымской войны. – Лен. гос. универс., 1941. – С. 8.

² Тарле Е.В. Крымская война. Второе, испр. и доп. изд. АН СССР, М., Ленинград, 1950. Т. 1. С. 3. Переиздано в 2003, 2004 гг. в различных издательствах.

начал свою триумфальную «Крымскую войну» (1950 г.) академик Е.В. Тарле.

По свидетельству кандидата исторических наук, доцента И.Г. Гуткиной (скончалась в 1970 г.), преданной ученицы и многолетней добровольной помощницы Е.В. Тарле, с которой автор данной работы имел честь работать, творчески сотрудничать на историческом факультете Педагогического института им. А.И. Герцена в Ленинграде (1967–1970) и впитывать из первых уст живую историю трудов и жизни Е.В. Тарле, Пьер Кухарский начал работу над Крымской войной около 1932–1933 гг. Он объявил об этом в газете «Рабочая Москва».

Е.В. Тарле начал получать из государственных архивов документы к будущему легендарному творению, по словам И.Г. Гуткиной, только в 1937–1938 гг. Первые фрагменты «Крымской войны», по свидетельству авторитетного тарлевского биографа, Е.И. Чапкевича (1975), увидели свет в 1939–1940 гг. Причем как чтение для старшего школьного возраста³.

Прошло 150 лет со времен «севастопольской страды» (Л.Н. Толстой) и Парижского мира 1856 г. и свыше полусотни лет со времен двух лучших работ о Крымской войне, т.е. книги П. Кухарского и работы Е.В. Тарле. История обрастает легендами, пополняется исследованиями и документальными публикациями. Причем как в России, так и за рубежом.

Сохраняют значение и смысл самые общие оценки, данные событиям 1853–1856 гг. неизвестным и.о. доцента П.Ф. Кухарским и академиком Е.В. Тарле. Однако сумма новых знаний о подвиге нашего народа, в очередной раз заслонившего Отечество от вторжения извне («Крымская экспедиция» ведущих евро-

³ Тарле Е.В. Оборона Севастополя // Пионер. – 1939. – № 2. – С. 79–87; его же. Нахимов. – М., 1940. См.: Чапкевич Е.И. Е.В. Тарле – историк Крымской войны // История и историки. Историограф. ежегодн. 1975. – М., 1978. – С. 131–153.

пейских держав и Османской империи не имеет иного синонима, как *вооруженная интервенция*), равно как и новые подходы российской науки начала XXI века к событиям, всколыхнувшим Россию XIX века, формируют иной, по сравнению с эпохой П.Ф. Кухарского и Е.В. Тарле, уровень постановки вопроса, качественно иных обобщений. Тем более что наше время динамичных и неравновесных процессов глобализации, гипертрофированного понимания зоной «золотого миллиарда», т.е. узкой и замкнутой на себя группы сверхразвитых держав, своей ответственности за адекватность политических и экономических сдвигов в мире западывающего развития интересам «клуба сильных», имеет определенные аналогии с серединой XIX века. Рассмотрим, в чем именно.

Завершив первый этап своих промышленных революций, Англия и Франция в 1850-х годах предприняли фактическую сценарную разработку будущего передела мира. Вовлечение стран зависимого потенциала развития – политически это была Сардиния, экономически – Османская Турция отмечало уже иной, непрямой характер силового воздействия в регионах стран второго эшелона развития (Россия) и отстававшего (Османская империя). Итак, силовому, в разных вариантах, воздействию подвергались и будущий союзник – Стамбул, и противник – Петербург.

Были испробованы новые формы коалиционных военных союзов, новые методы военно-финансового воздействия на нестабильную ситуацию в «горячих точках» Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока. Приходится констатировать, что болевые точки середины XIX века не только сохранялись полтора столетия, но «боль» геополитическая, социокультурная и этнорелигиозная сегодня иррадирует в самых неожиданных местах живого организма, именуемого Земля. Об этом чуть ниже.

Для истории России начала XXI века остается принципиально значимым найти ответ на пару (всего пару?) вопросов. Как получилось, что Большая Кавказская война (1818–1864), война нашей страны и на своей территории – Российской империи вызвала столь острый интерес в Лондоне и Париже. Корреспондируется ли вообще борьба сановного Зимнего дворца с Гунибом и Видино мятежного имама Шамиля и упорное желание держав остановить Россию где-то за Терекком и Перекопом? Рассмотрим проблему.

Николаевская Россия, деятельно хлопотавшая о восстановлении «порядка и справедливости» вне своих границ – в охваченной гражданской войной Австрийской империи (1848–1849) и в бунтовавших против турок Молдавии и Валахии (1849), получила в 1853–1856 гг. полномасштабную войну сразу на шести фронтах, а именно: Кавказском, Дунайском, Крымском, Тихоокеанском (Камчатка), Северном (Соловки, Архангельск), Западном (Кронштадт, Балтика).

Изумленное сознание русских современников, сытенко дремавшее под полковые оркестры времен победы в Отечественной войне 1812 года, было потрясено в 1854–1856 гг.

Враг деловито занимает позиции в национальной святыне России – в сердце ее Юга, под стенами Севастополя! Пушки врага громят стены опоры православия – Соловецкой обители! Христианские святыни Святых мест Палестины, как вмиг выяснилось, уже с 1830-х годов стали почти не доступны русскому православному паломнику. Амбиции императора-заговорщика Наполеона III, закулисные маневры его дальнего родственника по материнской линии султана-халифа Абдул Меджида при поддержке джентльменов-финансистов лондонского Сити и прозелитизм католического владыки папского Ватикана едва не стерли за 15–20 лет все тысячелетнее присутствие России, куль-

турно-религиозное и политическое, среди единоверного православного мира Сирии и Палестины, тем более — Балкан.

Пока Зимний дворец и Дворцовая, д. 6, где царили тогдашние мидовцы, размышляли о судьбах османского султаната-халифата, уясняя степень его прогрессирующего, как им казалось, паралича, «больной человек на Босфоре», т.е. турецкий султан и его войско, ретиво поднялся с «одра» за счет вливания западных «лекарств» в виде полновесных фунтов стерлинга и собственного боевого духа. Для России просчет политического центра в этом вопросе едва не стал фатальным. Во всяком случае, торговые позиции на Ближнем Востоке мы тогда утратили и не восстановили до сих пор. Как, впрочем, и военно-политические, столь важные и колоссальной кровью обретенные в течение полуторавековой борьбы за Восток — от Петра I и до Лондонских конвенций о Проливах 1841 года.

Я повторю свой давний тезис: *в истории России война есть тяжкий труд всего народа*. Чья была война 1853—1856 годов? В чьих интересах была развязана, и что она принесла нашему многострадальному Отечеству? Ответы получаются далеко не однозначные, если следовать правде десятками лет замалчивавшихся архивных документов и стремиться взглянуть на совокупность фактов и обстоятельств, а также оценить интересы участвовавших сторон и, что принципиально важно для вооруженных конфликтов мирового уровня, непрямых участников событий.

«Инициативная роль Николая I во внезапном обострении Восточного вопроса в 1853 г. не подлежит никакому сомнению, — писал Е.В. Тарле семь десятков лет назад, — так же как не подлежит оспариванию несправедливый, захватнический характер войны против Турции, которую начал царь, отдав приказ о занятии русскими войсками Молдавии и Валахии в июне 1853 г.»

Инициативность, внезапность — хорошие слова для развенчания «первого русского помещика», заинтересованного в защите своих торговых позиций на Юге России, на Леванте и на Балканах. «Безмерно преувеличивалось, — продолжал Е.В. Тарле, — значение религиозного фактора». Емкая, или, как говорил сам Е.В. Тарле, «немногословная формула» разоблачала царизм и заодно русскую православную церковь, безоговорочно, по мнению Е.В. Тарле, поддерживавшую зарвавшегося царя.

Но что же искали индустриальные державы в регионах, где казалось бы, царил «жандарм Европы» со склонностью к высшей математике и большим физическим нагрузкам? И что подвигло турецкого султана — «больного на Босфоре» на столь отчаянный шаг, как война с усмирителем европейских революций в Польше (1830—1831) и Венгрии (1848—1849)?

У османских султанов за пятисотлетнюю историю династии накопилась масса недостатков. Но склонностью к самоубийству как монарха, как правителя не страдал никто. Тем паче, что в 1833 году, когда еще кипела и бурлила восставшая Польша, Николай I бескомпромиссно поддержал султана в его борьбе с мятежным правителем Египта. За спиной Мухаммеда Али отчетливо прорисовывались штыки и каски колониальных держав, а Николай I фактически спас султанский режим на Босфоре.

Подробный анализ будет проведен нами в большой монографии о событиях той эпохи, которая готовится к изданию. Здесь мы оценим ключевые моменты столкновения интересов держав и России в отношении ситуации на Балканах и Ближнем Востоке. Напомним, что Османская империя в 1853 году простиралась от Индийского океана до Атлантического, занимала фактически весь регион Ближнего Востока и значительную часть Балканского полуострова.

Уже поэтому любая конфронтация двух соседей по Причерноморью и Кавказу выходила за уровень регионального, тем более локального конфликта.

ВАТИКАН ПЕРЕХОДИТ В НАСТУПЛЕНИЕ

Религиозно-политическая составляющая Восточного вопроса, крайнее обострение которого повлекло за собой войну 1853–1856 гг., по разным причинам замалчивалась политиками и исследователями уже с 60-х годов XIX века и фактически до наших дней. Для советских ученых неодолимым был ленинский тезис о «несостоятельности дворянско-феодалного крепостнического строя», что само по себе не вызывает сомнений, но недостаточно. Дореволюционных российских историков «глаголом жгли» затопление нашей национальной гордости — Черноморского флота и падение омытого русской кровью Малахова кургана под ударами зуавов — французских стрелков, выходцев из африканских колоний Парижа. Западные исследователи обходили весьма деликатную проблему объединения интересов банковских магнатов с функционерами Ватикана, т.е. с Римско-католической церковью, и исламским османским султанатом против Восточно-христианского православия и России, против ее интересов на Востоке в религиозно-культурном и экономическом отношениях.

Историография Османской империи и современной Турции с полной определенностью и гордостью всегда говорила о связях султанских министров с Ватиканом в канун Крымской войны. Однако кто владел староосманским языком документов Высокой Порты XIX века? Да и турецким-то владеет ограниченный круг историков. Эта идея так и осталась достоянием десятка османистов во всем мире.

Суть проблемы заключалась в следующем. С конца 20-х годов XIX века в Османской империи быстро

набирал силу реформаторский процесс. К 1840-м годам модернизации, вестернизации подверглись вооруженные силы, финансы, образование, госуправление. В 1839 году было объявлено о правовом равенстве мусульман и немусульман. Серия торговых договоров Турции с западными державами (1838–1844) при всей односторонности в пользу европейских держав давала мощный стимул и для торговцев — османских подданных. Самыми богатыми, предприимчивыми, со связями в Марселе, Ливорно, Лондоне и т.д. были подданные султана из числа христиан. Причем значительную часть исключительно выгодной посреднической торговли «Европа — Восток» держали в своих руках торговцы-нетурки, обычно христиане, тесно связанные с торгово-политическими представителями Франции, Англии, Австрии на Балканах и Ближнем Востоке. Продвижению религиозно-культурному, т.е. прозелитизму католических и протестантских держав и их торгово-финансовых представителей в Сирии, Ливане, Палестине, Египте, в Малой Азии серьезно мешало мощное традиционное, с XV века устоявшееся, несмотря на падение Византии, влияние Восточно-христианской (православной) церкви в этих османских (в юридическом смысле) землях.

Еще более плотным было сотрудничество балканского христианского по вере торгово-предпринимательского люда с западными державами.

Традиционная, хоть и не всегда последовательная поддержка Россией и ее православной Церковью единоверцев на Балканах и в Восточном Средиземноморье после екатерининских войн с Турцией (1768–1774, 1787–1792) обрела правовую и устойчиво развивающуюся тенденцию. Это вызывало обостренную реакцию и в Стамбуле, ориентировавшемся на инициативные акции держав в развитии реформаторства, и в европейских столицах. Последние остро нуждались в обеспечен-

ных коммуникациях через османские земли на Дальний Восток, в Индию, в Африку. Модернизация османского общества, почти на две трети состоявшего из немусульман (Балканы, Левант), создавала предпосылки сравнительно устойчивого, а главное — извне формируемого под запрос промышленной революции колоссального рынка сбыта, сырья и трудовых ресурсов.

Россия не могла в силу своего запаздывающего развития противопоставить индустриальным державам ничего, кроме духовного религиозного единства, основанного на общности восточно-православных ценностей. Правда, на стороне России оставался и еще один мощный фактор. Ее героическая армия, сокрушившая Наполеона, поддерживавшая легитимизм в рамках Венского Священного соглашения 1815 года.

Державы Запада готовились к новому, оптимальному для индустриального мира середины XIX века переделу Востока, причем желательно руками обитателей застывших в прошлом самих же восточных стран. Исламское государство — Османская Турция — с «управляемым» из Лондона, Вены, Парижа, продвинутым в культурном смысле христианским элементом 24-миллионного населения представлялось в планах колониальных глобалистов той поры идеальным компонентом новой системы международного разделения труда и охраны торговых путей «Европа — страны Индийского океана». Мешала Россия. Сама по себе наша страна представляла совокупность «центра силы», который надлежало предельно ослабить, и своей слабо развитой, «удобной» для расчленения периферии — Кавказ, Причерноморье (Крым), Дальний Восток. Эта периферия и стала мишенью при решении геополитических, экономических и, в качестве первого шага, религиозно-культурных задач Англии и Франции в отношении Российской империи.

Документы Архива внешней политики Российской империи — например, отчеты МИД за 1841–1844

гг., изобилуют данными о готовности России по просьбе турецкого султана предоставить в его распоряжение мощную эскадру и 25-тысячный десант для сохранения во всей полноте суверенных прав на Черноморские проливы и любые другие земли. Петербург фактически отказался к 1841 году, т.е. ко времени подписания международного Лондонского соглашения о статусе Босфора и Дарданелл, от преобладающего влияния в Турции. Продолжалось таковое с конца 1829 года (Адрианопольский мир) и включало Ункяр-Искелесийский военный договор 1833 г., серию уступок Турции и державам в отношении прав православного населения Балкан и Сиро-Палестинского региона.

Невыработанность определенного политического курса Петербурга в отношении турецких (османских) реформ, включая положение православных христиан, слабость торговых позиций и уступчивость царской дипломатии в ключевых вопросах (Проливы, открытие новых представительств (консульств) держав в крупных торговых и культурных центрах на Балканах и на Леванте), были по-своему истолкованы и использованы Западом. Святые места Палестины, включавшие вековые святыни иудеев, христиан и мусульман, стали объектом одновременно религиозного и торгово-политического давления на Турцию с целью распространения преобладающего влияния на всем Ближнем Востоке.

В 1839–1841 гг. Англия учредила вице-консульство в Иерусалиме и совместно с Пруссией добилась от султана разрешения на учреждение протестантского епископата и строительства в Иерусалиме протестантского храма. Немедленно свое консульство с мощным аппаратом служителей католического культа при нем открыла Франция. Обе державы требовали особых привилегий для своих единоверцев — подданных султана.

Ответный ход России на продекларированные акции Англии и Франции в защиту католиков и протес-

тантов из армян, греков, арабов и выкрестов-иудеев был, на наш взгляд, решающим в том обвальном процессе гонки за преимущественные позиции в Святых местах Палестины, которая как повод и привела к вооруженному столкновению держав.

Российские дипломаты в Стамбуле выдвинули идею в рамках османской административно-территориальной системы выделить (учредить) Иерусалимский пашалык (условно – губернию). Предполагалось, что султанский ферман об учреждении нового пашалыка, включающего, разумеется, Святые места, будет содержать пунктуальное перечисление прав православного населения и «станет основанием для разрешения грядущих споров с духовенством других толков и иными державами»⁴.

В исходе 1841 года Петербург осторожно поддержал иерусалимского митрополита Иакова, который жаловался, прибыв в Тифлис, на «бесчисленные захваты» католиками православных храмов в Мосуле и Алеппо. Позиция Петербурга формулировалась так: «Все наши действия по этому предмету (рост протестантско-католического прозелитизма и давление держав на султана – В.Ш.) должны быть тем осмотрительнее и осторожнее, поскольку они не имеют основанием трактатных (договорных – В.Ш.) постановлений»⁵.

Реакция султанских властей на идею особого Иерусалимского пашалыка была заинтересованно выжидательной, западных держав – активно отрицательной.

Нарастание взаимного недовольства между конфессиями в Святых местах Палестины начало интенсивно использовать в торговых и политических целях султанское правительство – Высокая Порты. Продавались и перепродавались утверждения (ферманы) на

---

⁴ Цит. по: Отчет МИД за 1842 год // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Отчеты МИД, 1842 г., л. 316–317.

⁵ Там же, л. 315.

кафедры митрополитов и патриархов, оказывалась поддержка тем иереям, за которыми стояли наиболее влиятельные торговые и финансовые представители Англии, Франции, Австрии. В гонке клобуков против полновесных фунтов стерлингов и франков православные иерархи все быстрее оттеснялись на вторые-третьи роли, стремительно падало их реальное духовное влияние на местную паству, (арабы, армяне, греки и др.), сокращались и без того не впечатляющие объемы сотрудничества православного клира Святых мест с церковными учреждениями в России.

В 1848 году личный представитель папы Пия IX архиепископ Фарьери был милостиво и сугубо конфиденциально принят султаном. Он получил после переговоров статус представителя при Высокой Порте, что означало восстановление прерванных Ватиканом в эпоху Крестовых походов (XI век) отношений с исламским миром. Османские источники свидетельствуют, что наибольший интерес у Абдул Меджида вызвало послание Пия IX к православным подданным султана, прежде всего в Сирии и Палестине. Оно содержало предложение перейти «всем вместе и сразу» в католичество и получить тотчас покровительство папского престола, защиту и поддержку христианнейшего французского государства. В распространении соответствующих документов среди немусульман региона деятельно участвовали османские власти и очередной доверенный Пия IX епископ Валерга, утвержденный султаном в качестве главного «латинского патриарха Иерусалима». Начальник первой Русской духовной миссии в Святой земле архимандрит Порфирий (Успенский) оценил в 1848 году совокупность действий Порты, Франции и Ватикана как полнейшее нарушение 400-летнего статуса христианских общин на Востоке, при котором иерархическое старшинство неизменно признавалось султанскими властями именно за *православным патриархом Иерусалимским и всея Палестины*.

Далекие от паникерства, трезвые и высокообразованные люди, горячие патриоты России, сам архимандрит Порфирий и наши дипломаты — посланник в Турции В.П. Титов и генконсул К.М. Базили — обобщили ситуацию: «Духовное влияние России на Святой земле падает быстро; еще быстрее упадет, если не принять мер, влияние политическое».

Был на исходе 1848 год — год революционных бурь в Европе. В МИДе и в Зимнем дворце предостережения восприняли серьезно, но реакция оказалась замедленной на несколько шагов по сравнению с динамизмом принц-президента Шарля Луи-Наполеона, объявившего себя в декабре 1851 года императором Франции Наполеоном III, и папы Пия IX, деятельно его поддерживавшего в качестве «рыцаря католической веры».

Ватикан, заметим здесь, стремился оттеснить на Востоке давних соперников — протестантов и англиканскую церковь, вытеснить их полностью, вернуть в лоно римско-католической церкви миллионы «заблудших душ» Православных Востока и Балкан. Наполеон III, слабая копия своего великого дядюшки Наполеона Бонапарта, полагал, что путь на Восток с «мечом и крестом» в конечном итоге приведет его к безграничной власти в Европе. Без России, погубившей Бонапарта, и, по возможности, без Англии, вечного соперника Франции в колониях Востока и Нового Света, а также в Испании, Италии, Греции.

ДЕЛА ЦЕРКОВНЫЕ, РАСЧЕТЫ СВЕТСКИЕ

Как известно из истории, при разделении в IV веке н.э. Восточной Римской и Западной Римской империи все святилища Святой Земли в Палестине отошли «под руку» иерусалимского православного духовенства. До раскола христианской церкви на Римско-католическую и Восточно-христианскую (православную) проблемы и

разногласия клириков Святых мест носили сугубо личностный характер. Установление султанского исламского режима в Константинополе (1453 г.) и не сразу сложившиеся, но достаточно прочные и уважительные отношения султана-халифа (после 1517 г.) и Вселенского патриарха в Стамбуле (Константинополе) обеспечивали в целом стабильную ситуацию в Святых местах.

После 1099 года (взятие католической крестоносной ордой Иерусалима), как один из итогов Крестовых походов западного католического мира на Восток, сложился такой порядок в Святых местах Палестины, что из 12 главных христианских святынь 9 оказались в руках католического клира. Однако 3 главных святыни все же хранились православными священнослужителями. В том числе заветный ключ от главных больших дверей Вифлеемского храма (церковь Яслей Господних) и другой ключ от Иерусалимского храма (церковь Гроба Господнего), их хранили совместно православные греки и армяне. Все церемонии по обряду совершались в присутствии и под контролем светских османских властей. Дело в том, что *хранение ключа* и в христианской, и в исламской традициях воспринималось как право на владение целиком святыней и право на первоприсутствие в храме. Следствием были упрочившиеся за века чисто земные, материальные интересы: пожертвования и сборы от паломников, от налогов за приобретение или удорожание недвижимости и т.д.) Незначительное количество, временами 5-8 человек, иногда всего 3-5 человек, католических монахов проживали при храме Святого гроба, но они пользовались правами экстерриториальности и полной защиты турецких властей. Таково было содержание ст. 33 франко-турецкого капитуляционного договора 1740 г. Все спорные межконфессиональные вопросы были обязаны ко всеобщему удовлетворению решать османские власти — паша (правитель) в Сайде и местный иерусалимский турок-градоначальник (мутасаррыф).

Мелкие свары в среде местного арабо-армяно-греческого восточно-христианского клира не прекращались с XI века и продолжают поныне. Однако целенаправленный политический характер придали им Наполеон III и Пий IX. На наш взгляд, в отличие от позиции Е.В. Тарле, сдвиг в оценке Палестинских святынь как политического оружия или инструмента произошел не столько под влиянием необходимости для Наполеона III доказать Франции и миру мощь своей новой империи (что в принципе неоспоримо), сколько под влиянием факторов более фундаментальных, жестких и отчетливо прослеживаемых на уровне не столь давно открытых документов.

Активизация, потенциально исключительно мощная, русских инициатив относительно создания нового Иерусалимского пашалыка практически не исследована, поскольку все проблемы Святых мест Палестины погребла война 1853—1856 гг. Инициатива нашей дипломатии (1847—1848 гг.) о выделении Иерусалима в некую небольшую зону «вольного города» под общей османской юрисдикцией, но с серьезными, как у всякого пашалыка, правами не могла не подвигнуть циничного и жесткого прагматика — Наполеона III «Маленького» на самые решительные шаги и акции. И вот почему.

Россия существенно выиграла в глазах Высокой Порты тем, что содействовала — без компенсаций в торговом или политическом статусе — умиротворению в Ливане (1845 г.), где местные жители друзья-мусульмане и марониты-христиане, опираясь на деньги и оружие соответственно «своих» держав — Англии и Франции, братоубийственно истребляли друг друга, а заодно и ненавистную, чуждую им турецкую власть. Война бушевала в этом богатейшем уголке Леванта. Введение в Ливане при самом активном участии русских дипломатов (консультации, советы, посредничество и т.д.) системы прямого султанского управления двумя проти-

востоявшими религиозными общинами посредством уполномоченных османского центра (независимые от местных властей каймакамы Порты) приостановило гражданскую войну в Ливане, притушило на какое-то время братоубийство, ограничило возможности турецких пашей-сепаратистов и западных интриганов греть руки на пепелищах домов несчастных ливанцев.

Перспектива восстания в Молдавии и Валахии, в других европейских землях Османской империи как отзвук революций в Европе 1848—1849 гг. была по крайней мере отодвинута Балта-Лиманской русско-турецкой конвенцией 1849 года.

Выходило, что наша российская дипломатия активно и конструктивно содействовала предотвращению разрастания вооруженных конфликтов в различных областях Османской империи.

Трудно винить Николая I за то, что он не поддержал революцию в Дунайских княжествах или не поспособствовал разгоранию гражданской войны в Ливане. В том и в другом случае власть турецкого султана могла бы рухнуть, но новый статус территории отнюдь не был бы определен повстанцами, его решали бы державы. И не в интересах России.

Большую настороженность Франции вызвали, кроме того, деятельные и в конечном итоге успешные представления Англии в пользу создания особого патриархата греков Ионических островов (1840 г.), «всецело расположенного с умилением взирать на британского посла-благодетеля». Этот архипелаг лежал вблизи Греции, которую Париж считал страной своих особых интересов.

Россия и Англия достигли в 1841 году взаимосогласия рассматривать хребты Гиндукуша как естественную разделительную линию британских и русских интересов к востоку от османских границ. Довольно успешно они взаимодействовали в посредничестве в ирано-турецком пограничном урегулировании. Николай I и высшие сановники России зачастили в Англию.

— Русские все лечат подагру на водах, на курорте в британском Бате и обсуждают, причем с пониманием, судьбу «больного человека на Босфоре». Неужели в Европе нет других целебных вод, — раздражался Париж. — Не слишком ли близко они, Лондон и Петербург, подвигаются друг к другу...

Был и еще один не забитый гвоздик в сапоге французского властелина. Английская и прусская дипломатия в Стамбуле тесно сотрудничали с богатой, обладавшей обширными и устойчивыми финансовыми и коммерческими связями и на Востоке, и в Европе еврейской общиной Турции (*яхуди миллет*). Со времени подготовки и подписания англо-турецкого торгового договора 1838 года эти связи умножились за счет посреднической торговли и ростовщичества, запретного для торговца-мусульманина. Три года спустя этнический еврей-выкрест М. Соломон был назначен первым епископом англиканской церкви в Иерусалиме (1841 г.). Там он деятельно защищал торговые интересы и Берлина, и Лондона и одновременно склонял, как главный документ, «иудеев Святого города ко Христу».

Святые отцы протестантской конфессии зачастили в Сирию и Палестину, т.е. в зону повышенных забот Парижа. В разбуженной самой Францией при поддержке Ватикана активности вокруг покровительства османским немусульманам выявился неожиданный для Парижа поворот.

В октябре 1845 года представительная депутация от иудейского (яхуди) миллета — общины посетила британского посланника в Стамбуле и вручила ему снабженную многочисленными подписями петицию. В документе говорилось, что в Османской империи все православные подданные султана находятся под покровительством России, католические — Франции и других европейских держав. Только евреи-иудеи «страдают и мучаются без покровительства и почтительно просят королеву Великобритании взять их под опеку». Менее

чем через месяц (!) пришло указание лорда Абердина британским дипломатическим службам в Османской империи оказывать яхуди миллету *все возможное содействие*, общую же идею британского покровительства еврейскому населению «обсуждать с лицами, того заслуживающими своим влиянием и положением среди единоверцев»⁶.

Не укрылось от Парижа и то обстоятельство, что богатейшие и влиятельнейшие в мире еврейские банковские дома Ротшильдов и Монтефиоре из-за плеча британских дипломатов, стамбульских, палестинских яхуди-ростовщиков стали очень внимательно поглядывать на купола Святой Земли. А старые банки с интересами от Лондона и Марсея до Каира и Стамбула — это опасная сила... Во все времена.

Турки-османы не без успеха искали займы в Европе. Высокая Порта неспешно и со знанием дела готовила реформы всего финансового хозяйства и готова была заключить на выгодных для себя долгосрочных условиях заём в Англии, у английских Ротшильдов в первую очередь.

Те же Ротшильды готовы были и Петербургу ссуживать... Для Шарля Луи-Наполеона все это выходило скверно.

И Шарль Луи-Наполеон сделал решительные шаги в двух направлениях: к императорским регалиям и к Святой Земле.

С начала 1850 года католическая пресса Европы, прежде всего подконтрольная Луи-Наполеону и Ватикану, бесчисленные «беспристрастные наблюдатели» обрушили на читающий мир проблему Святых мест Палестины. Русская зарубежная публицистика и пресса (бельгийская газета «Норд» и др.), финансировавшаяся через К.В. Нессельроде, были буквально смяты

---

⁶ АВПРИ, ф. Главный архив V-A2, 1845 г., д. 515, л. 99. 14 (26) октября 1845 г. В.П. Титов — Н.М. Воронцову-Дашкову.

шквалом измышлений и наветов на русскую Православную Церковь, на ее культурно-духовную миссию на Леванте и на Балканах, на все миротворческие усилия русской церкви и дипломатии.

Вопрос о ключах к храму Гроба Господня стремительно покатился, обрастая осложнениями, в сторону прямой конфронтации.

Бесспорно, у нашего пытливого читателя из числа юношеской аудитории, из учительного корпуса звучат настойчивые и требовательные голоса: «Неужели академик Е.В. Тарле, сам Тарле не знал этих фактов?» Отвечаю. Да, многого он не знал, ибо архивные подборки ему готовились по приказу «сверху». Тщательно отбирались документы, укладывавшиеся в «пораженческую» концепцию, умаляющую место Православной Церкви в Восточном вопросе и дела «проклятого царизма».

Е.В. Тарле, виртуоз стиля, разрабатывал эту концепцию пораженчества, подстраивая свою книгу под интересы и взгляды самого «Хозяина». Многого Е.В. Тарле не успел оценить и обобщить, ибо работал над темой всего 3-4 года. Не знал он восточных языков и соответственно уникальных документов. Бог ему судья, но он крайне небрежно относился к интересам крупнейшей, фактически единственной державы Ближнего Востока, Балкан и Северной Африки — Османской империи, тем более к судьбам ее регионов; ряд использовавшихся им информационных блоков XIX века по Турции были инспирированы (через материалы А. Убичини) военным ведомством Османской империи и т.д. Об этом см.: Шеремет В.И. Османская империя и Западная Европа. М.: Наука, 1986.

СВЯТЫЕ МЕСТА И БЕСЧЕСТНЫЕ ИНТРИГИ

Во второй половине 1852 года, когда темные тучи конфликта все плотнее стягивались на высоком и прозрачном небе Палестины, наш мудрый и прозорливый

генеральный консул К.М. Базили, кстати, уроженец Константинополя, настойчиво (и, как всегда, деликатно) акцентировал перед российским МИДом острейшие проблемы Святых мест в политическом и конфессиональном контекстах. Дадим ему слово после 150 лет молчания.

Он писал, что в политике Порты, в целом спекулирующей на грызне между православным и католическим клиром за места близ Гроба Господня, намечился сдвиг. В Стамбуле несколько озадачены той чрезмерной энергией, с которой французская дипломатия защищает и без того «безмерно фаворитизируемых Портой католических подданных султана». Так, в очередном споре греческого патриарха в Святых местах и епископа Бейрута Порта предложила третейское решение через мнение трех других независимых епископов, не прибегая к апелляциям ни к Папе римскому, ни к султану как главе всех миллетов империи.

Вообще, как писал К.М. Базили, речь пошла не только о правах и интересах православной церкви на Востоке, а о позиции России в целом в Османской империи. «Определенная недоброжелательность к нам со стороны турецких властей и слепое их расположение к Западу, новые разочарования их в нашей [политической] линии могут привести к большому конфликту в Иерусалиме и других местах Святой Земли». Базили предупреждал, что протекторат Франции над католиками на Леванте фактически сложился; таковой же Англии — над протестантами, «отчасти над другими христианами из числа армян, арабов и иудеями». Франция не вполне удачлива, писал он, в своих восточных делах, а потому ей выгодно поддерживать напряженность на Леванте. Франция доминирует во влиянии на Порту, но только благодаря бесчисленным интригам своих представителей в Стамбуле и в Святых местах. Основная мишень Франции — Россия, и

Париж на все пойдет ради осложнения русско-турецких отношений.

Базили предельно четко указал, что вопрос о ключах в Святых местах сугубо принципиальный, это вопрос позиции державы, ее влияния на Востоке. Ключ, за который шла ссора, от двери входа с юга в пещеру (храм) Рождества, очень важен в христианском мире, поскольку сама дверь ведет в главную часть пещеры (в кувуклию). Не менее важен и ключ от главных дверей храма в Вифлееме. «Борьба за древние ключи, — прогнозировал ситуацию К.М. Базили, — уже привела к конфликтам в христианском мире, но неминуемо будет использована для упрочения власти фанатичной части мусульманского сообщества, когда всерьез перессорятся державы, которые стоят за конфессиями»⁷.

Наглядным примером того, как Франция манипулировала различными аспектами проблемы статуса держав в Святых местах, был малоизвестный «казус флагов», имевший место еще летом 1843 года. Дипломаты Франции в Египте, Сирии и Палестине забили тревогу по поводу того, что Франция утрачивает решающее влияние на правителя Египта Мухаммеда Али, озабоченного объемами проводок в перспективе судов через Суэцкий канал и соответственно отчислений в казну Каира. Другая проблема — наследственные права сыновей Мухаммеда Али на Египет, которые жестко оспаривала Высокая Порта. В этих комбинациях присутствовали английские и австрийские дипломаты как посредники, а финансисты Лондона и Вены как особо заинтересованные стороны. Напомним, что в ирано-турецком разграничении в это же время медиацию осуществляли Лондон и Петербург, но не Париж.

Вот тут и развернулось. Консул Франции в Иерусалиме де Лентиви официальным представлением к

⁷ АВПРИ, ф. Главный архив V-A2, 1852 год, д. 100, л. 22–23, 36–42. 10 (22) июня 1852 года, 24 декабря (старого стиля) 1852 года.

Порте потребовал право поднять национальный флаг Франции над консульством. Ему было отказано со ссылкой на отсутствие таковой практики и на особое положение трехконфессиональной святыни — Иерусалима при полной невозможности что-либо менять в статусе консульств. Имелась отсылка и на деликатную хрупкость межконфессиональных отношений. Консул упорствовал.

Вмешался совещательный Диван при султানে. Его вердикт был таков: Франция необоснованно и любыми путями стремится приумножить свои права и преимущества в Святых местах Палестины и... в Магрибе. Посольству Франции было передано мнение Дивана: Алжир не считается «утерянной землей османов», а Палестина есть суверенная территория империи Дома Османов. Ретивый консул в Иерусалиме притих, но тут посол Порты в Париже Нафи-эфенди сделал представление Парижу, в котором говорилось, что не флаги в суверенном (для султана) Иерусалиме Франции надлежит поднимать, а... вернуть Алжир.

Реакция официального Парижа была истеричной, с элементами угрозы. Диван, Порта и султан Абдул Меджид, тогда еще молодой и нотами держав не обстрелянный, сдались.

Это было не в пример его отцу Махмуду II, который, владея языком в качестве родного, читал документы с листа, не вставая с миндера, и кое-что рвал без объяснения — французская кровь матери Эме де Ривери, кузины незабвенной Жозефины де Богарне Бонапарт, закипала в Махмуде II, когда Париж, именно Париж давил на потомка нормандских рыцарей и османских владык половины Европы.

Франция получила право поднять свой флаг над генеральным консульством в Бейруте. В обмен на отказ от французского флага в Иерусалиме, но с увеличением льгот для потенциальных паломников-католи-

ков к Гробу Господа нашего Иисуса Христа. Консул де Лентиви вполне утешился эксклюзивным правом прикупить новый участок земли вблизи Святогробских святынь⁸. Париж шел на Восток...

Любой конфликт на Востоке, как полагали на Дворцовой площади, дом 6, можно было уладить путем переговоров, пока Англия не заняла единую позицию с Францией, но Париж «уперся» в проблему Святых мест... Как полагал, успокаивая себя, чиновный Петербург, на Востоке все спокойно. Отношения султана и патриарха складывались ко взаимному удовлетворению. Наблюдатели сообщали, что «новый Вселенский патриарх Германос был с почетом принят султаном» (1852 год). Православный клир Дунайских княжеств часто обращался в Высокую Порту, «лаская тайным видам ея на укрепление влияния [турецкого – В.Ш.] на внутренние дела всей Восточной [православной – В.Ш.] церкви». Чего же более...

Заметим, что в 1852 году в России по приходам было собрано до 15 тысяч рублей серебром на Храм Гроба Господня и еще до 8 тысяч рублей серебром на церкви Святой Земли⁹.

В 1852 – начале 1853 года русские миссии (консулы и т.д.) в Османской империи согласно сообщали, что Порты и местные власти в Святой Земле строго и четко выполняют султанский ферман от 29 января (10 февраля) 1852 года о защите святынь Палестины и регулировании межконфессиональных проблем через третейское содействие местного турецкого паши. Лучшего и желать нельзя.

Увы, оказалась вне августейшего уха Николая I, идеальная (на мой взгляд – В.Ш.) формула К.М. Ба-

---

⁸ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1843 год, д. 34, л. 439–532. Депеши Кремера Титову и Титова к Нессельроде. 27 июня (9 июля) 1843 года и 24 августа (5 сентября) 1843 года.

⁹ АВПРИ, ф. Отчеты МИД, отчет за 1852 год, л. 285–295 об.

зили: «Опора на Православную церковь на Востоке и содействие Порте в выборе политической системы через реформы наиболее соответствовало бы интересам Российской империи на Востоке»¹⁰.

Император создал мощную, как он полагал, системе власти, был истинно верующим, православным монархом. По-настоящему услышать глас служителей Бога он не сумел. Или глас тот был недостаточно зычным?

Деятели российской православной церкви на самых различных уровнях — от паломников и миссионеров до высших иерархов — били тревогу по поводу обвального роста прозелитизма на Ближнем Востоке, и в Святой Земле в первую очередь. Святейший Синод, в том числе Н.А. Протасов и С.С. Уваров, т.е. лица из «первоприсутствующих», с начала 1840-х годов озаботились сбором достоверной информации о быстром росте культурно-политического и экономического влияния (торгового, но при этом под прикрытием высоких фраз о защите христианских духовных ценностей на Леванте) держав на Леванте и на Балканах. Масса документов на сей счет еще ждет своего исследователя. Признаем, что Дворцовая площадь, 6, долго отталчивалась на представления Церкви.

В начале ноября 1841 года один из патриархов православной церкви в Османской империи Константин направил в Синод взволнованное по духу и острое по содержанию послание. В нем, в частности, говорилось, что чиновники Высокой Порты, пользуясь невниманием к проблеме российских дипломатов в Турции, фактически продают свое официальное покровительство и административную защиту православных церквей и монастырей, которые они, власти, должны осуществлять в рамках османских законов и русско-турецких договоров и соглашений. Напрямую вмешиваются в распри между католиками и православными в

¹⁰ Там же, л. 21–23 об.

Турции, как правило, принимают сторону гораздо более богатых и связанных с Западом своих католических подданных.

Так, турецкие власти по согласованию с Папой римским и его неформальными представителями в Турции встали на сторону епископа Максима, главы османских католиков в Александрии, Антиохии и Иерусалиме, с целью создать в Сирии (и, следовательно, Египте) единый католический духовный центр, тогда как малейшая объединительная тенденция православных епархий жестко пресекалась. Под видом стабилизации положения дел, как писал патриарх, Порта стремится изъять управление доходами православных монастырей из рук православного клира, хотя монастыри имели соответствующие султанские разрешения с XV–XVI веков¹¹.

В бумагах Синода отмечено, что к 1850 году в Османской империи находилось 4 патриарха, 22 митрополита, 19 архиепископов, 120 епископов. Они окормляли примерно 9 млн. 260 тысяч православных из общего числа османских подданных в 25,5 млн. человек. «В иностранных землях живет 17 миллионов православных», — говорит документ¹².

Январем 1846 года помечена записка «О бедственном положении православной церкви в Болгарии». Автором ее был выпускник Одесской семинарии «природный болгарин» Захарий Петров (Княжевский), который не сумел «приискать себе место» в среде православного клира болгарских земель, несмотря на самые положительные рекомендации своих российских пасытней. Впрочем, речь не о нем. Автор остро реагирует на попытку местных (в Болгарии) османских властей

¹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода), д. 28220, л. 2–4; патриарх Константин — Н.А. Протасову. 4 (16) ноября 1841 года.

¹² Там же, ф. 1661, оп. 1, д. 503, л. 1 — 10 об. «Православные в Турции и Австрии». Составил К.С. Сербинович.

определенным образом подменить и систему православного миллета как такового католическим, а поскольку это было столь же нелепо, как шийт в должности шейх уль-ислама суннитской уммы в Турции, то Порты «действовала ...рублем» (или, в данном случае — курушем).

После 1844 года архиепископские кафедры стали, по личным наблюдениям автора, продаваться турецкими властями грекам-священникам любого ранга за наличный расчет. Место самого низшего звена — священника в болгарском селе едва грамотный грек выкупает у архиерея (тоже грека) за полторы тысячи курушей (1 куруш — 6 копеек серебром). А место архиепископа, но уже у местного османского чиновного властелина, купить можно было за 300—500 тысяч курушей, т.е. от 180 тысяч до 300 тысяч русских рублей серебром.

«...Проторговавшиеся греки-купцы приобретают таковые места, как пишет автор, на самый последний момент, и в убытке не пребывают...» «...Такие иерархи, следуя османской вековой откупной системе, пасут себя сами, а не свое “стадо” (окормляемых). Живут роскошно, вовсе не радея о своем долге, питают закоренелое презрение к болгарам, их народности и языку, строго запрещают богослужение на языке славянском (болгарском), находя в том поддержку Порты...».

Захарий Петров, не драматизируя, а скорее концентрируя взгляд на главном, писал следующее. Молодежи из православных кругов очень трудно получить от Порты документы на поездку в Россию. Пропуск во Францию, Итали. и Австрию выдается беспрепятственно, особо поощряются выпускники школ и кружков, расплодившихся вокруг католических миссионеров¹³. Архимандрит Владимир (Сухопан) прилагал свидетельские показания о том, что через турецкие власти можно купить благословение Константинополь-

¹³ Там же, ф. 797, оп. 16, д. 38206, л. 2—6 об.

ского патриарха (4–5 тысяч курушей). «Избежание проклятия (местного, в Европейской Турции) лихоимца в митре стоит всего 300 курушей. Если не дашь, то в зиндан (тюрьму) к туркам и... по пяткам, чтобы кровь через чулки...» Все это с ведома и одобрения туркамуселима¹⁴.

Документы, в том числе записка Захария Петрова, внимательно изучались в Синоде, о чем свидетельствуют пометки С.С. Уварова и Н.А. Протасова, копии шли к К.В. Нессельроде и, видимо, клались «под сукно». Впрочем, ряд столь же тревожных документов был не только изучен обер-прокурором Синода, но и доложен Николаю I. Тот многое, очень многое читал лично. Только вот на государственном уровне поддержки в должном объеме не последовало.

Царь затребовал, например, мнение Синода на пространную записку упомянутого архимандрита Владимира (Сухопана) из Константинополя (Стамбула) от 1 (13) октября 1845 года. Уроженец Австрии, архимандрит Владимир был истинным служителем православия, не столько патриотом России, сколь «радетелем душевным истинного, по вере и корню славянскому, сближения русского народа с единоверцами на Востоке» (из оценки записки, видимо, С.С. Уваровым).

Архимандрит Владимир обращал внимание Синода в России на проявления жесткого и далеко идущего по своим последствиям вмешательства Порты в имущественные споры между православными и католическими общинами и отдельными лицами, между клиром и прихожанами. Как писал о. Владимир, османские власти «близким к ним грекам предлагают за большие деньги целые приходы... У епископа, — писал он, — ищут успокоения как временного, так и вечного. ...Но [купивший свое место у турок — В.Ш.] епископ считает епископство свое светским поместьем, которое он получил

¹⁴ Там же, л. 25–26 об.

от константинопольского патриарха на откуп на неопределенное, большей частью весьма короткое время».

Преуспевают такие «клирики», по словам о. Владимира, «отменно на перепродаже мест, в бракоразводных делах и в исках касательно наложниц для мусульманских богатеев».

Архимандрит обращает внимание Синода в холодном Петербурге на огромную проблему — отсутствие должного внимания России к духовному просветительству через книги, школы и т.д., что влечет «незнание и отторжение в душах и мыслях единоверцев России в Болгарии и на Леванте». Наоборот, Франция не только щедро субсидирует стамбульского католического епископа (32 тыс. франков в год), но и открывает на деньги от правительства и с одобрения турок духовные семинарии и массу школ. Названы за один год школы на острове Хиос, в Измире, две школы в Стамбуле, школы в Бейруте и Антиохии. В Бебеке, под Стамбулом, Франция открыла Духовную академию «с преимуществом поступления греческой молодежи, которая получает и образование, и перемену веры на католичество, и покровительство» (на основе капитуляций — В.Ш.).

Любопытен еще один взгляд о. Владимира на «перспективный прозелитизм» французских духовных лиц в Турции вкупе с дипломатами. «Французское покровительство [с выдачей паспорта, т.е. двойное гражданство — В.Ш.] располагает к переходу [в католичество], в особенности восточных армян, народа торгового. Они находят таким образом вернейшее поручительство для своей торговли и достаточную защиту против произвольной конфискации их имущества Портой, потому что им служат тогда [в случае конфликта с турками] посредниками... латинские священники, которые умеют всегда найти доступ к посланникам римско-католических дворов при Высокой Порте».

Архимандрит Владимир высоко оценивает проявления веротерпимости в Турции на всех уровнях — «от народного до чиновного». Но он справедливо обращает внимание на то, что специальный представитель Ватикана, высокий иерарх собора Святого Петра под защитой турецких кавасов (приставов) совершает помпезную многонедельную поездку по стране с мощами Святого Рената, «возвышая на Леванте и в Европе (Европейской Турции — В.Ш.) интерес к политике Франции и Святого Престола». *Замечание просто феноменальное для нашего перенасыщенного фундаментализмом времени.*

Архимандрит Владимир мыслил широко и перспективно, видел глубокую политическую подоплеку в прозелитизме и сближении Порты с папским престолом. «Папа, — писал он, — старается распространить свое учение на (Ближнем) Востоке, а католические дворы, в особенности Франция, не жалеют денег, чтоб содействовать распространению папизма в османских пределах и через то парализовать нравственное влияние России на умы единоверцев на (Ближнем) Востоке».

Человек высокой моральной ответственности за судьбы своей паствы и очень наблюдательный аналитик, о. Владимир выделил несколько главных направлений, на которых прозелитизм смыкался с финансово-культурным и политическим давлением держав Запада в регионе. Напомним, в 1840-х годах шла еще борьба политическая и духовная, а с 1848—1849 годов усилился до кризисного уровня силовой компонент, вылившийся в Крымскую войну.

К этим направлениям архимандрит относил частую смену патриархов в Константинополе, что особо поддерживалось Портой (5 патриархов сменилось за 1840—1845 годы). Невежественность и корыстолюбие — вот главные черты этих выходцев из фанариотских кругов Стамбула, где Порта черпала своих драгоманов, советников, лоцманов и ...священнослужителей. «...Фанариоты, обласканные Портой, всегда и во всем

патриархами недовольны. Требуют их смены, а потому он (патриарх) обращает все внимание, чтобы возратить себе издержанные на свое избрание суммы».

Другое направление — начальное обучение православных детей католическими, ибо других мало или нет, учителями-миссионерами. О таких учителях о. Владимир писал, что они утром дают детям уроки арифметики и французского языка, а ближе к вечеру работают на турецкие власти или на турок-торговцев (бухгалтерские расчеты, посредничество, толмачи и т.д.). Такие «пастыри», отмечал о. Владимир, как и упомянутый Захарий Павлов, отнюдь не видят насильственной исламизации болгар, убеждают Порту не принимать от России никакой богослужебной литературы, что идет в дар православным. Зато фанариот — Константинопольский патриарх в циркулярном письме епархиям предложил митрополитам и епископам употреблять в личном общении и в быту только греческий язык, «заставляя забывать природные языки»¹⁵.

Как будто застеснявшись своего обличительства в адрес православного клира, о. Владимир обращает внимание Синода не только на «нравственное падение» русского влияния на Востоке, но и на то, что доходы от Святых мест уходят от «взора и пользы православия», а огромные, веками скопленные там сокровища, бесценные для духовного мира всего Православия, под угрозой. От «хищной Порты», от бесчестных фанариотов и от злонамеренного католического прозелитизма и тех, кто его «поправляет» против России¹⁶.

Какова была реакция Синода и чиновного Петербурга, включая самого царя? Извольте, читатель. К.В. Нессельроде отписал Н.А. Протасову 27 февраля (старого стиля) 1848 года: «...Вещи и богослужебные кни-

¹⁵ Там же, ф. 797, оп. 15, д. 38106, л. 49, 64–65. Письма З. Павлова (Княжевского) в Синод от 26 июня и 14 июля (ст. ст.) 1846 года. С приложением писем православных из Стамбула.

¹⁶ Там же, л. 26–28 об.

ги, собранные для Болгарии доброхотно в ряде епархий России, числом 13 ящиков... чтобы не возбудить неблагодарного внимания Турции, осторожно (так в тексте — В.Ш.) переслать в Константинополь, а не в Болгарию»¹⁷. Еще одно письмо К.В. Нессельроде Н.А. Протасову, 14 августа (старого стиля) 1851 года: «...Не следует беспокоить турецкую цензуру насчет книг церковного содержания; все, что собирается, следует направлять посланнику В.П. Титову в Константинополь на усмотрение его». Отсылать книги и т.д. православным на Левант считать «неудобоисполнимым»¹⁸.

Сам В.П. Титов там, на месте, в османской столице, на все нестроение в делах восточного православия отзывался так: много пишут (о записках в Синод и пр.) любопытного, много правды, но много и пристрастного...

Шел уже 1852 год! Посланник наш блаженно покуривал яблочный кальян, вкушал покой, а отравленный мед прозелитизма заливал тем временем все трещины и щели нашего духовного нестроения на Леванте. Не повторять бы ошибок прошлого...

«... Бедность, обнищание торговцев из православных, ущемляемых согласно Портой и латинянами, — вот суть причина принимать православных магометанскую или латинскую веру». Это уже из очередного, едва не кровью писанного послания Захария Павлова от 19 октября 1850 года.

И далее: ...иеромонахи исповедуют либо по-гречески, либо по-турецки. Не знаешь языка — уходи или... плати. Приобщение Святых тайн часто идет на турецком языке, не хочешь — иди в паломничество, а на какие деньги?

Католические миссионеры, как писал Захарий Павлов, поступают очень умно. Они говорят: вас, православных, грабят два волка — грек-пастырь и турок-

¹⁷ Там же, ф. 797, оп. 1, д. 38106, л. 157.

¹⁸ Там же, д. 38106, л. 157, 267–268, 270.

чиновник. Папа римский обещает вам сохранение родного языка в церквях, приумножение денег — в ваших кошельках, ибо Папа обеспечит вам защиту имущества, а детям вашим — школу и далее обучение на Западе. Что делает для вас, православных, Россия? — вопрошал, витийствуя, лукавый прозелит. Молчала горько паства православная...

«В каждом городке Болгарии есть по несколько десятков болгар, отступивших от православия, охладевших к религии, к своей народности, нерасположенных к России», — таков был печальный вывод З. Павлова.

Человек более приближенный к мирским заботам, чем о. Владимир, этот «русский болгарин» прогнозировал (1850 год) ситуацию, реализовавшуюся в Крымской войне. «В случае войны какой-либо европейской державы с Турцией болгары-римляне [католики], по всей вероятности, будут стоять за римлян или за христиан другого западного исповедания, а не за православных. Особенно при злокозненном влиянии отступивших от христианской веры [и перешедших в ислам и на турецкую службу — В.Ш.] поляков и венгров, рассеянных по всей Турции... Напоенные западным духом, они все равнодушны к родине, неприязненны к России...»¹⁹.

Противостоящие в назревавшем столкновении стороны из этой сложнейшей ситуации делали выводы противоположные и... одинаково неверные. Николай Павлович записки и доклады читал прилежно, но вместо оказания помощи единоверцам, реальной, быстрой и действенной, сетовал: «Не велика моя надежда на них (задунайских христиан), разве на сербов. И до того удостоверения не очень (я) расположен идти далеко за Дунай».

Обнадеживался тщетной мыслью «замучить турок» демонстрациями силы, хотя в серии писем трезво оце-

¹⁹ Там же, д. 38106. л. 238—240.

нивал русские силы в Закавказье как «недостаточные серьезным предприятиям»²⁰.

Западные советники при Порте, дипломаты-генералы и предприимчивые стамбульские коммерсанты с набором паспортов «первейших держав Европы» наперебой советовали туркам создавать ударные польские, венгерские, казацкие (некрасовские), еврейские легионы, набирать всех недовольных Россией в Дунайских княжествах и вперед-вперед.

Светлейший князь Варшавский И.Ф. Паскевич, которого, по злому и несправедливому сарказму А.С. Меншикова, в чем он превосходил даже А.С. Пушкина, в отношении, например, М.С. Воронцова, одолевали попеременно геморрой и охота к осведомительной деятельности, все это, т.е. «насуспенность защищаемых Россией христиан, коим сие не в радость и не в пользу», а также сколачивание профессиональных военных волонтеров в Турции, очень беспокоило. Он предупредил Николая I следующим образом.

Инсургенты в Польше, Подолии, Волыни вполне ожидаемы и подкормлены, кто Австрией, а кто Лондоном и Парижем. Опасно, как он (И.Ф. Паскевич) считал, «появление партизанских отрядов» в Киевской и Херсонской губерниях, где много помещиков-католиков из поляков, а крестьяне сплошь православные. Конфиденты сообщали светлейшему (пугали?), что Париж обдумывает, не послать ли некие войсковые части в Австрию, да поближе к русской границе. «Достаточно появления одного французского корпуса, — писал «старый барс Кавказа, хитрый лис Варшавы», — чтобы произвести если не восстание в Польше, то по крайней мере общее брожение умов».

«Заметки к воспоминаниям» — так называл И.Ф. Паскевич свои мысли, но не из ридикюля же он на-

²⁰ РГИА, ф. 1018, оп 10, д. 32, л. 3—3 об. Николай I — И.Ф. Паскевичу. 21 ноября (3 декабря) 1853 года.

звал царю примерную цифру в 26 тысяч франко-австрийских штыков у слабых западных границ России²¹.

ЗАПАХ ПОРОХА, ИЛИ АРОМАТ БОЛЬШИХ ДЕНЕГ

То, что Крымская война явилась надменной Европе и равнодушному Востоку своеобразным клубком нескончаемых интриг, мы себе уяснили. Внесем ясность в непосредственные поводы и характер войны, оценим позиции участников. Все знают, что война началась в 1853 г., и что во всем виноваты Восточный вопрос, царь и турки.

Однако русско-турецкий конфликт составил лишь фрагмент, хотя и принципиальный («пусковой»), в общей картине роста напряженности международных отношений в регионе с общим населением более 300 миллионов человек. Это был регион Юго-Восточной Европы и Причерноморья, Сирии, Палестины и Ливана, Малой Азии и Закавказья. В такой последовательности (в географическом смысле) шло вовлечение в конфликт земель и территорий Балкан и Ближнего Востока. Тенденция 1830—1840-х годов к закреплению индустриальной Европы в этой густо населенной при высоком спросе на западные массовые дешевые товары *контактной зоне* Восток — Запад осложнялась до уровня конфликтности двумя обстоятельствами. Во-первых, борьбой Англии, Франции и Австрии (при их внутренних противоречиях) против влияния России и особенно против любого вероятного сближения православной России и мусульманской Турции при христианском доминирующем населении Османской империи. Во-вторых, игрой держав на мультинациональной и мультирелигиозной нестабильности на землях,

²¹ РГИА, ф. 1018, оп. 10, д. 23, л. 295—297, 350—352, 382 об.—384. Конец 1854 года.

имевших решающее, веками устоявшееся транспортно-коммуникационное значение (Проливы, караванные пути, порты и их влияние на темпы и параметры формирования первого варианта мирового рынка сырья и готовой продукции).

Восточный вопрос, зародившийся в эпоху начала промышленного переворота в Англии и Франции (последняя треть XVIII в.) и совпавший с началом реформаторского, «под Европу», процесса обновления империи Османов, к середине XIX века приобрел особую сложность и остроту своих многочисленных граней. Он стал узлом, в котором сплелись национально-религиозные движения покоренных турками народов на Балканах и на Ближнем Востоке. Причем некоторые из народов — греки, армяне, арабы Леванта и др. — уже вступили на путь внутренних реформ. Они использовали религиозный фактор как знамя национального возрождения, а экономические связи (транспорт, финансы, посредничество с Западом или Россией) применяли как оружие в борьбе с османами.

Восточный вопрос эпохи Крымской войны осложняли колониальные аппетиты держав первого эшелона индустриализации, готовившихся делить (переделить) и Африку, и Азию, равно и отстававшую в преобразованиях Россию. Духовные рубежи православной России на Балканах и в Святой земле были незримы, но сокрушить их Западу было исключительно важно, чтобы нравственные начала русского православного влияния не могли скомпенсировать запаздывание экономического развития. Это получилось у России в великую эру екатерининского прорыва в Средиземноморье и Сиро-Палестинский район в 1770–1790-х гг., когда Англия еще только «разгоняла» машины промышленного переворота.

Показательна статья в парижском официальном *Le Journal des Debats* (10. 07. 1850). В ней султана-халифа

призывали встать во главе исламских подданных, чтобы подавить все выступления своих христианских подданных раньше, чем их, христиан Турции, поднимет против Стамбула Россия.

Чем не призыв к пресловутому джихаду? Пресса Франции, в несколько меньшей степени, но также и Англии, Австрии, Пруссии публиковала статьи, в которых «изучалась» перспектива всеславянского антиосманского восстания балканцев во главе с «православным вождем — русским монархом». Сирию, Палестину и в меньшей степени Египет запугивали новым крестовым походом православного русского царя против «сарацин Востока». Спасением и для Балкан, и для Сиро-Палестины должно было стать укрепление связей султана с Европой, опора султана-халифа на «цивилизованных и мирных» подданных, т.е. католиков и протестантов; сквозь зубы поминались иудеи, копты Египта. Все — тесно связанные культурно-религиозными и торговыми узами с западным миром, а не с Россией.

Османская империя и Россия с конца 1830-х годов и до 1853 года более или менее успешно уходили от ряда стимулировавшихся из Лондона, Вены, Парижа конфликтов. Среди таковых опасностей были революция 1848-1849 годов, краем опалившая Молдавию и Валахию — Дунайские княжества в составе Османской империи, и военная тревога 1849 года, когда флоты Англии и Франции стояли под парами, чтобы идти на помощь султану, равно и междоусобные конфликты в Ливане.

В период обострения социальной и политической нестабильности в Валахии Николай I 28 марта 1848 года (ст. стиля) твердо заверил султана Абдул Меджида, что Россия введет войска во владения султана *только по его, султана, личной просьбе*. 5-й пехотный корпус все же вошел 28 июня (10 июля) 1848 года в Яссы, но

не перешел р. Серет²². Этот ввод войск прикрывал русско-турецкую границу. Реакцию Турции выразил ее великий везир: «Меня сейчас больше испугал бы уход русских войск из (восставших – В.Ш.) княжеств, чем их присутствие»²³.

Порта уже отказалась от настойчивых предложений Луи-Наполеона относительно военного союза; неудачей кончились попытки Лондона навязать Стамбулу чисто военный заём на кабальных условиях и начать формирование христианских подразделений под командованием европейцев в составе мусульманских вооруженных сил Османской империи.

19 апреля (1 мая) 1849 года Россия и Турция подписали Балта-Лиманскую конвенцию сроком на семь лет о двусторонней ответственности за поддержание мира на беспокойных границах в Дунайских княжествах. Отработался хотя бы в первом приближении механизм согласованных решений на случай восстаний в других областях Турции. Оказался «замиренным», как говорилось выше, «без крови за его пределами» Ливан.

Состоялась важная дипломатическая акция – в России побывал специальный представитель султана трехбунчужный паша и везир (министр) Фуад-паша.

Миссия Фуад-паши в Петербург во главе чрезвычайного посольства в сентябре-октябре 1849 года носила дружелюбный и заинтересованный характер. В ходе официальных встреч в Азиатском департаменте МИД Фуад-паша подтверждал стремление султана все спорные вопросы решать на двусторонней основе. «Не только облачка, но даже легкой дымки, – заявил он, – не должно быть в отношениях двух держав... Все это [эмигранты, ренегаты, восстания и т.д. – В.Ш.] дело семейное, между Россией и Турцией... Мое правитель-

²² АВПРИ, ф. Канцелярия, 1848 г., д. 43. Инструкции К.В. Нессельроде В.П. Титову в Константинополь.

²³ Там же, д. 42, л. 473. Из депеши В.П. Титова К.В. Нессельроде в Петербург.

ство, — заверил он, — не желает никакого иностранного вмешательства в русско-турецкие отношения».

Действительно, в Петербурге Фуад-паша отклонил настоятельную просьбу австрийского посланника Блуменфельда о встрече. Он сослался на могущую возникнуть неловкость — он, Фуад, еще не был на аудиенции у русского императора. Более того, Фуад-паша просил передать Блуменфельду, что он здесь в России не для переговоров, а выполняет личное поручение султана — уладить кое-какие вопросы с русским царем. Как писал глава департамента, Фуад-паша категорически отрицал и саму возможность вмешательства Англии в русско-турецкие отношения²⁴.

Сырая и ранняя петербургская осень 1849 года вызвала обострение ревматизма у весьма слабого здоровьем турецкого посла. Кому положено, докладывали на Дворцовую, 6, что Фуад «с постелей не встает, кричит, пьет декохты и ведет оживленную переписку с Константинополем... Курьеры другой раз и чаю не выпьют, а уже в обратный путь...». К.В. Нессельроде и сам умел стонать и охать преизрядно и в болезни посла усматривал «кое-что политическое». Впрочем, царю Карл Васильевич рекомендовал всячески демонстрировать доброе расположение к Турции, особенно в тот момент, когда в турецкой столице идут переговоры султана с англичанами. Впрочем, намекнуть Фуаду о возможности на основании Балта-Лиманской конвенции (сенеда) обратиться к «военной», IV-й статье этого документа было вовсе не лишним²⁵.

В октябре 1849 года мощная британская эскадра уже шла от Мальты к Дарданеллам, чтобы «спасти» укрывшихся в Турции повстанцев 1848 года от карателей — русских. Воинственный лорд Пальмерстон в бе-

²⁴ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1849 год, д. 204, л. 119–120. Сенявин — К.В. Нессельроде, 3 октября 1849 года.

²⁵ Там же, л. 123–124, 125–125 об. К.В. Нессельроде — Николаю I, 12 и 24 октября (старого стиля) 1849 года.

седе по этому вопросу с послом России в Лондоне Ф.И. Брунновым прошупывал почву. «...Посылка эскадры к Дарданеллам... это все равно, что поднесение баночки с нюхательной солью к ноздрям дамы, у которой со страху помутилось сознание... Другое дело, если бы морские державы послали свои флоты в Балтийское море...»²⁶. Себя же лорд Пальмерстон именовал «рассудительным хранителем» склянки с нюхательной солью²⁷. Сама склянка, впрочем, напоминала мощный паровой флот.

В послании Лондона к британскому послу в Стамбуле уже запахло порохом Севастополя: «Помните, что правительство ее величества не может колебаться в отношении выполнения просьбы Турции в помощи...»²⁸.

Вот незадача для Англии! Султан все еще полагался на проверенную временем благожелательную позицию России и просить державы вводить флот в Босфор не собирался. Адмирал У. Паркер не был допущен даже в Мраморное море, финансовые эмиссары Лондона разочарованно покинули Стамбул: султан не взял денег на войну.

Тогда, когда не сработали военно-политические и военно-финансовые рычаги подталкивания Турции к конфликту с Россией, державы перешли к последнему и, как оказалось, беспроигрышному варианту – проблеме Святых мест Палестины. *Отступить, уступить в защите духовных начал православия Россия не могла по определению.*

Какие силы были заинтересованы в том, чтобы жестко стимулировать замедлившееся было соскальзывание к «большой войне в Причерноморье» и ускорить столкновение двух причерноморских держав?

²⁶ См.: Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая I. – СПб., 1887. – С. 606.

²⁷ Langford E. Victoria R.I. – London, 1965. – P. 254–255.

²⁸ British and Foreign State Papers, 1854–1855. – Vol. 38. – L., 1865. – P. 1290–1291.

Английская дипломатия настойчиво и последовательно готовила военный союз с Османской империей с 1848 года. В замыслы Г. Пальмерстона в 1850–1852 гг. относительно войны, которую надлежало начать против России, входил главной задачей — территориальный экспансионизм в Европе, в Азии и Африке. Причем под флагом «спасения» Османской империи и по ее просьбе (то и другое для обмана общественного мнения собственной страны и для обоснования вмешательства во внутренние дела «спасаемых от русских государства османов»). Известно, что Г. Пальмерстон своей «заветной целью» называл раздел России. При этом в награду за благожелательный нейтралитет или прямую поддержку он предполагал вознаградить российскими территориями Швецию, Пруссию и Австрию. «Крым и Грузию передать Турции. Черкессию либо сделать независимой, либо отдать под суверенитет султана»²⁹.

Подтвердить документальными данными соглашение о передаче Крыма или Кавказа Турции невозможно ввиду очевидной демагогичности заявлений Пальмерстона. Вместе с тем достоверно известно, что имперские интересы расширения территории Британской Индии в сторону Центральной Азии, сопредельной России, владели умами государственных деятелей Великобритании в период Крымской войны и обсуждались в прессе как нечто прозаическое — словно новый рецепт кекса к вечернему чаю³⁰.

К 1853 году оформились английские планы оккупации Черноморских проливов и части Малой Азии, превращения Черного моря в «британский военный док», где корабли Соединенного Королевства должны были бы безраздельно господствовать и поддерживать распространение британского владычества на Месопотамию, на Курдистан. Высказывались предположения

---

²⁹ Guedalla P. Palmerston. London, 1926.— P. 159–160.

³⁰ Nineteenth Century. Vol. I. London, 1877.— P. 43.

занять Багдад английскими войсками как единственное средство, которое могло бы пресечь «русское давление на Турецкую империю в Азии, оградить персидскую границу, наконец, уравновесить русское присутствие в Закавказье, удерживать русских подалее от северо-западных границ Индии».

В начале 1850-х годов противоречия в Индии, окончательное завоевание которой формально относилось к 1849 году (покорение Пенджаба), обострились до предела. Социальный и национальный конфликт населения Индии усугублялся деятельностью миссионеров, особенно рьяно насаждавших христианство в мусульманских районах. Перспектива участия взвинченных прозелитизмом сипайских войск, в первую очередь из мусульман, в войне на стороне исламского султана-халифа должно было содействовать разрядке взрывоопасного положения в Британской Индии. Само присутствие сипайских войск в Турции, вблизи от западных границ Ирана, создание аналогичных сипаям частей в Турции при одновременном усилении англо-индийского контингента в Северо-Западных провинциях Индии недалеко от «Русской Средней Азии» — все это отвечало бы стратегическим планам Лондона в отношении и Османской империи, и Ирана, и... непокорного Афганистана. Оставалось лишь заставить сражаться с русскими, а там... Главное, писали английские газеты, — «заставить ленивых турок воевать».

Отметим также, что в 1853 году заканчивался десятилетний срок перемирия Англии с шейхами на южных берегах Персидского залива. Пребывание усиленной британской эскадры в Заливе в годы Крымской войны и серия провокаций против Бендер-Аббаса и принадлежавших Ирану островов осуществлялись силами султана Омана под прикрытием флага Османской империи. В том же 1853 году против проанглийского правителя Бахрейна выступили шейхи Аль-Кати-

фа и Неджда — формальные подданные Османской империи. Борьба с ними, вмешательство в местные конфликты под фальшивым лозунгом охранения целостности турецких владений составляли в 1853 году одну из насущных проблем британской дипломатии в самой Османской империи — сюзерене этих земель и командования британского экспедиционного корпуса, сформированного к началу 1853 года для действий в районе Аравийского полуострова и Персидского залива. И это еще не все.

Кризис в отношениях между Россией и Турцией, превратившийся в войну на двух континентах, отвлечение сил России на войну с коалицией европейских государств было использовано Англией, Францией, затем США для достижения других политических целей на большом удалении от Османской империи — на Дальнем Востоке, в Китае и Японии. Предвоенные годы — 1850-1853 — стали периодом победного развития тайпинского движения, грозившего опрокинуть все зафиксированные в капитуляциях «успехи» Англии и Франции, а также США в Китае. Военные действия Англии и Франции в районах русского Дальнего Востока, сопредельных с Китаем, позволяли, во-первых, бесперебойно снабжать оружием китайское циньское правительство в его войне против повстанцев-тайпинов и подготовить вторжение в Китай (1856 г.). Во-вторых, втянув Россию в войну на Ближнем Востоке, Англия, Франция и США смогли не только избежать совместного с Россией демарша в Циньской империи (соглашение об этом было достигнуто в мае 1853 г. в порядке отвлекающего Петербург маневра), но и попытались реализовать экспансионистские замыслы в отношении Камчатки и русского Приморья. Готовилось также французское вторжение во Вьетнам, а гром пушек американского коммодора М. Перри знаменовал конец самоизоляции сегуната Токугавы в Японии. США и Англия окончательно оттеснили Россию в

борьбе за влияние в Японии. В условиях начавшейся Крымской войны преобладание этих держав было закреплено вследствие невыгодного для России Симодского русско-японского договора. *Итак, наступление на Россию велось и в Западной Азии, и на дальневосточных рубежах империи.*

В «подталкивании» турок к войне высокую заинтересованность с тех же имперских позиций неизменно проявляла Франция. В 1851 году французская армия после трех лет упорных боев в основном подавила восстание в Малой Кабилии (Алжир). В 1853 году развернулось новое восстание в Большой Кабилии. Вождь алжирских постанцев в 1830–40-х годах Абд аль-Кадер, с 1852 года проживавший в изгнании под Дамаском, поддерживал определенные связи с Алжиром. Во Франции было известно, что в Высокой Порте не исключали возможности восстановления османского господства в Алжире и связывали это именно с Абд аль-Кадером. Пресечь саму вероятность такого поворота событий, опасного для всех французских колоний в Африке, наиболее надежно мог все тот же военный союз с Османской империей. Нейтрализовать турецкое влияние в Магрибе, привлечь турок на свою сторону Франция и Англия, кроме того, стремились в связи с борьбой за влияние в Марокко и Тунисе, бывших под формальным протекторатом Стамбула.

Правитель Туниса Ахмед развернул к началу 50-х годов XIX века ряд реформ танзиматского образца, и с ним стремилась укрепить связи Высокая Порта. Перспектива усиления турецкого влияния в ливийском Триполи, а в 1851–1853 гг. Стамбул предпринял в этом направлении ряд конкретных шагов, столь же противоречила планам Франции и Англии по овладению этим районом, как и самостоятельное развитие некогда османских провинций — Алжира, Туниса или Марокко. Отвлечение сил Османской империи на войну с Россией и возможность контроля на правах военных

союзников и советников над вооруженными силами Турции, включая ее северо-африканские территории, было умело использовано Англией и Францией для «расчистки» дороги и в Северную, и в Черную Африку, что южнее Сахары.

На территориях Османской империи в Северной Африке наиболее близко соприкасались границы колониальных империй Англии и Франции. Это усиливало их соперничество за влияние на турецкую армию, на возможности ее использования на рубежах колониальных владений в Африке. Армия Османской империи, перевооруженная и управляемая извне, могла быть нацелена на реализацию колониалистских планов держав за пределами Турции. В целом проблема «турецких сипаев» весьма убедительно вписывается в общее стремление Пальмерстона и Наполеона III увеличить свои армии на перифериях колониальных владений, не прибегая к всеобщей мобилизации дома, в метрополиях. Лондону и Парижу было предпочтительнее действовать с помощью иностранных легионов, которые при необходимости могли транспортироваться их паровым флотом на большие расстояния — от Алжира до Бенгалии. Турецкая армия в этом отношении представлялась первым и самым перспективным опытом.

На ударную позицию выводилась Османская империя, оказавшаяся в 1850-х годах в гораздо большем военно-политическом подчинении у западных держав по сравнению с Ираном, Китаем и Японией. Османская империя обладала необходимыми, с точки зрения держав, стратегическими данными и реформированной по европейскому образцу армией, вооруженной однотипным с Западной Европой стрелковым оружием и артиллерией, что существенно облегчало проблему снабжения турок боеприпасами, другим военным снаряжением. Однако сделало при этом турецкую армию и всю Османскую империю еще более зависимой от западных держав.

В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Итак, цели и задачи войны, ударное место в ней Османской империи были западноевропейскими державами определены. Изменение курса Высокой Порты в сторону мира могло сорвать длительно готовившуюся обширную экспансию держав. Этого не произошло, так как царь-рыцарь Николай I уже не мог не поднять расчетливо подброшенную ему перчатку.

Со стороны России эта «перчатка» выглядела как утрата Россией сколько-нибудь достойных уважения и признания в многомиллионном христианском православном мире позиций по защите Святых мест.

Со стороны Турции «перчатка вызова» смотрелась как сохранение или потеря юрисдикции султана-халифа в Святой Земле, средоточии святынь трех мировых религий.

Высокая Порта рассматривала проблему участия христианских держав в судьбе иерусалимских Святых мест как закрепление ненавистного и нетерпимого для суверенной державы режима капитуляций, или иначе — неравноправных договоров Запада и России с Портой, заключенных в период с 1535 по 1774 год — от Франциска I до Екатерины II.

Любой, кроме султанского правления, режим Святых мест рассматривался Высокой Портой как коллективное или сепаратное вмешательство неисламских монархов с целью взять под контроль Святые реликвии и, по мнению султана и Порты, определять дальнейшую судьбу немусульманской, подавляющей, до 65—70%, части населения Османской империи.

Для Англии, Франции, Австрии, других держав Европы Святые места действительно были связаны с последней возможностью минимизирующе воздействовать на Россию. И при этом одновременно решать перспективные проблемы культурно-религиозного манипулирования зоной высокой экономической значимо-

сти – Восточным Средиземноморьем, путями через Суэц в долину Тигра и Евфрата, через Синоп – Трабзон в Закавказье и далее на Средний Восток и в Индостан. Полузабытый Великий Шелковый путь и прогрессирующая военная мощь индустриальных держав! Мир мог быть иным, не подними Николай I сакраментальную «перчатку войны», но... Поразмыслите над этим, мой читатель.

В январе-феврале 1852 года царь и султан обменялись письменными заверениями в стремлении сохранить мир. Абдул Меджид уверял Николая I, что считает своим *личным* долгом оберегать от злоупотреблений членов каких-либо конфессий христианские святыни в Иерусалиме; настаивал на своем праве проводить административные реформы, нужные его подданным всех религиозных убеждений³¹.

Личные пометки Николая I на неофициальных докладах ему от К.В. Нессельроде (5 и 26 апреля старого стиля 1853 года) свидетельствуют не в его пользу как прозорливого государя – император «закусил удила». Николай I в этих пометках выражал твердое намерение занять Дунайские княжества, если А.С. Меншиков в Стамбуле не подпишет искомые соглашения. Следующий этап в таком случае включал признание Россией независимости Дунайских княжеств (выделенные слова жирно подчеркнуты рукой царя – В.Ш.).

Затем, полагал император, последует блокада Босфора. Следующим шагом ему видалось признание Россией независимости Сербии (снова подчеркнуто – В.Ш.).

Николай I на первом этапе полагался на моральную поддержку Австрии; на втором – угрожающее для султана приближение австрийских войск в турецким границам в Буковине; на третьем – занятие ее Австрией, а также «признание Австрией независимости соседних нам [турецких] провинций». Николай I пола-

³¹ АВПРИ, ф. Главный Архив V-A2. Подлинные послания Абдул Меджида Николаю I на староосманском языке.

гал, что Австрия должна удовлетвориться заявлением о согласованности позиций Вены и Петербурга.

Немаловажным моментом Николай I считал заявить Европе и Австрии в числе первоочередных демаршей о готовности России строго соблюдать в Турции интересы христиан-католиков при соблюдении австрийским императором интересов православных подданных Турции³².

Полагаю, что это были не общие суждения императора великой державы. Николай I ошибался, но попусту воздух не сотрясал никогда. В Стамбуле это прекрасно понимали и относились настороженно к любому заявлению или действию Петербурга.

В августе 1852 – феврале 1853 года Россия поддержала крохотную Черногорию, подписавшую как суверенное княжество мирный договор с Турцией. Русские дипломаты добились отзыва с Балкан карателя балканцев, будущего героя войны 1853–1856 годов Омерпаши. В Стамбуле в эти же тревожные месяцы султан раз за разом отвергал попытки французского и британского посланника «открыть туркам глаза» на вероломство России» во всем, что касается христиан и военных реформ в Турции.

Царь-рыцарь, полагая, что честность есть лучшая политика и что джентльмены на Темзе правильно поймут собратьев по клубу великих держав с берегов Невы, совершил две фатальных ошибки. Послу Англии в Петербурге он прозрачно намекнул на необходимость Лондону и Петербургу поскорее договориться о совместной позиции в отношении судьбы «больного человека на Босфоре». Он тотчас получил холодное до враждебности предостережение со стороны Англии – «воздерживаться от энергических заявлений и морских демонстраций для принуждения султана». Николай I, естественно, взвинтился и «закусил удила». Все это бле-

³² АВПРИ, ф. Доклады, 1853 год, д. 30, л. 133–134 об.

стяже изложено у Е.В. Тарле, но лично я, как автор и историк, *здесь* на стороне Николая I.

Другая ошибка Николая I состояла в выборе личности своего чрезвычайного посла в Стамбул. Морской министр и член негласного Азиатского комитета при государе с 1829 года князь А.С. Меншиков к материи тончайшей, как лепесток едва раскрывшейся фиалки, именуемой *дипломатия на Востоке*, имел отношение столь же далекое, как янычарский ага к управлению пансионом благородных девиц. Третий по личной доверенности после князя И. Паскевича и графа А. Орлов при августейшей особе князь Александр Сергеевич был безумно храбр, несметно богат, абсолютно честен и ...любо-бому дураку говорил в глаза его диагноз. Нельзя было посылать героя войны с турками 1828–1829 годов, честнейшего вояку к прожженным интриганам, осевшим при султанском дворе. Негнулась спина верного сына великой империи в среде паркетных шаркунов, как не сгибалась она и под пулями в боях.

Провал миссии Меншикова колоритно и как-то сладостно выписал Е.В. Тарле, упустив в своем разоблачительстве промахов светлейшего князя содержание л и ч н ы х инструкций Николая I своему сугубо доверенному посланцу. Эти бесценные документы ждут своих публикаций.

Речь шла о дополнительных инструкциях касательно нормализации положения на русско-турецкой границе в районе Гурии и Кабулетии, о пресечении газетно-журнальной и иной антирусской «ажитации в пределах Османской империи, включая Сербию, Сирию и Палестину».

Детализировались перспективы роста торгового обмена морскими путями. В самой общей форме говорилось об удачных для обеих держав временах, когда их объединяли военные договоры. И не более того.

Отдельный проект касался уравнивания права России оказывать покровительство православным поддан-

лым султана в почти текстуальном совпадении с таким же правом, зафиксированным во франко-турецкой конвенции от 1740 года.

А.С. Меншиков, который, согласно его личному дневнику, изначально зрил себя во главе десанта на Босфор, брезгливо подергивая раненым турецкой пулей плечом, демонстрировал недопустимое неуважение к османскому дворцовому протоколу на приемах. Посланники Англии и Франции раздували «досадные пассажи» Меншикова, запугивали султана: «русские идут». Абдул Меджид сделал в ответ на все нелепицы русского посла и демарши западных посланников отличный ход, оставшийся, увы, не замеченным ни тогдашней прессой, ни современными историками.

Второго дня месяца шабана 1269 года хиджры, то есть 10 мая 1853 года, в ноте на имя Николая I султан брал на себя строгое обязательство ускорить и завершить разработку хатт-и хумайюна, иначе говоря — августейшего указа, предтечи знаменитого акта 1856 года об уравнивании в правах христиан и мусульман при строгом соблюдении их интересов в Святых местах Палестины.

Формальная основа для урегулирования святоместных проблем была получена. Но это уже никого не интересовало — у войны своя логика.

Таковы основные вехи политического и дипломатического развития событий, малоизвестных или вовсе забытых, которые и привели к первому масштабному вооруженному противоборству держав эпохи промышленного капитализма.

«ПЕЧАЛЬНО ПРИСТУПИЛИ...»

26 июня (старого стиля) 1853 года Николай I подписал Манифест о введении войск России в Дунайские княжества. 27 июня 1853 года был обнародован Манифест Высокой Порты к нации, призывавший к

отпору врагу, но объявления войны не последовало. С 14 июня 1853 года английская и французская эскадры стояли у входа в Дарданеллы, а посланники держав дорабатывали тексты залежавшегося военного договора держав с Турцией; султан с договором не спешил, но и не отказывался, как несколько месяцев назад.

Наиболее подготовленной к войне оказалась французская армия (около полумиллиона человек при 1182 орудиях). Уже несколько лет, после грозы 1848 года, она была готова к акциям внутри страны и к действиям за рубежом. Затем шли турецкая (440-450 тысяч человек, 372 орудия) и сардинская (около 120 тысяч человек, 256 орудий).

Султаны готовили свою армию современного регулярного типа в течение 30 лет и добились немалых успехов. Сардинская, почти профессиональная по уровню подготовки, армия была готова к боевым действиям в любых условиях Южной Европы и Ближнего Востока.

Хуже были подготовлены русская и английская армии. Огромная русская армия (более 1 миллиона человек на действительной службе) жила по законам и принципам крепостного права, давно изжитого на Западе и неизвестного в Османской империи. Яркие и точные оценки отсталости русской армии на всех уровнях и неподготовленности к боевым действиям в условиях многочисленных и разнесенных на тысячи верст театров военных действий дали М.И. Богданович, Н.И. Дубровин, А.М. Зайончковский, Е.А. Разин, Е.В. Тарле, И.В. Бестужев и др. (см. библиографию).

Наиболее полно и объективно моральный дух русской армии оценил «генерал от истории» А.М. Зайончковский в труде к 50-летию Крымской войны. «...Сила духа русского войска его грозное спокойствие и беспримерная стойкость особенно проявлялись в минуту тяжелых испытаний, когда для него наглядно была затронута честь русского государства или когда ему приходилось встречать врага на своей земле. Здесь рус-

ский солдат проявлял ту непреодолимую мощь, которая одинаково показала себя и в Отечественную войну 1812 года, и в Крымскую кампанию»³³. Автор привел также весьма нелюбезную оценку высшего командного состава русской армии. Исходила она из уст барона Д.Е. Остен-Сакена, участника севастопольских боев: «Генералы наши, исключая единиц, не соответствуют офицерам и солдатам. Я не говорю о личной храбрости, которая одна не достаточна для генералов»³⁴.

Как точно подметил современный британский историк (2004 год), англичане и русские умели отменно маршировать и красиво умирать. Воевать и проигрывать большинство из них не умело.

В 1854 году на действительной службе в британской армии состояло около 143 тысяч человек; в Британской Индии числилось более 300 тысяч сипаев и 35 тысяч собственно английских войск. Однако выделить для военных действий против России Англия смогла не более 30–35 тысяч солдат³⁵.

Современники отмечали, что английская наемная армия приучена скорее к казарменному комфорту, чем к полевым условиям. «...Солдат отважен и стоик в бою, если он выпался, наелся и... выпил»³⁶.

Французская армия, по оценке А.М. Зайончковского, строилась на «сознательном отношении к службе как офицеров, так и нижних чинов, считавших по-

---

³³ Детальный поименный разбор служебных и личных качеств командования действующей армии по запискам современника // Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. – Том I. – СПб.: Полигон, 2002. – С. 520.

³⁴ См. нашу публикацию: «Восточный Архив», № 14-15. – М.: Изд. ИВ РАН, 2006. – С. 14–18.

³⁵ Army Estimates. – London, 1856. – P. 4–5.

³⁶ Хибберт К. Крымская кампания 1854–1855 / Перев. с англ. М.: Центрполиграф, 2004, с. 21. Приношу благодарность школьному учителю и неугомимому исследователю С.П. Еремину (Москва) за возможность опереться на его блестящую диссертацию «Английская армия в Восточной войне 1853–1856 гг.» М., МПГУ, 2004.

зором нарушать требования дисциплины... Война была нормальным явлением для французской армии, и короткие промежутки мира не давали ей возможности усваивать сопряженные с ним пагубные привычки»³⁷.

Все лето и начало осени 1853 года на Дунайском театре происходило сосредоточение русских войск на левом берегу Дуная, турецких — на правом. Они выжидали. Последовало очередное заявление Австрии, которая негласно вводила усиленные части в пограничные с Турцией районы и на словах предлагала примирительные усилия, известные как Венская нота от 2 августа 1853 года. Султану миротворческая лъстивость австрийского посла и посулы займов от австрийской ветви Дома Ротшильдов казались перспективнее, чем жесткая настойчивость французского и английского посланников.

26 сентября (нового стиля) 1853 года 160 высших сановников и священнослужителей Турции поддержали военный вариант разрешения конфликта и одобрили заём у «ингилизов» на военные (строго!) цели. 1 октября (нового стиля) 1853 года соответствующий султанский указ о войне с Россией в переводе турецких специалистов был отослан в столицы з а п а д н ы х держав. России был предложен (4 октября) ультиматум о выводе русских войск из Дунайских княжеств. Двумя днями ранее последовала долгожданная на Западе личная просьба султана о введении эскадр Англии и Франции во внутреннее Мраморное море, фактически на стамбульский рейд. Таков выверенный нами по европейским и турецким источникам ход событий.

20 октября (1 ноября) 1853 года Россия объявила о состоянии войны с Турцией. 22 октября (3 ноября) в официальном «Журналь де Санкт-Петербург» был опубликован царский манифест о состоянии *войны с Турцией*.

³⁷ Зайончковский А.М. Восточная война.— Т. I.— С. 595.

Анализ в совокупности турецких и европейских документов дает основание утверждать — Османская империя в бесконечных комбинациях европейских политиков искала и полагала, что нашла, свой шанс. Влиятельная часть генералитета и духовенства рассчитывала «под музыку европейского оркестра» вернуть себе Крым, часть Закавказья, заставить, наконец, Шамиля признать суверенитет Высокой Порты, подавить «христианских бунтовщиков» на Балканах и на Леванте, пересмотреть договоры 1774–1829 годов. Впечатляющие планы! В стамбульской прессе тех лет нет-нет, да и мелькали довольные замечания турецких финансистов, что война аннулировала обременительные для османского бюджета выплаты в пользу «этих ненасытных гяуров».

В среде историков, от Е.В. Тарле и после него, как-то забылось, что Россия постаралась возложить на Турцию бремя издержек присутствия русских войск в Дунайских княжествах в 1848–1849 годах. Исчисленная сумма в 3,5 миллиона рублей серебром за постой русских войск подлежала к выплате с 1 июля 1852 года. В канун конфликта, в 1853 году, Порта приготовила, но не спешила отдавать России около 2 миллионов курушей, т.е. 120 тысяч рублей серебром³⁸. Огромная сумма для тощего турецкого бюджета, нацеленного на модернизацию страны.

* * *

На Дунайском театре стояла 87-тысячная русская армия, и она начала движение к мощной турецкой крепости Силистрия, где, как турки надеялись, русские увязнут, словно арба на дороге в распутицу. Так оно и случилось.

Главный же удар Анатолийская турецкая армия (или, по турецкой терминологии, корпус) наносила на

³⁸ АВПРИ, ф. Отчеты МИД, отчет за 1852 год, л. 261–266.

Кавказе, где русский Отдельный Кавказский корпус (ОКК) был связан беспокоящими рейдами Шамиля и угрожавшими передвижениями войск шаха Ирана в Прикаспии. Что именно шахские войска могли сотворить в Армении, Грузии и Азербайджане, уцелевшие местные старики помнили с кровавого 1795 года. Поэтому прикрывать иранскую границу приходилось плотно, чем и воспользовались турки.

План вторжения на «русский Кавказ» был выработан стамбульским командованием, как следует из турецких документов, задолго до войны, еще в 1849–1850 годах, причем в полном секрете от будущих союзников. Считалось, что Кавказ — «дело исламское», османы решат его по-своему, без держав, «в подходящее время». Не получилось. Первые неудачи русского Отдельного Кавказского корпуса (ОКК), нацеленного в 1840-х — начале 1850-х годов в первую очередь на замирение повстанцев горного Кавказа, сменились в 1854–1856 годах впечатляющими победами. Во-вторых, после формального заключения военного договора англичане жестко контролировали Анатолийский корпус, так как придерживали его для реализации своих собственных стратегических планов на Среднем Востоке и на Северном Кавказе, намеченных на 1857 — начало 1860-х годов.

Стратегической целью наступавшего по нескольким направлениям Анатолийского корпуса было овладение центрами русской военной и гражданской администрации в Закавказье — Тифлисом (Тбилиси), а также Александрополем и Ахалцихом. Предполагалось также операциями военно-морского флота Турции без участия англо-французской эскадры обезопасить коммерческую и военную навигацию на линии Стамбул — Синоп — Трабзон — Батум и наладить подвоз оружия и боеприпасов горцам Шамиля, которого султан уже рассматривал в качестве вновь обретенного вассала. Рановато, как оказалось...

Стратегической целью русского Отдельного Кавказского корпуса были мощная турецкая город-крепость Карс, где находился штаб Анатолийского османского корпуса, а также Эрзерум, Ардаган и Батум, т.е. узловые центры сухопутных и морских коммуникаций между Европой и Средним Востоком, проходивших через Трабзон — Эрзерум — Тебриз.

Первыми начали военные действия турки. 28 октября (старого стиля) 1853 года силами турецкого десанта из Батума была захвачена небольшая русская крепость, скорее таможенный пост на правом берегу реки Чолок. Однако дальнейшее наступление турок в Гурии, на Кутаисском направлении русскими войсками было приостановлено.

Крупные силы из состава Анатолийского корпуса действовали тем временем в Армении, на правом берегу реки Арпа-чай. 14 ноября 1853 года в сражении при Баяндуре потрепанные в горной войне с Шамилем русские войска потерпели неудачу и понесли значительные потери. Причиной этого были неумелое командование, отсутствие налаженной разведки, громоздкое линейное построение русских боевых порядков, наконец, 5-кратное численное и 2-кратное в орудиях превосходство свежих *регулярных* турецких войск. Однако дальнейшее продвижение турецкого Ардаганского отряда на Тифлис через Ахалцих и Боржомское ущелье было приостановлено стойкими оборонительными действиями незначительных по сравнению с турками сил русских солдат при поддержке местных ополченцев. Заметим, среди них были и христиане, и мусульмане, оказавшиеся абсолютно невосприимчивыми к джихадским призывам эмиссаров Стамбула.

Джихад против исключительно православных русских, грузин и армян притом, что другие «неверные» (англичане, французы и прочие христиане) были признаны союзниками султана-халифа по «антирусскому джихаду», был, с точки зрения правоверного ислама,

полным абсурдом. Напомним, что духовный и военный лидер горцев имам Шамиль и его сподвижники ратовали за чистоту ислама.

Еще более значимо положение, упущенное исследователями. Шамиль строил новое и с л а м с к о е государство с самим собой, наследственно, во главе, во многом используя, но всегда по-своему, ибо велик и мудр был этот горский лидер, идеи «пуритан и радикалов ислама» — ваххабитов Арабистана и отчасти идеи иранского шиизма. Реформы танзимата, проводившиеся османскими султанами в этот период, их западный, далекий от традиционного ислама характер, будь они распространены на «Кавказ Шамиля», уничтожили бы *саму почву для имамата Шамиля*. Пришлось бы сражаться и со Стамбулом султана-халифа, и с Петербургом русского царя, да еще и с гяурами-франками. Великий горец, «наемник капиталистов и слуга турок», по нелепой оценке Е.В. Тарле, избрал одного врага, которого признал всего через десяток лет своим покровителем — русского императора. Власти суннитов-реформаторов Шамиль — прагматик и суфий — предпочел далекого царя. Тегерану он не верил вообще, впрочем, ему там тоже не доверяли...

Вот главные причины, почему горцы не кинулись в кинжалы резать отступавших, малочисленных в начале войны русских солдат ОКК³⁹.

Уже 19 ноября (1 декабря) 1853 года при селении Башкадыклар русские солдаты и грузинские ополченцы (около 12 тысяч человек) нанесли чувствительное поражение объединенным силам регулярной турецкой пехоты, польских легионеров и курдской конницы (не менее 21 тысячи человек). Сражение произошло почти

---

³⁹ Материалы о новом видении автором данного издания этих проблем по документам войны на Северном Кавказе 1818–1864 годов легко найти на сайтах Российской академии естественных наук (РАЕН), Центра национальной славы России и Института востоковедения РАН (Шеремет В.).

синхронно с Синопским боем 18 (30) ноября 1853 года. Оба события стимулировали союзников на активизацию Крымской кампании.

Дальнейшие боевые столкновения зимой 1853-го и весной 1854 года на Кавказском фронте решающего значения для хода войны не имели (Е.В. Тарле). Союзники, прежде всего англичане, в ходе кампаний на Кавказе в 1855–1856 годах сосредоточили свои усилия (советники, новое вооружение, деньги) и энтузиазм османских генералов на укреплении без того неприступного Карса (более 50 верст по окружности), а также крепостей Эрзерум, Батум и еще 2–3-х поменьше. Все они располагались на подконтрольной Англии важнейшей торговой артерии Синоп – Трабзон – Тебриз – Британская Индия. Кроме того, Карс прикрывал направление на Месопотамию и Персидский залив от возможного наступления русских войск, чего панически боялся Лондон (не без основания); от шахского Ирана – Восточную Анатолию и Закавказье, которые Лондон уже считал зоной своих интересов.

В российском МИДе и в военном ведомстве внимательно следили за ситуацией и на Кавказе, и вблизи среднеазиатских границ. На Кавказе шла война, а общий курс дипломатии в Иране и Афганистане заключался в том, «...чтобы не подавать персианам повода к каким-либо законным жалобам или столкновениям на границе...» Настороженность, вполне оправданную, вызвало у Петербурга известие о том, что в середине 1854 года Тегеран посетила внушительная французская миссия. Целью миссии было «примирить шаха и англичан...», возможны были более глубокие варианты тройственного англо-ирано-французского сближения. Все закончилось франко-иранским торговым соглашением. Это хорошо, но что же делали некие французские наблюдатели в Коканде и Бухаре⁴⁰?

⁴⁰ АВПРИ, ф. Отчеты Азиатского департамента, 1855 год, л. 211, 220–221 об.

Уже после начала войны озабоченность в России вызывало и внезапное «возвышение интересов австрийских негодяев» к иранскому рынку. Впрочем, дальше помпезного визита тегеранских владык базара в Вену сюжет не получил развития. Однако англо-иранский договор 1856 года упрочил влияние Англии в сопредельных России землях, а с учетом влияния англо-австрийских финансовых и коммерческих связей (Ротшильды, Ллойд и др.) обеспечил интересы австрийской транзитной торговли в Иран и через Иран, как это имело место в Османской империи. Австрия сумела кое-что выгадать, и не участвуя напрямую в восточном походе.

* * *

Вернемся к событиям военным. После плотной систематической осады и ряда кровопролитных для обеих сторон штурмов 14 (26) ноября 1855 года 16-тысячный гарнизон Карса на самых почетных условиях (сохранение личного оружия офицеров, помощь всем раненым, свободный отъезд европейских волонтеров и т.д.) сдался войскам генерала Н.Н. Муравьева.

Для Османской империи Карс означал то же, что для России — Севастополь. Карс стал крупнейшей победой России в этой войне; козырной картой на грядущих мирных переговорах в Париже.

Неоднозначные события 1853—1854 годов происходили на европейском Театре военных действий.

Введение русских войск в Дунайские княжества не улучшило для России общую стратегическую обстановку. Прежде всего потому, что 81-тысячной армии вторжения под командованием генерал-адъютанта князя М.Д. Горчакова, человека предельно честного и абсолютно безынициативного, не представлявшего, как и его штаб, не говоря уж о войсках, конечной цели кампании за Дунаем, противостояла мощная турецкая армия. 145 тысяч хорошо обученных и лучше воору-

женных солдат при почти 50-тысячном иррегулярном конном войске прекрасно знали, что гяуры пришли на *их землю*. 45-летний хорват Михаил Латас, ставший мусульманином Омер-пашой, был опытным, умелым и осторожным военачальником, не боявшимся брать ответственность на себя. Увы, ни М.Д. Горчаков, ни А.С. Меншиков позволить себе этого не могли. Хуже всего было то, что 4-миллионное население Дунайских княжеств отнюдь не бросало «в воздух чепчики» по случаю вторжения русских войск. Освободителей здесь вовсе не ждали.

Дело в том, что процесс в целом перспективных реформ, проводившихся сверху, из Стамбула, шел вовсю. Помощь от России в свое время (революционное движение 1848–1849 годов) не пришла вовсе, а имела другую цель — подавить бурю в Австрии. «Туземец смотрит косо, а просишь пить — делает вид, что не понимает», — вот яркая запись офицера русской армии. Дунайские княжества уже сориентировались на экономическое сотрудничество с Францией, Австрией, Англией и на политическое (временно) подчинение султану. До 5–6 тысяч инсургентов, участников антицаристского восстания в Польше 1831 года и в Венгрии 1849 года, рвались в бой и были отличным резервом для Омер-паши.

В сражениях при селениях Ольтенице и Четати, крепости Журжево осенью 1853 года русские войска потерпели тактические поражения от численно превосходившего их в 2 — 3 раза противника. Турецкие регулярные части были дисциплинированы, хорошо управляемы и, к изумлению наших офицеров, активно и умело ввязывались во встречный штыковой (рукопашный) бой. Неопределенность позиции Петербурга «договариваться, устрашая, или воевать до победы» оборачивалась жизнями стойких, но не понимавших за что воюют, русских солдат.

Форсирование Дуная 11 (23) марта 1854 года крупными силами во главе с «легендой русской армии»,

престарелым душителем повстанцев и героем прошлых войн с турками князем Варшавским, графом Эриванским И.Ф. Паскевичем не изменило общего рисунка боевых действий. В середине апреля 1854 года началась и в июне того же года закончилась отступлением русских войск, а точнее говоря, очередным поражением осады Силистрии. Гордость империи Османов на Дунае господствовала в стратегическом плане на Дунайском театре и прикрывала театр от потенциального вторжения австрийских войск.

Сказывались цепкое и умелое сопротивление турецкого гарнизона, нависшая угроза удара турок из узлового опорного пункта — крепости Шумла. Наконец, 19 тысяч англичан и 41 тысяча французов из союзной армии с июля месяца 1854 года находились в приморской крепости Варна. Вместе с почти 100-тысячной армией Омер-паши и при недружественном нейтралитете Австрии все эти силы могли легко смять неуверенного ни в себе, ни в войсках русского командующего. До фактического столкновения войск дело не дошло, потери русской армии были значительными, но не боевыми (эпидемии, плохое питание, почти отсутствие медицинской службы, небрежность командования и т.д.).

Главное — русская армия избежала весьма отчетливо вырисовывавшегося поражения. *Мы ушли из Европейской Турции непобежденными. Так осознавали ситуацию в русской армии. Так оно и было.*

Два главных события определяли общую перспективу в оценке событий конца 1853—1856 года. Это Синоп и Севастополь в военном плане. Мирные переговоры и договор о мире с державами в Париже.

СИНОПСКОЕ СРАЖЕНИЕ

18 (30) ноября 1853 года в Синопской бухте под прикрытием береговых батарей из 38 орудий крупного калибра турки сосредоточили эскадру из 14 парусных

давно устаревших, но хорошо вооруженных кораблей (427 орудий), а также 2 пароходо-фрегата. На борту парусников находились войска и снаряжение для группы войск Кутаисского направления. Русская Черноморская эскадра под командованием П.С. Нахимова насчитывала 8 парусных кораблей, имела решающий перевес в количестве орудий (720) и в их качестве (72 бомбические пушки); неизменно более высокими были подготовка русских артиллеристов, морально-боевые качества русских моряков. Смелый тактический замысел П.С. Нахимова состоял в нападении силами всей эскадры на скученно стоявшего на рейде противника, в эффективном использовании корабельной артиллерии всех калибров при сосредоточенном прицельном огне нескольких русских кораблей на одном турецком корабле или на батарее, в использовании высокой точности и скорострельности стрельбы⁴¹. В полной мере оправдала себя нахимовская тактика постоянного боевого крейсерства, которую он отработал до совершенства в период своего участия в морской блокаде восточного побережья Кавказа в годы борьбы с Шамилем. Это позволило скрытно обнаружить врага, быстро поймать ветер, избежать прибрежных мелей и перестроиться для сокрушительной атаки.

30 ноября 1853 года при Синопе состоялось последнее в истории крупное сражение парусных флотов. Была вписана славная страница в боевую летопись русского Черноморского флота. Очередная, после Чесмы и Наварина. Разгром старого турецкого парусного флота был полным — было уничтожено 15 кораблей и все береговые батареи. Турция больше не строила парусных кораблей. Русская эскадра потерь в кораблях не имела. На 268 убитых и раненых русских моряков пришлось около 3,5 тысяч потерь у турок.

---

⁴¹ О личности и роли П.С. Нахимова см. наш материал на сайте www.CNSR.ru.

Несмотря на то, что уничтожена была лишь уставшая часть турецкого флота, сражение при Синопе сыграло решающую роль в подавлении инициативы противника, как Турции, так и англо-французской эскадры, на весь период войны на Черном море вплоть до самозатопления русской эскадры на севаستопольском рейде.

ЭВАКУАЦИЯ ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ. НАЧАЛО КРЫМСКОЙ КАМПАНИИ

Победы российского оружия на суше и на море в исходе 1853 года оказали принципиальное влияние на развитие вооруженного конфликта на Черном море и на его глобализацию. В Турции, по словам современника, иллюзии на победу рассеялись, как дым от кальяна, и зять султана засобирался с чрезвычайным посольством к русскому царю с просьбой о мире. Это он поспешил — державы срочно выделили султану льготный заем на военные цели (11 млн. франков), а франко-английская эскадра, нарушая все международные конвенции, до заключения формального военного договора прошла Босфор, курсом на Варну. Цель — угрожать русской Дунайской армии с ее слабо защищенного фланга (болгарское побережье).

31 декабря 1853 года Высокая Порта обратилась к декларировавшей себя посредником Австрии с предложением восстановить мир с Россией на условиях держав. Эту последнюю мирную инициативу турок никто просто не услышал. Вене, Лондону и Парижу нужна была война, а не русско-турецкий мир. Исследователи вообще «потеряли» эту ноту вплоть до 1986 года⁴².

12 марта 1854 года в Стамбуле был подписан первый в истории стран Ближнего Востока многосторонний турецко-англо-французский военный договор.

⁴² См.: Шеремет В.И. Османская империя и Западная Европа. — С. 198.

9 апреля 1854 года — уже без турок и в секрете от них — был подписан англо-австро-франко-пруссский Венский протокол о незаключении сепаратных соглашений с Россией. Вопрос о реформах для христианского населения Турции предполагалось решать и без России, и без... Турции. Короче говоря, ситуация обострилась и обнажилась, как кинжал в схватке.

Державы приняли решение добивать Россию на ее территории. В августе 1854 года (одновременно с захватом Аландского архипелага на Балтике) союзники окончательно договорились об экспедиции в Крым. Главной целью была база Черноморского флота — Севастополь. Военные займы, которые должны были намертво пристегнуть Турцию к колеснице союзников, были согласованы. Австрия и Пруссия в апреле 1854 года прикрылись дополнительным соглашением о мирных гарантиях в пользу Австрии, и Вена поспешила подписать со Стамбулом Военную конвенцию об оккупации Дунайских княжеств, полностью оставленных русскими войсками. Австрия и Пруссия высказались за свою долю при разделе сфер влияния на Балканах и на Леванте. Разумеется, по завершении русской экспедиции союзников.

Тем временем англо-французские войска оккупировали г. Пирей в Греции, где ожидалось выступления греков в пользу России. К августу 1854 года британские ружья, деньги и советники помогли Порте блокировать развитие курдского повстанческого движения, к которому могли присоединиться греки, армяне, айсоры, арабы Восточной и Юго-Восточной Анатолии. Опасались, что и здесь Россия «приложит руку».

Однако державы стягивали вокруг России кольцо удушения не только через восточные окраины.

19 (31) августа 1853 года союзники приняли последний вариант операции в Крыму. Высадка интервентов в незащищенной Евпатории началась в начале 9-го утра 14 сентября 1854 года: около 28 тысяч англи-

чан, до 8 тысяч турок и примерно 28—29 тысяч французов. Разбросанные от реки Альма до Севастополя, им противостояли не более 60 тыс. сухопутных русских войск, 34 тысяч человек личного состава числились по Черноморскому флоту. Общее командование силами армии и флота было возложено на князя А.С. Меншикова. Злые языки утверждали, что он так хотел стать во главе Босфорской экспедиции, что «накликал Босфор себе на голову».

О личностях нашего высшего комсостава написано много (см. библиографию) Оценим интервентов.

Командовал английскими войсками лорд Фитцрой Джеймс Генри Сомерсет (1787—1855), одиннадцатый (самый младший) сын герцога Боуферта, ставший в 1852 году первым лордом Рагланом. Корнет в 15 лет, лейтенант в 19, подполковник в 23 года, Фитцрой Сомерсет в 39 лет стал генерал-майором; кавалер ордена Бани (Англия), орденов Марии-Терезии (Австрия), Святого Георгия (Россия) и т.д. Он сорок лет прослужил верой, правдой и всей душой при великом полководце, победителе Наполеона герцоге Веллингтоне, был рядом с ним при Ватерлоо, где и потерял руку. Предельно скромный, честный, он не был генератором новых идей ни в военном деле, ни в политике — за шесть лет пребывания в Парламенте от него не услышали ни одного выступления, ни даже разговоров в кулуарах. Был холоден к живописи, книгам и музыке, предан идее величия Британской империи, прост в общении и любим в войсках. Ему было почти 70 лет, когда за «блестящую выдержку и тактичность», за отменный французский язык и, главное, за то, что тень великого герцога Веллингтона осеняла его благородное чело, лорд Раглан был предпочтен королевой Викторией и назначен (при трех сильных конкурентах) главнокомандующим на Востоке. Он сделал все, что мог, для победы под Севастополем, стал фельдмаршалом за Инкерман, но холера и осознание полной без-

надежности «предприятия» унесли этого выдающегося человека 18 июня (нового стиля) 1855 года.

Совершенно иным по складу ума и характера был французский командующий, выходец из мелкобуржуазных кругов, талантливый во всем, кондотьер по званию А.Ж. Сент-Арно. Он на деле был душой и мозгом армии.

За его спиной были опыт массовых «зачисток» повстанцев в колониальном Алжире и боев 1848 года на улицах Парижа, знаменитый Иностранный легион — «приют храбрецов и висельников». Годами балансируя между приступами личной храбрости, воинского искусства и полной беспринципности, А.Ж. Сент-Арно упорно шел к своей главной цели: «я должен прославиться».

Из рук Наполеона III Сент-Арно, деятельно помогавший совершить переворот и возвыситься племяннику гения с манерами эlegantного авантюриста, получил в 1852 году маршальский жезл и «всесилие на Востоке». В пределах, впрочем, экспедиционной армии в России. Государевым, т.е. наполеоновским оком при А.Ж. Сент-Арно был его старший адъютант и второе «я» Наполеона III полковник Трошу. Беспощадный к себе, к солдатам, прекрасный тактик, маршал Сент-Арно не мог, по определению, стать победителем в России. Его любимые «африканцы» прощлись и по Южной стороне, и по Малахову кургану, но Сент-Арно не получил триумфа. Непостижимая стойкость русских солдат — «они, русские, — говорил Сент-Арно, — не умеют сдаваться», — неколебимое спокойствие его коллеги, британского командующего, необходимость считаться с «какими-то турками» — союзниками по коалиции, явные просчеты и тайные планы парижского командования, нескончаемые тяготы «этой безумной войны» сжигали маршала. И, увы, дикая антисанитария во французском лагере... Все это свело в могилу под Севастополем и этого героя колониальных войн.

Преемником Сент-Арно по личному приказу Наполеона III стал сорокапятилетний «колониальный генерал» Ф. Канробер. Император Франции вообще доверял «алжирцам», возвышал безоглядно тех, кто пошел с ним на декабрьский государственный переворот и тем более, как Ф. Канробер, безжалостно расстреливал врагов Наполеона «по единому движению лихо закрученных императорских усов». Мастер усмирять беспорядки в бедуинских кочевьях и городских кварталах, склонный к драматичности поз, наработанных в месяцы личного адъютантства при особе Наполеона III, Ф. Канробер оставался по сути умелым колониальным офицером, но не более того: настороженным к опасности, заботливым к подчиненным, быстрым в движениях и в принятии решений. Он, так же, как и Сент-Арно, был шокирован «непостижимым мужеством» солдат и офицеров русской армии. В конце концов Севастополь сгубил и его.

Отличался от своих коллег-союзников равный им по званию турецкий командующий. Омер-паша, этнический хорват, католик по вере, принял ислам. Благодаря хорошему образованию, военным дарованиям, исключительному трудолюбию, стойкости к воинским невзгодам и лишениям был уважаем в войсках. От султана получил высший воинский чин в Турции – мушира и полное доверие. Даже снобы – британские высшие офицеры отзывались о нем: «В отличие от прочих турок (в составе союзных войск – В.Ш.), ненавидит показуху, обладает дьявольской энергией. Он очень спортивен, отлично ездит верхом и вообще обожает лошадей...» Каратель в балканских провинциях Омер-паша умел, однако, считать боевые варианты; он изначально был против десанта на Крым, много лучше других понимая силу русских. Он вообще берег свои войска как мог. При первой возможности постарался лучшие части перебросить в Мингрелию и сам ушел

подалее от своих «преданных союзников». Дожил до глубокой почтенной старости в своем босфорском имении, оставил массу детей и любопытные мемуары...

Таковы краткие эскизы облика трех командующих армией вторжения в Крым.

СЕВАСТОПОЛЬ – НАША БОЛЬ И НАША СЛАВА

Дорогу к Севастополю интервенты прошли совсем не так легко и уверенно, как произвели высадку. 8 (20) сентября 1854 года при крохотной речушке Альма произошло первое столкновение союзников и русских войск. Русские позиции были предпочтительными, поскольку опирались на господствующие высоты, но остались совершенно необорудованными. Двукратное превосходство в живой силе и несоизмеримость нарезных штуцеров против русских гладкостволок решили дело в пользу союзников, несмотря на разногласия Сент-Арно и лорда Раглана. Дико читаются британские документы о трофеях. А.С. Меншиков как главнокомандующий самонадеянно пригласил со специального помоста понаблюдать «за его победой» дам из «приличного крымского общества». Русские войска были разбиты, всех дам без потерь увезли с поля битвы еще до окончания боя, а англичане собрали трофеи – массу театральных биноклей, зонтиков и очень милых шляпок.

Союзники потеряли до 4,5 тысяч человек, наша армия – почти 6 тысяч. Впрочем, союзники, как писал француз-современник, после Альмы «разучились громко смеяться».

Союзники подступали к Севастополю, «слава Богу, – как сказал адмирал В.И. Корнилов, – прогулочным шагом». Дело в том, что интервенты были удивлены, как чисты, ухожены и даже богаты личные дома русских. Они не знали, куда девать награбленное – хрустальные люстры выше человеческого роста, прекрас-

ный фарфор и позолоченные безделушки. «Никогда в жизни не ел столько жирной курятины, кур мы ловили прямо на марше», — отписал домой один из участников вторжения в этот благодатный край России.

Игривость тона камуфлировала отнюдь не победные настроения в армии союзников — сказывались многотысячные потери в личном составе и неколебимая стойкость русских боевых порядков. Наступать в глубину полуострова, т.е. на Симферополь, все три союзных командующих побоялись. Не решились они и с ходу атаковать Севастополь. За 10–11 дней передышки, которую наши войска получили после высадки союзников, В.А. Корнилов, возглавивший оборону города-крепости, совершил почти невозможное. Была создана укрепленная позиция протяженностью почти в 2 километра, где разместились на оборудованных позициях 29 орудий большого калибра и заняли рубежи более 11 тысяч солдат гарнизона. 9 (21) сентября 1853 года семь кораблей были затоплены и загородили собой вход в бухту, матросы ушли на позиции.

Корнилов был везде, его слышали и видели все — от князя до рядового. Отметим, что невероятный по физической тяжести труд оборудования закрытых позиций и пр. вершился со словом Божьим, солдаты, матросы и горожане «внимали В.А. Корнилову с беспредельной доверенностью и горячей молитвой».

Вице-адмирал В.А. Корнилов отличался той особой религиозностью русского военного человека, которая в трудную минуту личной, или, что еще важнее, общей опасности давала ему полную уверенность в помощи Господней. Притом, что он лично и все окружавшие В.А. Корнилова точно и наилучшим образом выполнили свои воинские обязанности, истовая вера сплывала всех перед интервентами.

Особо ценил вице-адмирал присутствие священников в боевых порядках. В его глазах мир земной и

мир горний были практически неразделимы в великой и тяжелой страде обороны Отечества. Вера и Верность были для него неразрывны, и единство это служило опорой ему и вселяло силу в солдат и матросов и после гибели В.А. Корнилова.

«Донесите вы до солдата слово Господа нашего Иисуса Христа, а потом я и сам доведу до него слова государя императора», – говорил он священникам. Сочетание горячей искренней любви и трезвого командирского расчета, казалось, помогали В.А. Корнилову перенести всё – и неприязнь к нему князя А.С. Меншикова, и практически непреодолимые проблемы организации обороны почти с нуля.

Видевший его в последние недели жизни штабной офицер записал «для памяти себе и для науки внукам»: «...С губ адмирала не сходила легкая улыбка. Его глаза, всегда такие пронизывающие и все понимающие, сияли ярче обычного. Он держал голову всегда гордо и прямо, всегда несколько сутулый, он, казалось, выпрямился и стал выше ростом».

В.А. Корнилов, получив приказ отстоять Севастополь любой ценой, воспринял это как испытание в вере. Любимец Николая I, он отверг предложенный ему царем перевод на относительно спокойную службу на Балтике, отослал молодую жену с ребенком, а сам решил разделить участь флота. Он как герой погиб на боевом посту 5 (17) октября.

Его преемника П.С. Нахимова, человека одинокого, вся жизнь которого прошла на кораблях, на флоте да и в войсках любили за глубокую человечность, за бережность жизни рядового, за личную скромность и мужество. Его называли в глаза не по должности, а по имени-отчеству, за глаза – с суровой нежностью – наш «Нахименка-бесшабашный». Он также погиб на поле боя 16 (28) июня 1854 года.

В.А. Корнилов, П.С. Нахимов и их верные соратники В.И. Истомин (третий погибший адмирал) и во-

енный инженер Э.И. Тотлебен сумели в сложнейших условиях под огнем противника совершенствовать оборону города, создавать систему укреплений, многие из которых остались неприступными твердынями.

38-летний подполковник Эдуард (Франц) Иванович Тотлебен, прибалтийский пруссак по происхождению и внешности (могучий рост и крепость тела, властные манеры при пронзительном холодном взгляде), был истинно русским патриотом. Он, служака и чистая душа, не распознал в главнокомандующем А.С. Меншикове скрытую неуверенность честолюбца и как-то раз резанул тому в глаза правду-матку о слабости севастопольских укреплений как следствии его, Меншикова, промахов. Несмотря на полную доверенность со стороны князя М.Д. Горчакова, оценившего широту и таланты молодого фортификатора еще при Силистрии, а возможно, и вопреки поддержке М.Д. Горчакова, умнейший, но обидчивый до детскости в поступках и завистливый к чужой сильной мысли, светлейший князь Меншиков сходу отверг блестящую идею Э.И. Тотлебена об эластичной и мобильной системе оборонительных сооружений Севастополя. Более того — удалил его из города. История помнит все...

Прочная, глубоко эшелонированная оборона Севастополя возводилась усилиями солдат, матросов и всего населения буквально под огнем противника. Дело в том, что А.С. Меншиков, натура которого годилась скорее для красочной битвы в поле, чем цепкой обороной крепости, не сильно озаботился укреплением сухопутной части Севастополя. Поэтому англо-франко-турецкий десант, несмотря на «заминку» при Альме, 29 сентября создал реальную угрозу для города и базы Черноморского флота. Русская сухопутная армия дважды пыталась остановить наступление союзников, но неудачно. А.С. Меншиков всю жизнь прожил беззаботно, «по обстоятельствам», и здесь, под Севастополем, руководствовался тем же принципом. Не прошло...

Замедленность действий А.С. Меншикова и его полевой армии стимулировали французов и англичан на обходные маневры на суше, с тем, чтобы сначала разбить осажденных на Южной, хуже оборудованной стороне, а потом добивать — на Северной.

5 (17) октября 1854 года состоялась массивная артиллерийская обработка союзниками укреплений Южной стороны. 1462 орудия интервентов, разумеется, могли бы подавить 270 русских орудий в ходе шестичасового огневого шквала. Людей наших подавить было невозможно. Они устояли. Интервенты на наступление в этот день не решились, перенесли генеральный штурм Севастополя на 6 (18) ноября 1854 года.

За этот месяц произошли существенные подвижки в ситуации. В бою при Балаклаве, главной опорной базе союзников, русские войска проявили оперативную инициативу, но без необходимого усиления второй линии наступления, которое и захлебнулось. Сказались также «нестроения» союзников и слабая управляемость тремя национальными группировками, в результате чего бессмысленно (но не бесславно!) под нашими пушками полегла почти вся бригада английской легкой кавалерии, ее краса и гордость, сыновья британской аристократии...

Можно сказать — они искали славы. Мы защищали свою землю, иначе быть не могло.

Балаклава, Альма, редуты и бастионы Севастополя несколько вразумили тех в Лондоне и Париже, кто бросил свою молодежь на Россию. Еще раз отложить генеральный штурм союзников заставило сражение на Инкерманском плато, одном из доминирующих над Севастополем. Инициатива русских войск снова была парализована плохой управляемостью и несовместимостью наших плотных боевых порядков с противостоянием скорострельному нарезному оружию интервентов. Более 10,6 тысяч наших солдат и офицеров только в этом бою заплатили жизнью за военно-техничес-

кую отсталость. Союзники потеряли около 4,7 тысяч человек. И все же, безнадежный для нас штурм Севастополя союзники еще раз отсрочили. Развернулась позиционная война.

ИНВАЛИДЫ, ГОРОЖАНЕ И МОНАХИ ПРОТИВ МОРСКОГО ДЕСАНТА СОЮЗНИКОВ

На Балтике и в Беломорье союзники воспользовались стратегией косвенных сближений. Морская кампания союзников на Балтике имела основной целью изолировать Россию от потенциального и опасного для Англии по стратегическим соображениям союзника — Дании, от принадлежавших России территорий в Финляндии, от Швеции. Они стремились нанести максимальный урон устаревшему, но с огромной огневой мощью русскому парусному Балтийскому флоту, мечтали жестко заблокировать Гельсингфорс, Свеаборг и Кронштадт. Главное было — ослабить Россию на Балтике и закрыть по возможности надолго выход в Атлантику.

В середине июня 1854 года адмирал Чарльз Нейпир покружил вблизи Кронштадта и убедился в его неприступности. Что до шальной идеи британских лордов прорваться в Петербург, то посол Сеймур заметил, что вообще-то можно, но Зимний дворец слишком велик, чтобы «перенести его и водрузить в Трафальгарском сквере» в Лондоне. Неприступны были берега и порты в Эстонии и Латвии. Оставался Бомарзунд — крепость и культурно-торговый центр Аландского архипелага, что лежит между Финляндией и Швецией (сейчас под юрисдикцией Финляндии) и с 1809 года входил в состав России. Сейчас и тогда эти острова были предметом споров между шведами и финнами.

Аландским кусочком сыра Лондон надеялся заманить в ловушку Швецию и включить ее в стародавний (еще 1788 года) план союза с Турцией при патронаже Лондона, а потом быстренько поделить в России, «что

захватить удастся». Ведь в свое время, в эпоху войн 1787–1791 годов, турки готовы были послать янычар на штурм Петергофа (!), а шведскому королю Густаву III мерещился победный шведский поход к Персидскому заливу⁴³...

В 1854 году планы были примерно на том же уровне, с разницей в том, что на Аландах стояло при орудиях всего 1600 человек из 2175 человек гарнизона, живших в недостроенных укреплениях, и размещались устаревшие на полсотни лет орудия малого калибра. 12-тысячный десант (преимущественно французских моряков) не решился штурмовать крохотный гарнизон, отвечавший убийственной меткостью огня. 123 русских солдата центрального форта держались под прицельным, как на учениях, огнем англо-французской эскадры ровно неделю. В плен попали, отказавшись сдаться, тяжело раненный командир подполковник Теше и 4 или 5 комендоров. Живые русские солдаты ушли в город Або непобежденными. Французский командующий десантом Барагэ д'Илье дал знать стоявшим насмерть героям, что озлобленные французы готовы к штыковому удару и не пощадят никого. Гарнизон (в живых осталось менее полусотни человек) решил спасти семьи мирных жителей и сложил оружие.

Шел август 1854 года. Русские ушли из Силистрии, союзники еще не осели под Севастополем. Кровавожадному читателю на Сене и Темзе нужны были сведения о великих победах на Востоке, где именно — под Кюстенджи, Ольтеницей или Або — значения не имело. В глазах «военных партий» Европы разгром и полное уничтожение Бомарзунда должны были уравновесить шокирующий эффект нахимовского триумфа при Синопе.

Русские могилы, часто безымянные, ухожены и бережно охраняются памятливыми на Добро и Честь

⁴³ Подробнее см.: Шеремет В.И., Зеленина Л.В. Тень за тронем. М.: РИПОЛ-КЛАССИК; Наталис, 2006.

жителями современных Аланд (лето 2005 года). В России все пережившие плен у британцев бомарзундцы были награждены и отмечены Александром II.

Тогда же, в 1854 году архимандрит Александр взял на себя несвойственные сану и возрасту обязанности старшего воинского начальника в Соловецком монастыре и на самих островах. Белое море подверглось вторжению двух 60-пушечных паровых британских фрегатов. Монахи и инвалидная команда располагали двумя трехфунтовыми пушчонками, 20 пудами пороху и массой топоров и секир времен царя Федора Иоанновича. Девятичасовая прицельная пальба по стенам монастыря успеха интервентам не принесла – монастырь и его насельники от предложения сдаться отказались. Они решили умереть в бою. Убоявшись очевидной стойкости невидимого за вековыми стенами противника, фрегаты ретировались без десантирования.

Жесточкой бомбардировке в августе 1854 года был подвергнут г. Кола. Маленький приморский городок под Архангельском, где стояло гарнизоном 50 инвалидов, при поддержке горожан отбил три попытки британского десанта. Городок был разрушен английской бортовой артиллерией полностью, но люди устояли и тем возвысили русский флаг на Белом море.

1–2 сентября 1854 года порт Петропавловск-на-Камчатке был подвергнут мощному артиллерийскому обстрелу англо-французской эскадры (126 дальнобойных орудий). Затем последовал десант, численностью до 1000 человек, который обрушился на главные городские укрепления.

Менее 300 русских матросов при поддержке всего одной конной пушки взяли интервентов в штыки. Победили мужество и умение сражаться компактными боевыми группами в 30–40 человек. До трети интервентов и 115–120 русских пали в этом кровавом боестолкновении. Британский адмирал И.Д. Прайс покончил с собой, сказав окружению, что это самый большой по-

зор британского флага. Адмиралтейство Великобритании лишило всех уцелевших офицеров знаков отличия.

Россия устояла на своих самых дальних и незащищенных ничем, кроме воинской доблести своих сыновей, позициях. Наш легендарный адмирал Г.И. Невельской заметил в своих записках, что в Лондоне и Париже *после невероятного с военной точки зрения успеха полубезоружного гарнизона Петропавловска раздавались голоса, требовавшие наказать Россию тотальным потоплением всех судов под российским флагом, встречаемых в Тихом океане.*

Заметим здесь, что не слишком масштабные, но сугубо победные «деяния простого народа» на Балтике и на Камчатке, а именно так осознавали их, например, бывшие декабристы, гармонизировали сложные отношения в российском обществе. Знаменитый декабрист Сергей Трубецкой называл победу на Камчатке «домашним делом» из-за русской привычки считать всю Сибирь «одним двором, одним семейством»⁴⁴.

Таков был резонанс героических усилий русских людей в самых далеких уголках великой державы. Фрагментарность событий и низкий уровень боестолкновений на Балтике, русском Севере и на Камчатке не следует преуменьшать. Наши предки сражались в абсолютно безнадежных на успех условиях и побеждали. Они, монахи, горожане, солдаты и матросы, не дали державам установить систему анклавов, опорных баз своих войск, на русской земле. Подобная тактика в эту эпоху, например, в многомиллионном Китае в 1840—1850-х годах сработала *безупречно для интервентов.*

УГРОЗА НА ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦАХ

Можно сколько угодно ругать нерешительность А.С. Меншикова и «старческую вялость» И.Ф. Паске-

---

⁴⁴ Рекомендую для юношества книгу А.И. Шепарневой «Крымская война в оценке русского общественного мнения. 1855—1856». Орел, 2005.

вича в Варшаве. «Клевреты царя» (А.И. Герцен) знали больше, чем говорили. Австрия подготовила осенью 1854 года ударную группу войск в 125 тысяч человек в Галиции. Пруссия придвинула к вожделенным границам Царства Польского до 180 тысяч отборных войск. По сугубо закрытому мнению руководства Военным министерством, «выдержать общую войну со всею Европою Россия могла бы не иначе, как имея всегда по полумиллиону войск»⁴⁵. В наличии под ружьем было на конец 1854 года 186 тысяч человек.

С наибольшей четкостью и прямою острою ситуации сформулировал в исходе 1855 – первые дни 1856 года мудрый воин и «ревнитель государственности российской» И.Ф. Паскевич в записке лично к императору. «...Сохранение Крыма и побережья Черного моря едва ли не гораздо важнее не только влиянием на Европу, но и на Азию и в особенности на наши закавказские области; я, однако же, отнюдь не полагаю, чтобы для сохранения нашего обладания на Юге следовало бы бросить Польшу без боя». Предлагалось на западном направлении (Петербург, Прибалтика, Финляндия, Польша) сосредоточить 347 батальонов пехоты, в Южной полевой армии иметь 165 батальонов и в Крыму – 434,5 батальона⁴⁶.

Приоритеты были обозначены. Судьба Севастополя вырисовывалась вполне определенно.

Острой проблемой для наших войск на всех театрах военных действий явился «нежданный вовсе властями» (Б.Н. Чичерин) недостаток минимально обученного резерва и «малое до изумления» (Б.Н. Чичерин) число добровольцев. 29 декабря 1854 года (10 января 1855 года) появился Манифест о созыве Государственного подвижного ополчения.

⁴⁵ Цит. по: Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. – М.: Наука, 1974. – С. 268.

⁴⁶ Цит. и расчет см.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. ВУА (Военно-ученый архив), д. 5584, л. 4–400.

Придать событиям характер Отечественной войны, однако, не получилось. Числившиеся на бумаге 359 тысяч человек собирались на основе *общинной повинности*. Это было не земское, *народное* по сути войско, а *резерв* Действующей армии. Выборными были (и не все) офицерские должности, на усмотрение местного дворянства. Личность *вождя* — «сурового проконсула *Кавказа*» и героя войны 1812 года А.П. Ермолова не устроила Николая I. Проблема «зависла», а там и «войну повели к окончанию» (А.Б. Никитенко). Замечтим, что обстоятельства и перспективы этого ополчения совершенно не изучены в нашей литературе.

Малоизвестен нашей читающей аудитории, тем более в школе, даже сам вопрос о первоначальном, как тогда, писали, «воспламенителе войны» в сознании российского общества.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС И РУССКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

События, связанные с обострением русско-турецких отношений и с последовавшей войной, всколыхнули общественное мнение России, но не столь глубоко, как ее последствия. Остается в литературе слабо освещенным вопрос об отношении русского общества к проблеме турецких реформ (*танзимат*), к русско-турецким отношениям вообще как к составной части Восточного вопроса, стимулированного до кризисной фазы внешними факторами.

Острый кризис 1853 года в отношениях с Турцией, внешне весьма благоприятно развивавшихся, как уже говорилось, после Ункяр-Искелесийского союзного договора 1833 года и отмеченных военным сотрудничеством в 1848–1849 годах, был достаточно неожиданным для широких кругов русской общественности. В России со времен М.И. Кутузова и его небрежного —

«турку мы всегда побьем» привыкли свысока говорить о турецких реформах, о шаткости политики Высокой Порты. Поэтому жесткий тон, уверенная мотивация позиции турецких памфлетистов, не только на равных соперничавших с дипломатами и публицистами под прикрытием П.А. Чихачевым, К.М. Базили, Л.О. Тенгоборским в 1850—1853 годах на страницах европейской периодики, но и весьма успешно привлекавших к танзиматорам симпатии европейской общественности, вызвали в русской печати вначале растерянность, затем разброд оценок и лишь в отдельных случаях стремление разобраться, что же собственно происходит.

В условиях достаточно распространенного под воздействием панславизма и официозных маршей «Москвитянина» сочувственного отношения в России к «войне за Святые места» уже в самом начале ее формировалась у части русского общества мнение, что «не турок есть подлинный противник России». По словам современника публициста Д.П. Мордовцева, появлялось, кроме того, ощущение, «как многого России недостает, чтобы торжествовать над всеми». Вооруженное столкновение с Турцией поставило перед думающей Россией вопрос, насколько глубоко оказались реформы у южного соседа, которого почитали лениво дремлющим с кальяном, а тот оказался сытым, бодрым, хорошо одетым и со скорострельным штуцером в руке.

«В начале войны, — писал осенью 1856 года видный критик николаевской рутины, западник П.А. Грановский, — за исключением немногих благомыслящих, все шло смело, без рассуждений, хотя и без патриотического воодушевления за правительством. Мы так были уверены в своей силе, что все дело принимали почти за шутку... Оказалось — турок не шутит... Трудно приходится нам в неравной борьбе...»

Турецкий вопрос в его дипломатическом и военно-политическом аспектах послужил своеобразным

индикатором уровня оппозиционности к царизму в различных и по-разному его критиковавших кругах русского общества. Осмысление во многом ошибочности прежних представлений о реформах в Турции содействовало эволюции взглядов либеральных критиков царизма. Коснемся некоторых из них.

Славянофилы 1840–1850 годов А.С. Хомяков, С.Т. Аксаков и К.С. Аксаков, Ф.И. Тютчев, А.П. Блудова и другие полагали русскую и шире – православную, прежде всего славянскую общину идеалом общественного развития и средством противодействия капитализму, как они его понимали, в России, на Леванте и на Балканах. Обострение Восточного вопроса, включая конфликт с Турцией, воспринималось ими через перспективу движения патриархальных общинников-славян под эгидой «царя-батюшки» против западного капитализма, прежде всего в лице Австрии (!), и восточного деспотизма с «западными подпорками» – то есть Высокой Порты. Единственное решение турецкого вопроса, которое они видели накануне и в начале кризиса 1850-х годов, состояло в сокрушении Турции, становившейся, на их взгляд, оплотом индустриального Запада, в овладении Стамбулом (Константинополем) и в создании некоего «славянского единения».

Наиболее дальновидные из славянофилов увидели, что за столкновением с турками неизбежно последует война с европейскими державами (ожидали – с Австрией и Англией). Однако и они (А.С. Хомяков, А.Д. Попов) упорствовали в идее «святой войны» (далеко ли уходя от «священной войны» – джихада, за которую ратовали в Стамбуле). Они не увидели глобальности катастрофы в столкновении с союзом капиталистических держав и реформированной ими Турцией. Славянофилы неправоммерно преувеличивали готовность царизма «спасать единоверцев» и лишь давали повод турецким памфлетистам на страницах прессы

Англии, Франции, Бельгии сообщать о захватнических настроениях в русском обществе.

Вероятно, из этих кругов только дипломат, поэт и мыслитель Ф.И. Тютчев, профессионально изучавший Восточный вопрос, уже осенью 1853 года сумел понять, что перед Россией главный противник — не Турция, как трубил официоз, а западные державы, использовавшие Турцию. Он, правда, весьма идеалистически расценивал причины обострения турецкого вопроса в 1850-х годах как конфликт между славянством-православием и «западным безбожием» — революцией. Ф.И. Тютчев сокрушался, что, дескать, «революция захватила уже и Стамбул». Он скорее как опытный дипломат, чем вдохновенный поэт, пришел к выводу, одним из первых в России, о столкновении феодальных устоев России с кардинальными переменами в обществе, идущими на Запад, *в качестве главного содержания событий первой половины 1850-х годов.*

Под влиянием изначально оказавшейся гораздо более тяжелой войны с турками и их союзниками, чем ожидалось, наиболее трезво настроенные славянофилы переходили от утопических планов «благоустройства христианских подданных Порты» к реалистичной критике внутреннего положения в России, где ситуация с личными свободами податного населения была хуже, чем в не знавшей крепостничества Турции.

В России 1850-х годов, когда, по словам П.А. Грановского, «голос имеет одно правительство, да тупые или немые патриоты, зовущие турка побить», война с Турцией заставила взглянуть критически на всю внутреннюю и внешнюю политику империи даже такого верного адепта царизма, как М.П. Погодин. Начав с одобрения Крымской войны, в которой он сначала узрел борьбу с «турецким варварством», М.П. Погодин по мере развития событий начал все более глубоко задумываться, почему «варвары-турки» лучше одеты, во-

оружены и обучены, почему народы Европы видят в самодержавной русской политике «главнейшее препятствие их развитию и преуспеванию».

Исследователь истории русского панславизма У. Пихт (Германия) в обстоятельной монографии о Погодине (1960 г.) акцентировал крайнюю националистичность публикаций Погодина в 1853–1856 годах. Он убеждает читателя, что его труды якобы статично следовали задачам царской дипломатии в решении того, что У. Пихт называет «славянский вопрос в Османской империи». Возможно, это верно, но развитие во взглядах Погодина и славянофилов вообще происходило, и весьма интенсивно, в короткие месяцы начала (до Севастополя) войны с Турцией и державами, а затем произошла смена парадигмы развития России.

Известно, что в конце 1854 – начале 1855 года при сокращении своих внешнеполитических высказываний М.П. Погодин в ряде статей и выступлениях по внутренним проблемам все больше ратовал за развитие просвещения и организацию специального образования в гражданской и военной сфере, за промышленное развитие и совершенствование путей сообщения, высказывая новые для него идеи в рамках буржуазной реформаторской направленности. Учитывал он и определенный успех преобразований эпохи танзимата. Каково для николаевской России? «Большой человек на Босфоре» в качестве примера? Это сейчас все очевидно, а 150 лет назад...

В конце 1840-х годов Погодин призывал сколачивать «славный союзец» миллионов славян под сенью самодержавия. Турецкий вопрос тогда заключался для него прежде всего в освобождении от османского ига всех славян. За это он деятельно ратовал, опираясь на личные связи с представителями общественности славянских народностей. Где восточные православные люди Ближнего Востока – осталось и ему, и мне, в 2006 году, не ясно.

Кризисное развитие русско-турецких отношений в 1852–1854 гг. воспринималось Погодиным как близкое крушение двух главных угнетателей своих христианских подданных – Турции и Австрии. Однако не произошло ни «всеобщего воодушевления славян», ни увенчания российской монархии. Россия «терпела укорот», а подданные Османской империи с нетерпением ожидали не мифического освобождения, а окончания войны и осуществления обещанных Портой реформ. С конца 1854 года все реже звучат его «общеславянские беседы», он больше не прогнозирует судьбу Турции, а все более говорит о русской действительности. В его призывах слышится скорее страх перед революцией, которая от его «возлюбленных славян» может перекинуться на Россию, а не перспективы возрождения утраченной века назад государственности христианских подданных Порты. Однако отчетливо видно и стремление уберечь самодержавие от воздействия пагубного примера. Влияние Погодина на губернскую публику, мало знакомую с идеями вестернизации, было велико, и любое его сомнение шло на пользу критических программ осмысления русской действительности с привлечением турецких примеров.

Тенденция обратиться к внутреннему «неустройству России» в период войны с Турцией прослеживается в письмах других славянофилов в 1854–1856 гг. См., например, переписку А.С. Хомякова и А.Н. Языкова об исключительной важности проблемы крепостничества по сравнению с «цареградским вопросом», т. е. с падением Царьграда в русские руки и прочей ерундой.

Обострение отношений с Турцией было использовано так же группой либералов-западников для осуждения с новых буржуазных позиций внутренней и внешней политики царизма. Своего рода программным документом западников явилась статья Б.Н. Чичерина по Восточному вопросу, в которой с наибольшей полнотой отразились и политическая изоляция

режима Николая I, и оторванность его от динамических сдвигов в мире, и крайняя отсталость царизма в экономическом отношении, даже по сравнению с европеизировавшейся Турцией.

В среде западников весомо прозвучал и голос Грановского, который первым из современников в России, заявил, что «война России с Турцией — это война с реформами». Западные державы хотя бы словом поддерживали турецкое реформаторство, а Россия, по Грановскому, — старотурецкий уклад. «У нас самих, — с горечью, предвидя военное поражение, писал он, — все общественное устройство основано на тех же началах», (что и в султанской Турции — В.Ш.). Патриот России Грановский объективно видел, что Турция оказалась в подчиненном положении в рамках военного союза с державами. Вероятно, единственный из общественных деятелей России этих лет, Грановский заинтересованно отметил, что для Турции «война вредна», а перспектива остаться независимой от могущественных военных союзников Англии и Франции весьма слаба. «Турция неминуемо должна совершенно внутренне преобразоваться или пасть», — писал он. Поскольку сохранение Турции больше отвечает интересам России, чем усиление других держав за ее счет, то продолжение реформ в послевоенной Турции и сближение с ней России отвечало бы, по мнению Грановского, российским видам на Ближнем Востоке.

Западники Грановский и Чичерин на примере крупных просчетов царской политики в отношениях с Турцией показали, что «произвольность и нелепость» действий царизма в делах собственной страны переносились на внешнюю политику, тогда как действия другой стороны объективно не оценивались. Однако разоблачительные мотивы в их характеристике восточной политики Николая I были больше полемикой со славянофильством о «крестовом походе рыцарей христианства против угнетателей — турок».

Б.Н. Чичерин противопоставлял гибкую политику продвижения на Ближний Восток с учетом всех фактов международных отношений в Европе «любому твердолобству». Один из первых отечественных историков новой формации, Б.Н. Чичерин указал на связь внутренней и внешней политики России на Востоке, на необходимость «материальными средствами», то есть экономическими преобразованиями обеспечить активную восточную политику России, и прежде всего в отношении Османской Турции.

В заключение уместно привести несколько оценок турецкого вопроса русскими революционными демократами. Наша, авторская негативная оценка «размахивания топором» очевидна, но Н.Г. Чернышевский, когда не витийствовал, был прозорлив и корректен. Он возлагал ответственность за обострение Восточного вопроса и отношений с Турцией в начале 50-х годов прежде всего на правительство бывшего «гения республики, ставшего императором» — Наполеона III. Тот нарушил «тишину в Европе», чтобы «отвлечь внимание Франции от внутренних постыдных дел шумом иностранной политики». Н.Г. Чернышевский справедливо упрекал в разжигании кризиса также и российских «трактирных бретеров», маниловых, собакевичей, чичиковых, наводнявших царскую Россию этого периода.

Хорошо известна убедительная характеристика причин враждебности английских фабрикантов и промышленников США, положенная Н.Г. Чернышевским в основу его анализа Гражданской войны в США. Однако позиция Англии в начале 50-х годов и принципиальное значение англо-русского торгового соперничества в Проливах, в Галаце, на Дунае и в Трапезунде трактуются Н.Г. Чернышевским, увы, как второстепенные по сравнению с тщеславными хитросплетениями кучки европейских дипломатов и амбициозных распрей двух деспотических монархий — России и Турции.

У Чернышевского встречались фритредерские идеи, близкие к взглядам Кобдена и Брайта, об исключительном торговом интересе России в Проливах и неизменном ее стремлении к сохранению мира с Турцией при полной ненужности для России Черноморских проливов. Вместе с тем оценки Чернышевского, сделанные им в полемической форме разбора фундаментального труда английского участника событий под Севастополем А.У. Кинглейка о Крымской войне, имели важное значение для последующего формирования русского общественного мнения. Именно Н.Г. Чернышевский дал отповедь славянофильской проповеди «всеславянского братства», но, в отличие от либералов-западников, он указывал, что царизм, «освобождающий славян», принесет им лишь иную форму угнетения.

Многие, даже радикально настроенные современники второй половины 1850-х – начала 1860-х годов считали турецкую проблему вообще обременительной для русской дипломатии, склонялись к абсурдной по определению идее восстановления влияния России в Стамбуле силой оружия. «Скептик и циник» Н.Г. Чернышевский не только положительно оценивал возможность позитивного решения Восточного вопроса и конфликта с Турцией, что нередко вовсе отрицалось, но и намечал реальный для этого путь: создание федерации демократических национальных государств на месте деспотических режимов, таких, как Австрия, Турция и, конечно, Россия.

Н.Г. Чернышевский, единственный из общественных деятелей того времени, призывал отделить отношение к Османской империи как деспотическому государству от отношения к турецкому народу, носителю ряда положительных черт, рядом с которым, по его словам, было бы «легко уживаться славянам».

История его поддержала нашими, т.е. России после 1991 года, отношениями с Турцией как со стабиль-

ным и перспективным партнером в широкой сфере добрососедских контактов.

Единственным препятствием тогда, в 1850-х годах, по Чернышевскому, были русский царь и турецкий султан, мешающие подлинной свободе русского и турецкого народов, их равноправию на основе дружбы. Довольно сложно спорить по этому поводу, да и стоит ли? В конце концов, Турецкая республика после 1923 года разрушила вместе с державами и Россией Восточный вопрос.

Обстоятельства крайнего обострения кризиса самодержавия в новой фазе конфликта с Турцией оказали мощное воздействие и на формирование взглядов молодого Н.А. Добролюбова. Особенно важно, что в 1854–1856 годах, когда в войну с Россией оказались втянутыми 10–12 народностей Европы и Азии, Н.А. Добролюбов приближался к убеждению, что подлинный мир между народами и их сближение возможно только на путях глубокого социального «обновления народов». При этом Россия, избавившаяся от внутренних угнетателей, вошла бы в братство с другими народами, и возможно, Турция была бы в числе первых.

Волею судьбы в период всего развития Восточной (Крымской) войны представителем русской общественности на Западе был А.И. Герцен. Его взгляды времен Крымской войны, связи с либеральной критикой, публицистическая деятельность рассматривались в литературе, хотя его полемика с турецкими разведчиками-памфлетистами в Бельгии должна быть раскрыта отдельно⁴⁷. Здесь следовало бы отметить следующее. Турецкий вопрос и отношения с Портой воспринимались А.И. Герценом не столько как международные проблемы, что было характерно для его современников, сколько как проявление предопределенного судьбами историческо-

⁴⁷ Подробности см.: Шеремет В.И. Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX века. М.: Наука, 1986.

го развития столкновения славянскообщинной России с индустриальным Западом. С конца 1840-х годов А.И. Герцен развивал идею о неизбежной войне между Россией и Турцией, которая положила бы конец не только угнетению славян и православных вообще султаном, но и самодержавию в России как следствие. Герцену виделась некая абстрактная социальная демократическая федерация со столицей в Стамбуле.

По мере обострения Восточного вопроса и отношений с Портой после 1851 года он все более отчетливо понимал (особенно после государственного переворота Луи-Наполеона во Франции), что развитие кризиса идет в направлении столкновения России с Францией, которой война нужна в первую очередь, а также с Англией, и лишь вторично втягивается Турция, которую державы делают «застрельщиком войны».

А.И. Герцен напрочь отметал в своих выступлениях и письмах столь распространенные тогда печатью Запада и некоторыми русскими публицистами утверждения об извечном антагонизме русских и турок, о некоей вражде Креста и Полумесяца. *За что ему безмерная признательность от нас, живущих в тревогах начала XXI века.* Он доказывал, что конфликт раздираемых противоречиями европейских держав более значителен, чем русско-турецкий конфликт, что простые люди имеют общего врага — феодальные монархии и общую цель — социальную революцию. Глубже многих современников понимая эволюцию интересов держав Европы и России, он, в отличие от Чернышевского, резко обличал колониальные планы Англии на Ближнем Востоке. Ошибаясь в оценке революционной ситуации в Европе и переоценивая силу турецкой реакции, А.И. Герцен вместе с тем умел делать и конкретные выводы в изменившейся ситуации. Призыв к революции он дополнил уже в ходе русско-турецкой войны призывом к русским солдатам «воспользоваться бурей», объединившись со всем трудовым людом,

смести царизм. Первый призыв к вакханалии гражданской войны?

В 1854—1855 годах А.И. Герцен снимает всякие упоминания о Стамбуле как о столице действительно нелепого по сути «демократического славянского братства». Он приходит к убеждению, что установление подлинного мира «праздника народной братовщины» и, естественно, завершение конфликта, в который оказались втянуты народы России, Турции и Европы, возможно, но только с победой социализма. Речь шла об утопическом славянском «общинном социализме». Впрочем, идея радикального завершения войны с Турцией и Восточного вопроса воплотилась, когда рухнули романовская Россия и османская Турция в горниле событий 1914—1918 годов. Так или иначе, но революции на Неве и на Босфоре обеспечили решение Восточного вопроса.

Турецкий вопрос как часть Восточного вопроса, таким образом, явился не только пробным камнем взглядов многих общественно-политических деятелей России середины XIX в., но и содействовал более определенному выяснению их позиций. Россия двинулась навстречу новому подъему в общественном развитии. Пробуждалось и общественное сознание турецкого этноса в Османской империи. Впрочем, это уже другая книга...

* * *

Общественное мнение в стане наших противников также заслуживает особой книги. Здесь ограничимся следующим обзором. Эра промышленной революции с ее практически моментальной телеграфной связью и скоростными по тем временам паровыми судами обеспечила доселе невиданный обмен информацией. Телеграфная связь Лондон — Ставка союзников под Севастополем — Калькутта и Бомбей (Индия) ра-

ботала бесперебойно и, разумеется, использовалась англичанами в военных целях.

Никогда доселе не нагнеталось столько антирусского психоза в западном, да и в восточном общественном сознании. Причем от Лондона до Дели и Мельбурна. Из Австралии, например, поступали под Балаклаву сведения, что «волонтеры в Сиднее и Мельбурне упражняются в стрельбе и рукопашном бою, что они придут на помощь собратьям под Севастополь и отразят при случае русский десант в Австралии». Из Бомбея и Калькутты сообщали, что «там спешно складывают печи для каления ядер, которыми будут отбиваться от вторжения русских». Телеграф приносил сведения, что Англия разрешила своим сипаям наниматься на военную службу к хану Коканда, и что англо-мусульманские войска будут сражаться с русскими от Босфора до Пешавара. Разве что Тропическую Африку не «поднимали в ружье» под крики прессы: «русские идут!».

Вполне реалистически и без огласки начал осуществляться план Банка Ротшильда о создании Отдельного еврейского корпуса из числа *яхуди* — иудейских подданных султана. Вооружение, содержание — полностью от Банка Ротшильда, офицеры — англичане. Военно-учебный центр планировался близ современного города Хайфа. Стратегический план корпуса — высадка в Одессе и стремительный рейд на север (Киев — Варшава) для освобождения Украины и Польши от власти царя. Идея, живо и гласно дискутировавшаяся в британском парламенте, поддерживалась крупным англо-еврейским капиталом в Лондоне и в Турции и отвечала планам Лондона о переселении какой-то части еврейского населения Европы в Палестину. При этом гарантии держав по нейтрализации Иерусалима должны были уравновесить всполошившие финансово-дипломатические круги предложения России об Иерусалимском пашалыке.

Ротшильды и Монтефиоре уже начали было под Яффой создавать центры боевой подготовки этого корпуса под видом работ по посадке цитрусовых плантаций. Сдача Южной стороны и затем Парижский мир приостановили эту многоцелевую комбинацию.

* * *

Вооруженное столкновение России и Турции на Кавказе и на Дунае ускорили присылку в Стамбул 31 января (нового стиля) 1854 года деятельного и энергичного посланника Северо-Американских Соединенных Штатов. Новый посланник сосредоточился на сути конфликта России и Турции.

Собственно Малая Азия, даже Балканы и Левант не занимали серьезных позиций в перечне приоритетов САСШ на Востоке. Первые места принадлежали Европе, Тихому океану, Японии, России, странам Магриба. В январе 1854 года министр иностранных дел Англии лорд Дж. Кларендон попытался было припугнуть американцев «счастливым согласием и полным взаимопониманием» между Англией и Францией. Причем не только на Востоке, но во всех других частях мира⁴⁸. Вашингтон сделал свой выбор в пользу врага Англии — России, слишком большое ослабление которой в Европе могло бы стимулировать недавнюю по историческим меркам метрополию, то есть Англию, на усиление своих позиций в Новом свете.

В американской прессе в начале 1854 г. прокатилась волна статей в пользу союза с Россией, что с удовлетворением отметила пресса в России. (См. «Московские ведомости» от 22 июля 1854 г.). Интервенция союзников в Крым и осада Севастополя были довольно долго объектом искажавших ситуацию, часто совершен-

⁴⁸ Hansard's Parliamentary Debates. 3rd series. Vol. CXXX. P. 43.

но фантастических сообщений британской прессы. Иной информации у Вашингтона почти не было. Однако и верить тому, что «русский царь сбежал из своего Ледового (Зимнего) дворца и скрывается где-то в лесах между Москвой и Казанью», здравомыслившая и неизменно настороженная по отношению к «птичкам с Флит-стрит» Америка не хотела. Правда о стойкости Севастополя, и восторженно воспринятая в сначала в Калифорнии, а затем и в других штатах весть о «позорной эскапде, кровавой промашке» союзников у Петропавловска-на-Камчатке, судя по сообщениям русских дипломатов в Америке, окончательно переломили мнения американцев в пользу России. Okрепло намерение Вашингтона узнать из первых рук о том, как «старая Россия» оставила за флагом «драчливого галльского петушка и облезлого британского льва» (Из «Московских ведомостей» за 1855 год)⁴⁹.

В Америке нашлось несколько сотен добровольцев, готовых принять участие в обороне Севастополя. Их просьба была вежливо, но твердо отклонена, так как Петербургу было важнее знать, что англичане не смогут привлечь деятельных мореходов западного побережья США к пиратству на русском Дальнем Востоке и т.д. Зато 43 высокопрофессионально подготовленных врача-добровольца помогали лечить русских раненых в Крыму.

Несколько офицеров американцев тщательно изучали опыт борьбы севастопольского порта и портовых укреплений против комбинированных действий десанта и флота. Они выполняли прямое указание военного министра США. Их опыт считался очень ценным в период Гражданской войны в США и организации обороны Нью-Йорка. Удивляет, насколько точны были

---

⁴⁹ См.: Болховитинов Н.Н., Полевой Б.П. Общественность США и оборона Севастополя //Новая и новейшая история.— 1978.— № 4.— С. 42—44.

данные американских военных о составе, боевых качествах и потерях сторон в Крымской кампании⁵⁰.

Первыми в западном мире, возможно, именно американцы выдвинули на страницах «Нью-Йорк Таймс», «Нью-Йорк Геральд» и других газет мысль о том, что «Севастополь — это не Петербург», что падение Малахова кургана есть лишь частный эпизод, а Россия не проиграла войну, а «свернула ее». Отмечалась позитивная роль России в 1830 году, позволившая США установить дипломатические и выгодные торговые (судоходство в Средиземном море) отношения с Высокой Портой⁵¹.

В ходе войны наметились перспективные проекты на закупки в США современного стрелкового оружия (Кольт и др.), а также в отношении судоходства в Русской Америке. Впрочем, звучали и другие голоса о необходимости избавиться от русского присутствия на Аляске и в той же «Русской Америке»...

Парижский мир был встречен в Америке с определенным разочарованием: деловые круги не заработали на военных поставках, «красномундирищиков»-англичан русские мало потрепали... В целом же события 1853–1856 годов продвинули русско-американские отношения в сторону лучшего понимания интересов сторон. Коммодор М. Перри, под прицелом своих скорострельных корабельных пушек взломавший самоизоляцию Японии (1854 г.), вполне сочувствовал доблестным русским морякам, но высказывал некоторое сожаление, что война России с Англией и Францией не

---

⁵⁰ РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 2352. Материалы переписки военного министра США с великим князем Константином Николаевичем, февраль 1860 года.

⁵¹ Подробнее см.: Шеремет В.И. Турция и Адрианопольский мир 1829 года. — М.: Наука, 1975. Подборку материалов см.: АВПРИ, ф. Канцелярия, 1856 год, д. 241 (брошюры, пресса США времен войны); «Морской сборник». — 1858. — № 12 (обзоры прессы, мнения военных и пр.).

продлилась подольше... В успехах русского флота он, впрочем, не сомневался.

РОССИЯ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ДЕЛА ЯПОНСКИЕ⁵²

Восточная война 1853-1856 годов оказала огромное влияние на политическую расстановку сил в самых разнообразных уголках Земного шара. Это поняли многие современники.

В монографии «Война на Востоке: причины и последствия», вышедшей в Брюсселе в 1854 году, неизвестный автор пишет следующее: «...Англия, вследствие этой войны, стремится к преобладанию над Европой, но не к такому, которое было бы невозможно вследствие завоевания и порабощения, но к преобладанию торговлей и промышленностью. Это не есть цель бездумного английского честолюбия – это непреложный закон теперешнего существования, способный изменить мир»⁵³.

В орбиту Восточной войны оказалась втянута и Япония, что внесло существенные коррективы как в японско-русские межгосударственные отношения, так и в развитие всей политической ситуации на Дальнем Востоке. Этот сюжет мало или совсем не известен читающей общественности.

Отношения Японии и России на протяжении XVIII–XIX веков, в отличие от отношений Страны Восходящего Солнца с Британией и Францией, были омрачены постоянными вооруженными столкновениями сторон на Курильских островах и на Сахалине, постоянно провоцируемыми как русскими, так и японскими пересе-

---

⁵² Приношу благодарность адъюнкту РАЕН Д.Б. Патлаю, любезно предоставившему мне материалы по данному вопросу (2006 г.).

⁵³ Война на Востоке: причины и последствия // Сев. пчела. – 1854. – № 191. – С. 907.

ленцами. Это было следствием отсутствия четко установленной границы между Японией и Российской империей. Отрицательно сказывался на японско-русских отношениях и неудачный опыт установления торгово-дипломатических контактов между двумя государствами в конце XVIII – начале XIX столетий.

К середине XIX века Япония осталась одним из последних независимых от жесткого западного влияния государств Востока.

В связи с колониальной экспансией держав Запада и очередной «волной» территориального продвижения России на Дальнем Востоке и бассейне Тихого океана на повестку дня с особой остротой стал вопрос: в каких отношениях с окружающим миром, в том числе и с Российской империей, будет японское государство. Категорически выступая против установления каких-либо торгово-дипломатических отношений с Россией, японские власти стремились придать правовой статус пограничному разграничению территорий с Российской империей, естественно, на своих собственных условиях.

Напряженность японско-русских отношений в середине 1850-х годов объяснялась тем, что компромисс по вышеупомянутым вопросам между государствами был практически недостижим. Россия стремилась, учитывая возросшую активность в бассейне Тихого океана американских и английских боевых кораблей, экономически и политически закрепить за собой Сахалин, Курилы, Камчатку, что противоречило интересам Японии. В случае успеха японской дипломатии Российская империя оказалась бы отрезанной от Цусимского, Сангарского и Корейского проливов, а также пролива Лаперуза, и в итоге лишилась бы выхода в Тихий океан. На Дальнем Востоке могла повториться ситуация с Черноморскими проливами. Тогда России пришлось бы устанавливать особый правовой режим Дальневосточных проливов, считаясь с мнением Бри-

тании и Франции, а, возможно, Китая и Японии, либо вообще лишиться выхода в Тихий океан. Перед ней стояла перспектива не только потерять какое-либо влияние на политические процессы в дальневосточном регионе, но и утратить собственные территории в Приморье, Сибири, Приамурье. Отношения между двумя государствами зашли в тупик.

Летом 1853 года в Японию, находящуюся в системном социально-экономическом и внутривластном кризисе, почти одновременно прибыли американская и русская дипломатические миссии с требованием установить со Страной Восходящего Солнца официальные торгово-дипломатические отношения. После краткосрочного, длившегося с 8 по 17 июля 1853 года, визита американской эскадры под командованием коммодора М. Перри в залив г. Эдо, власти Японии поняли, что в скором времени им придется открыть японское государство для более широких контактов не только с США, но и с другими капиталистическими государствами Запада. Сделать это Япония будет вынуждена на условиях, продиктованных западными державами, в противном случае Страну Восходящего Солнца ждет вооруженный конфликт с коалицией передовых капиталистических государств «без каких-либо шансов на победу для японского государства в победе, и перспектив продержаться у власти для сегуната Токугава»⁵⁴.

«Открытие» Японии для политического и экономического проникновения западных капиталистических государств имело немаловажные последствия. Оно привело к углублению политических и экономических противоречий, имеющихся между западными государствами и Россией в дальневосточном регионе, что было небесполезно для Японии, учитывая ее противостоя-

⁵⁴ Тояма Сигэки. Мэйдзи Исин. Крушение феодализма в Японии. — М., 1958. — С. 108.

ние с Россией, и послужило одной из причин возникновения «Дальневосточного театра» Восточной войны 1853-1856 годов.

О политическом положении России, ее военно-экономическом потенциале, как и о состоянии дел на международной арене, власти сёгуната и император Страны Восходящего Солнца имели точную информацию, получаемую благодаря специальному штату строго засекреченных правительственных чиновников, называвшихся «специальными чиновниками тайного надзора» и выполнявших функции агентурной военной разведки и контрразведки⁵⁵.

Будучи опытным политиком, глава правительства Абэ Масахиро пришел к выводу, что после того как в июле 1853 года русские войска вступили в Молдавию и Валахию, находящиеся в вассальной зависимости от Османской империи, Россия вплотную приблизилась к вооруженному конфликту с Британией и Францией. Следовательно, Петербург не осмелится при помощи военной силы решать в свою пользу проблемы, имеющиеся в японско-русских отношениях, поскольку это может привести к военному конфликту с коалицией передовых держав «на два фронта». Япония же, напротив, используя в собственных политических интересах англо-русские и франко-русские антагонизмы на Дальнем Востоке, а также все более ухудшающееся с течением военных действий экономическое и политическое положение Российской империи, сможет диктовать свои условия России при разрешении всех противоречий, возникших в отношениях между двумя государствами.

Поэтому японские дипломатические круги решили придерживаться при заключении с Россией торгово-дипломатических соглашений, по выражению Е.В.

---

⁵⁵ Халдейн Д.Э. Из истории разведывательной деятельности Японии и России. Лекция. Март 1909 г. // Исторический архив. — 1997. — № 1. — С. 161-176.

.Путятину, «тактики проволочек без прямого отказа», и не выдвора́ть дипломатическую миссию под его руководством немедленно после прибытия, как было сделано в отношении миссии Линденберга летом 1852 года⁵⁶. Японцы не стремились к скорейшему началу переговоров, и только через месяц после прибытия в японский порт Нагасаки, 9 сентября 1853 года, власти сёгуната дозволили представителям русского посольства под руководством Е.В. Путятину сойти на берег и встретиться с губернатором Нагасаки.

После обмена взаимными приветствиями губернатор Овосава Бунгоно-ками-сама просил Е. Путятину передать ему письмо русского канцлера Нессельроде адресованное Верховному совету Японии, в котором говорилось что цель русского посольства – разъяснить японскому правительству сложившуюся на Тихом океане обстановку и выдвинуть предложения по установлению государственных границ в этом районе. В документе также выражалась просьба к японскому правительству выделить несколько гаваней для торговли между двумя государствами и захода туда русских судов по пути их следования на Камчатку и в колонии Северной Америки, если возникнет необходимость, для пополнения припасов или совершения ремонта.

Губернатор Нагасаки зачитал русской делегации два документа. В них говорилось, что «письмо будет принято, но скорого ответа на него быть не может». Подобно задержку губернатор объяснил большим расстоянием от Эдо до Нагасаки, занятостью правительства другими, более важными государственными делами и необходимостью длительного обсуждения японскими властями предложений, сделанных Россией. На что Путятин возразил: «А если мы сами пойдём в Эдо морем на своих судах – дело значительно ускорится. При

⁵⁶ Путятин Е.В. Всеподданнейший отчет генерал-адъютанта графа Путятина о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай в 1852-1855 гг. // Морской сборник. – 1856. – № 10. – С. 51–93.

хорошем ветре мы будем там за какую-нибудь неделю»⁵⁷. Губернатор парировал: «Насколько Правительству Японии приятно было прибытие русского посольства в Нагасаки — настолько японскому глазу больно будет видеть иностранные суда вблизи столицы. Впрочем, ответа вы не ускорите, если пойдете в Эдо сами»⁵⁸.

Губернатор отказался принять плату за доставленную на русские суда провизию, но подтвердил запрет со стороны японских властей членам русской дипломатической миссии сходить на берег⁵⁹. После этого, отклонив несколько вопросов, губернатор заданных ему главой русского посольства, прекратил переговоры и удалился.

16 сентября 1853 года главу русской дипломатической миссии посетил новый губернатор Нагасаки, а 9 октября того же года, на очередной встрече с Путятиным, японские чиновники сообщили русскому адмиралу о том, что скончался сёгун Иэеси. В связи с церемониями по организации его похорон и процедуре приведения к власти преемника получить скорый ответ из Эдо на письмо канцлера Нессельроде невозможно. Кроме того, «новый сёгун не может начать управление государством с отмены законов предков, что окажет дурное влияние на народ. Поэтому в этом вопросе следует действовать постепенно и осторожно». На это известие Е. Путятин ответил, что «разделяет их печаль», однако надеется, что «смерть сёгуна не оставит государственных дел»⁶⁰. На вопрос, скоро ли представителям русской делегации будет разрешено

⁵⁷ Цит. по: Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». — М.: Худож. лит., 2002. — С. 257, 260.

⁵⁸ Там же. — С. 263.

⁵⁹ И.А. Гончаров, присутствовавший на встрече с губернатором Нагасаки, дал японскому чиновнику следующую характеристику: «Это был высокий худощавый мужчина лет пятидесяти, с важным, строгим и довольно умным выражением лица. На протяжении всей встречи говорил он с холодной важностью и строгостью в лице, с особым японским достоинством» / Там же. — С. 260—261.

⁶⁰ Путятин Е.В. Ук. соч. — С. 51—93.

сойти на берег, японцы ответили, что «по этому поводу из Эдо не получено никаких указаний»⁶¹.

Встреча японских чиновников с Е. Путятиным завершилась несколько эмоциональными, на повышенных тонах, заявлениями русского адмирала, выразившим свое недовольство по поводу запрета высаживаться на берег. Но дело было в том, что руководитель русской дипломатической миссии понял, что «дело затягивается на неопределенный и продолжительный срок», а возвращение русского посольства на Родину без каких-либо результатов еще более подорвало бы и без того шаткие позиции русской дипломатии на Дальнем Востоке⁶².

6 ноября 1853 года, после почти двухмесячного ожидания, Е. Путятин направил в адрес Верховного совета Японии ноту, в которой настаивал на полной принадлежности острова Сахалин России, предлагал японскому правительству установить границу между Сахалином и Хоккайдо по проливу Лаперуза, а также писал о необходимости открыть для русских судов японский порт Хакодате «или любой другой порт недалеко от Эдо, чтобы поддерживать прямые контакты с японским правительством»⁶³.

Затем, хотя на флагман русского посольства «Паллада» пришло известие, что четверо чиновников из Эдо, с соответствующими полномочиями, едут для переговоров с русским посольством, 11 ноября, известив японские власти о своем намерении вернуться позже для продолжения переговоров, Путятин отбыл Нагасаки в Шанхай. Закупив в Шанхае необходимое продовольствие, а также получив у американцев информацию о ходе Восточной войны, 15 декабря 1853 года

⁶¹ Гончаров И.А. Ук. соч.— С. 73, 275–277.

⁶² Путятин Е.В. Ук. соч.— С. 51.

⁶³ Русские Курилы: История и современность: Сб. док-тов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы / Ред. Зиланов В.К.— М., 1995.— С. 34.

посольство Путятина отправилось обратно в Нагасаки, куда и прибыло 22 декабря. Через шесть дней в Нагасаки приехали уполномоченные для ведения переговоров чиновники из Эдо. Это были «специальный чиновник тайного надзора» Цуцуи Масанори и глава дипломатического ведомства Кавадзи Тосиакира в сопровождении двух чиновников, занимавших менее ответственные должности. Семидесятишестилетний Цуцуи Масанори отвечал за исход переговоров, однако «весь груз общения» с представителями России взял на себя один из талантливейших японских дипломатов того времени Кавадзи Тосиакира.

В последний день декабря 1853 года в помещении городского управления Нагасаки состоялась первая встреча Е. Путятина и сопровождавших его представителей русской дипломатической миссии с прибывшими из Эдо представителями правительства сёгуната. После обмена взаимными приветствиями японская сторона дала обед в честь русской миссии, во время которого Цуцуи Масанори с улыбкой сказал, обращаясь к главе русской делегации: «Мы приехали из-за многих сотен, а Вы — из-за многих тысяч миль. Мы никогда друг друга не видели, были так далеки между собой, а вот теперь познакомились, сидим, беседуем, обедаем вместе. Как это странно и приятно»⁶⁴. После обеда Путятин выразил желание задать представителям правительства «два вопроса по делу, которое его привело сюда, на которые хотел бы получить ответ немедленно»⁶⁵. На это Цуцуи Масанори вежливо, но не терпящим возражений тоном парировал: «По японским обычаям при первом знакомстве разговоры о делах обычно откладываются, как этого требуют приличия и законы гостеприимства»⁶⁶. Русский адмирал пытался воз-

⁶⁴ Гончаров И.А. Ук. соч.— С. 359.

⁶⁵ Там же. Ук. соч.— С. 360.

⁶⁶ Там же. Ук. соч.— С. 371.

разить, что «разговор о делах не помешает возникшей между представителями обеих государств приятности», но, видя непреклонность главы японской делегации, отступил⁶⁷.

На этом первая встреча «на официальном уровне» завершилась. Японской делегации удалось уже в начале переговоров одержать важную психологическую победу и показать Е. Путятину, что исход переговоров будет полностью зависеть от позиции японской стороны. Кроме того, японцы убедились в правильности тактики затягивания переговоров: в январе 1854 года англо-французская эскадра прошла в Мраморное море и была в Босфоре.

Последующие встречи между представителями Японии и России по рассматриваемым проблемам межгосударственных отношений состоялись 6, 8, 10, 12, 14 января 1854 года⁶⁸. Японцы выдвинули весьма суровые условия по вопросу пограничного урегулирования, при соблюдении которых Япония согласилась бы заключить с Россией «Трактат о торговле и границах».

Они предложили русскому адмиралу дать согласие на проведение границы между двумя государствами в соответствии с фактическим разграничением «сфер влияния» между Россией и Японией, сложившимся в районе Курил и Сахалина к середине XIX века. Таким образом, граница должна быть установлена между островами Итуруп и Уруп. Причем Япония намеревалась «в качестве компенсации» за Уруп приобрести часть Сахалина, установив там границу по 50-й параллели. До сведения главы русской дипломатической миссии Кавадзи Тосиакира в который раз довел мнение властей сёгуната о том, что для окончательного урегулирования вопроса о пограничном урегулировании потребуется длительный срок, после чего

⁶⁷ Путятин Е. В. Ук. соч. — С. 51—93.

⁶⁸ Там же. Ук. соч. — С. 371.

Е. Путятину стало ясно, что от своих позиций японцы не отступят.

Дальнейшее пребывание русской дипломатической миссии в Нагасаки в связи с Восточной войной и господством в бассейне Тихого океана англо-французского флота, который «имел реальную возможность и намерение захватить русскую делегацию в открытом море или заблокировать ее в каком-нибудь нейтральном порту», было невыгодно. 16 января 1854 года русский адмирал известил Цуцуи Масанори и Кавадзи Тосиакира о решении покинуть Японию⁶⁹. В этот же день Путятин передал японским дипломатам русский вариант проекта торгового договора с прилагающейся к нему запиской: «В данный момент Россия не настаивает на разрешении вопроса о торговле, но просит скорее определить границы, чтобы ничто не мешало развитию дружеских отношений...»⁷⁰. 24 января 1854 года русская дипломатическая миссия покинула Нагасаки, отправившись к архипелагу Рю-кю, а в апреле того же года взяла курс к русским берегам.

Власти сёгуната, убедившись в уязвимости позиций русской дипломатии на Дальнем Востоке, поручили «специальному чиновнику тайного надзора» Хори Тосихиро «обследовать реальное состояние дел в землях Эдзо». Это было подготовкой ко «второму туру» переговоров с Россией по поводу установления границ.

Тем временем 27-28 марта 1854 года Англия и Франция объявили войну России, и с лета того же года англо-французские войска и флот начали проведение боевых операций у русского побережья на Черном и Белом морях и в бассейне Тихого океана. В августе 1854 года англо-французская эскадра совершила рейд к Петропавловску-на-Камчатке, который, по мнению

⁶⁹ Путятин Е.В. Ук. соч. — С. 51–93.

⁷⁰ Цит. по: Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения 1697-1875 гг. — С. 158.

союзников, обеспечивал «усиление России у берегов Японии»⁷¹. В результате этой операции, согласно публикации «Морского сборника» со ссылкой на английскую газету «Таймс»: «Русские потеряли много людей, большое количество пушек и провизии, в которых невероятно нуждались. Их суда оказались значительно повреждены. Гарнизон Петропавловска оказался отрезанным от остального мира арктической зимой, вдали от всякого подкрепления и не представляет теперь трудности для завоевания»⁷². Лживость «Таймс» очевидна.

7 сентября 1854 года в Нагасаки прибыл английский адмирал Стирлинг. Он предоставил японским властям копию документа об объявлении Британией войны России и заявил: «Все, кто посещал Японию прежде — русские, американцы, приходили к вам как просители, испрашивая ослабления правил и преимуществ. Мы пришли как представители великой страны, ничего не просим и не стремимся получить, кроме ответа на вопрос, возникший в связи с войной, которую ведет Англия против России, что касается интересов Японии так же, как и Британии. Англия намерена решительно и энергично вести войну против России, британские суда будут часто подходить к портам и берегам Японии, чтобы предупредить их использование русскими кораблями. В связи с чем Англии хотелось бы узнать мнение и намерения японского правительства в отношении допуска в порты на территории японской империи британских судов»⁷³.

На последующих встречах британский адмирал предупредил японских дипломатов о якобы известных

---

⁷¹ Официальное французское известие о сражении под Петропавловском // Морской сборник. — 1855. — № 1. — С. 97-108.

⁷² Рассказ иностранных газет о нападении англо-французской эскадры на Камчатку в августе 1854 г. // Морской сборник. — 1854. — № 10-12. — С. 448-478.

⁷³ Федоров М.П. Соперничество торговых интересов на Востоке. — СПб., 1903. — С. 83.

ему агрессивных намерениях России в отношении островов Хонсю и Сахалина и заверил, что «его эскадра вступит в бой с русскими кораблями, если они окажутся в японских водах»⁷⁴.

Японские дипломаты решили использовать британскую заинтересованность в ослаблении русских позиций на Дальнем Востоке в собственных политических интересах. Уже 14 октября 1854 года власти сёгуната заключили с Британией так называемые «Нагасакские Конвенции», условия которых были более выгодны для Британии, чем условия Канагавского договора для США. Правительство предоставило британским крейсерам для ведения боевых действий против России порты Хакодате и Нагасаки⁷⁵.

Получив таким образом дипломатическую поддержку, власти Японии решили продолжить переговоры о территориальном разграничении с Россией, в связи с чем в Петербург было направлено письмо от имени Верховного совета Японии. После этого в дипломатическом ведомстве России было принято решение о возобновлении дипломатических переговоров с Японией.

3 октября 1854 года вторая русская дипломатическая миссия под руководством Е.В. Путятина на фрегате «Диана» вновь отправился к японским берегам⁷⁶.

Первоначально русский фрегат взял курс в порт Хакодате, а затем в г. Осака, поскольку Путятин предполагал, что японцы, объятые страхом при появлении иностранцев в этом закрытом городе, примут предложения русских. Однако адмирал ошибался. Власти се-

⁷⁴ Там же. — С. 84.

⁷⁵ Отзывы иностранных газет о действиях союзного флота против русской эскадры в Восточном океане // Морской сб. — 1856. — № 1. — С. 188—201.

⁷⁶ Старенькую, заслуженную «Палладу» постигла довольно печальная участь: после того как фрегат не удалось провести в реку Амур, с него сняли все навигационное оборудование, паруса, вооружение и бросили на произвол судьбы. Постепенно «Паллада» была в буквальном смысле разобрана местными жителями на дрова.

гуната не только не проявили признаков какого-либо беспокойства при появлении у берегов Японии единственного русского судна, но и не разрешили представителям русской дипломатической миссии сойти на берег, а также отказались снабдить прибывшее посольство водой и провизией.

Через шесть дней пребывания русского посольства в порту Осака японские власти сообщили Путятину, что поскольку этот город закрыт для посещения иностранными представительствами, русской дипломатической миссии для продолжения переговоров с представителями правительства надлежит отправиться в г. Симода.

10 декабря 1854 года в г. Симода, в храме Гекусэндзи, начался «второй тур» японско-русских официальных переговоров по поводу установления торгово-дипломатических отношений. Первый же день показал, что они обещают быть не менее напряженными, чем первая, январская встреча сторон.

На следующий день ход встречи неожиданно прервали цунами и землетрясение, в ходе которых погиб фрегат «Диана» и сильно пострадал город. Но уже 14 декабря переговоры были возобновлены. Японская сторона выдвинула условия, согласно которым граница между Японией и Россией проходила бы между островами Итуруп и Уруп, при этом Сахалин должен был быть поделен между двумя государствами в районе 50-й параллели. Кроме того, представители Японии предложили русской делегации согласиться с тем, что все районы Курил и Сахалина, где японцы и айны обосновались до 1852 года, следовало считать принадлежащими Стране Восходящего Солнца.

В свою очередь, Путятин предложил провести государственную границу на острове Сахалин по 48-й параллели и признать острова Итуруп и Кунашир принадлежащими Российской империи. В ответ японские уполномоченные предложили вообще не проводить

границу на острове Сахалин, но не были намерены уступать России остров Итуруп и тем более Кунашир. Стороны не собирались отступать от своих требований, и переговоры вновь стали заходить в тупик.

Тем временем английский адмирал Стирлинг отдал приказ экипажам трех боевых кораблей из состава вверенной ему эскадры пленить представителей русской дипломатической миссии Путятина, как только они покинут порт Симода. Это обстоятельство в совокупности с тяжелым положением русской дипломатической миссии после гибели «Дианы» и неудачами России в Восточной войне вынуждало адмирала спешить с завершением переговоров.

В свою очередь, и представители японской стороны, опасаясь потерять выгодный момент, спешили заключить с Путятиным договор о пограничном разграничении. Поэтому уже 26 января (7 февраля) 1855 года между Россией и Японией был заключен «Договор о мире и дружбе», получивший в истории дипломатии название Симодский трактат. В статье 2 регламентировалось пограничное разграничение в районе Курил и Сахалина: «Отныне границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итуруп и Уруп. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владение России. Что касается острова Карафуто (Сахалина), то он остается неразделенным между Россией и Японией, как это было до сего времени»⁷⁷.

В соответствии с текстом статьи 5 «русским предоставляется право выменивать привезенные товары и имущество на привезенные товары, имущество и деньги»⁷⁸. Чтобы не допустить негативных последствий этой статьи для экономических интересов Японии, во внеш-

⁷⁷ Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. 1842-1925 гг. — С. 52-53.

⁷⁸ Там же.

неполитическом ведомстве Страны Восходящего Солнца было принято решение о заключении японско-русских торговых соглашений на менее выгодных для России условиях по сравнению с теми, на которых Страна Восходящего Солнца заключила подобные отношения с государствами Запада.

С заключением Симодского трактата на не слишком выгодных для России условиях «неприятности на Дальнем Востоке» не были исчерпаны. В феврале 1855 года в Петербурге стало известно о готовящейся второй экспедиции базирующегося в японских портах английского флота для захвата Петропавловска. Русским войскам и администрации военного губернатора Камчатки Завойко было приказано в марте 1855 года в самом спешном порядке, сдав город без боя, эвакуироваться в Николаевск⁷⁹. Летом того же года часть русской дипломатической миссии Е. Путятина по пути домой была захвачена англичанами и получила возможность вернуться в Россию только после заключения Парижского мирного договора в 1856 году.

Русские власти всеми силами старались скрыть от общества оглушительный провал своей политики в Японии. После публикации в марте 1855 года в журнале «Морской сборник» материала, согласно которому «переговоры адмирала Путятина в Японии имели счастливый успех», всем русским печатным изданиям, за исключением официального издания военно-морского ведомства, публиковать какие-либо материалы о внешней политике России по отношению к Стране Восходящего Солнца строжайшим образом запрещалось.

Только 18 апреля 1857 года Симодский трактат был открыто опубликован в газете «Северная пчела»⁸⁰. Эта публикация предварялась сообщением о факте подпи-

⁷⁹ Отзвы иностранных газет о действиях союзного флота против русской эскадры в Восточном море // Морской сборник. — 1855. — № 3. — С. 188–201.

⁸⁰ Официальная хроника. // Северная пчела. — 1857. — № 85. — С. 387.

сания договора между двумя государствами и комментарием, что, одобряя факт установления официальных русско-японских торгово-дипломатических отношений, редакция газеты считает, что «насколько выгодны для России условия сего договора с Японией, особенно в торговой его части», сможет показать только время⁸¹.

Итак, дипломатам Страны Восходящего Солнца, используя в собственных интересах противоречия между Россией и государствами Запада, приведшие к Восточной войне 1853-1856г., удалось добиться решения ряда проблем, стоявших перед Японией на протяжении многих лет. Эта дипломатическая победа имела моральное и политическое значение для последующей судьбы самого японского государства, поскольку была первой, одержанной им на международной арене над европейским государством, после «открытия» Страны Восходящего Солнца вооруженной рукой американского коммодора М.Перри, а затем и англичан — военных противников России в войне 1853—1856 годов.

ОСТАВЛЕНИЕ ЮЖНОЙ СТОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

После Инкермана, его потерь и крайнего ожесточения в бою обе стороны несколько изменили тактику. Русские войска старались беспокоящими вылазками и комбинацией полевой и крепостной систем обороны оттеснить интервентов от городских укреплений. Противник наращивал силы — подошли сардинские и новые турецкие войска, вел минную войну, накапливал оружейные припасы и личное оружие. Совершенствовались средства связи, управляемость и координация действий флота и сухопутных сил. Создавалась новая инфраструктура в зоне боевых действий — узкоколейка, гужевые дороги, терминалы и пр.

⁸¹ Официальная хроника // Северная пчела.— 1857.— № 78.— С. 365.

Союзники хорошо понимали, что если война для России и не приобретала общенародный характер, то это по неорганизованности генералов, а не от недостатка патриотизма. Можно было подстегивать усердие турок и зуавов-африканцев расстрелами из пушек на манер расправ с сипаями (опыт на сей счет у английских офицеров, переведенных из Британской Индии, был отменный). Можно было вдохновлять турецкое правительство очередным крупным военным займом (турки получили 8 млн. фунтов стерлингов займов, истратили еще 11 млн. фунтов своих средств, а долги за участие в войне платили до 1914 года). Нетрудно было обещать Сардинскому королевству территориальные приращения, прозрачно намекать на выгоды Австрии, Пруссии, Швеции... Но бурлила Британская Индия, где вскоре начнется грозное антиколониальное сипайское восстание. Непокойно было во Франции. Лондону, Парижу, да и Стамбулу, где все чаще вспыхивали острые бунты против разнузданно державшихся в исламском городе союзников-оккупантов и раздавались требования туркам быстро-быстро уйти из Крыма. Срочно были нужны победные акции. Близилась кульминация севастопольской эпопеи.

Ситуация в гарнизоне весной — летом 1855 года ухудшалась. Были большие потери в личном составе, из-за отсутствия боеприпасов нередко молчали наши пушки. Самоотверженность русских врачей во главе с создателем военно-полевой хирургии Н.И. Пироговым и женщин из местного населения (Д. Ткач — Даша Севастопольская, Варя Велижева и др.) не могла восполнить катастрофическую нехватку самого примитивного инструмента и перевязочных средств. Дерзкие по смелости, хорошо продуманные вылазки охотников-добровольцев (первые герои морской пехоты — П. Кошка, П. Шевченко, А. Рыбаков и др.) отбили у французов и турок охоту к рукопашному бою. Изменить общую ситуацию, переломить ее в пользу осажденных

было реально, как считает авторитетный английский историк Кристофер Хибберт (2004), опираясь на растущую боевую инициативу русских войск, на увеличение численности гарнизона (до 110 тыс. чел.) и уверенность, обретаемую постепенно, командования⁸².

Кончина Николая I (18 февраля 1855 года), увольнение им буквально в последние часы жизни с поста главнокомандующего А.С. Меншикова и назначение деловитого П.Д. Горчакова (17 февраля 1855 года), неудачная попытка русских войск отбить Евпаторию (17 февраля 1855 года), а также прибытие свежих войск союзников — все это стимулировало их осадные работы. Упорно носился слух, что сам (!) Наполеон III придет под Севастополь, и уж тогда...

28 апреля 1855 года на Елисейских полях произошло малопонятное покушение на Наполеона III, и он отказался совершить «личный поход на Россию».

А если в Севастополь придет молодой и энергичный Александр II? — озабоченно вопрошали союзники и писали домой тревожные письма.

6 (18) июня 1855 года союзники предприняли мощную артиллерийскую обработку русских укреплений и пошли в атаку. Потеряв до 16 тысяч человек (против 4800 у русских), союзники споткнулись на боевой выучке и мужестве русских солдат и матросов. Злейшие враги Николаевской России К. Маркс и Ф. Энгельс признали, что союзники потерпели первое серьезное поражение. Закрепить успех в сражении при реке Черная 6 (18) июня Горчаков не сумел, потерял до 8 тысяч человек и на сей раз утратил всякую инициативу.

Новые командующие у союзников — решительный и беспощадный, «упорный как кабан» (отсюда его кличка среди солдат) маршал Пелисье, третий у французов после Сент-Арно и Канробера, и терпевшийся на фоне «бешеных французов» британский генерал У.

⁸² Хибберт К. Крымская кампания 1854–1855 / Перев. с англ. М.: Центрполиграф, 2004.

Симпсон повели свои войска на последний штурм становившегося для них братской могилой Севастополя.

Последовали 17–20 августа и 5–8 сентября (нового стиля) 1855 года обстрелы основных укреплений огнем из 807 орудий (против 540 у русских). В атаку на главные опорные точки обороны 2-й бастион и Малахов курган союзники (при решающей роли Пелисье) бросили 57,5 тысяч человек против 40 тысяч защитников города. Штурм начался 8 сентября 1855 года около полудня. К исходу дня бои затихли.

Наши солдаты и матросы выходили из-под огня кто группами, кто поодиночке с полностью расстрелянными подсумками и изломанными в штыковых схватках ружьями. Напряженные и кровопролитные бои закончились взятием только Малахова кургана, но это была высота, где против 1400 наших героев действовало более 6 тысяч французов. Она господствовала над городом, над переправой между Северной и Южной сторонами. Русское командование приняло единственно верное решение. В ночь на 9 сентября 1855 года русские войска неожиданно для неприятеля взорвали склады и укрепления и, разводя за собой понтонный мост, в полном порядке отошли на Северную сторону. Через два дня вблизи от нее были затоплены остатки Черноморского флота — 12 парусных кораблей, 10 паровых дофрегатов, 6 транспортов.

Седоусые, прокопченные пороховой гарью, израненные ветераны Наварина и Синопа со слезами на глазах вставали на колени. В лучах предзакатного солнца под воду уходила черноморская слава России...

Союзники вошли в разгромленную и безжизненно пустынную Южную часть города. Русские войска готовы были продолжать борьбу. Стало «ясно, что Севастополь не истощил силы России в такой мере, как силы союзников», — разочарованно подвел Ф. Энгельс итог 349-дневной обороне города.

Разгромлены наголову были «паркетные генералы». Боевые — оставались со своими солдатами. Непокоренными уходили офицеры и рядовые — герои Балаклавы, Инкермана и Малахова кургана. Мы потеряли при обороне Севастополя 102 тысячи человек, союзники — 71 тысячу...

50-тысячная русская армия заняла господствующие Инкерманские и Мекензиевы высоты и уже в свою очередь систематически громила огнем интервентов, пытавшихся закрепиться на Южной стороне. Союзники тщетно попытались прощупать нашу оборону в Керченском проливе, под Одессой, Николаевом, Херсоном, Очаковом, в Днепро-Бугском лимане. Занять им удалось лишь Кинбурн при 30-кратном перевесе сил и при оборонительных сооружениях времен А.В. Суворова (1787—1788 гг.).

Россия сосредоточилась. Россия вставала на большую и беспощадную войну. К этому союзники оказались не готовы. Дальше Южной стороны Севастополя в Россию им ходу не было. Героическая 11-месячная оборона Севастополя стала одним из выдающихся военных событий нового времени. В истории русского военного искусства — это пример совместных действий армии и флота перед лицом технически и численно преобладавшего противника. Морально-боевые качества русских воинов и патриотизм населения, сражавшегося рядом с войсками, были проявлением единства нашего народа перед лицом иностранного вторжения. (См. подробную библиографию Севастопольской эпопеи).

ТАЙНАЯ ВОЙНА НА ПЕРЕГОВОРАХ О МИРЕ

Мирные переговоры, как правило, выявляют скрытые мотивы войны. Так было и на парижских мирных переговорах. Россия на Востоке (державы включали сюда и Черное море с Кавказом) и положение христи-

ан в Османской империи — вот главные проблемы, вокруг которых сконцентрировалась борьба на мирном конгрессе в Париже.

Обсуждение тех или иных вариантов вывода России за предел возможности оказывать влияние на положение христианской церкви на Востоке предпринимались державами-союзниками еще до Парижа. При активном посредничестве Австрии в течение 1854—1855 годов состоялось 14(!) заседаний по предварительным условиям в Вене и одно — в Стамбуле. *Выявилась взаимосвязь ограничительных намерений интервентов в отношении Черноморского флота и судеб христиан на Балканах и на Леванте.*

Еще шла война, а русская дипломатия уже выдвинула перед державами «Предложения относительно прав христиан и их церкви». Документ был примечателен стремлением возложить на религиозные общины обязанности и права по развитию реформаторского движения в Османской империи. Святые места Палестины без детализации включались в общую канву межконфессионального и гражданского урегулирования. «Предложения» России были с большим подъемом встречены в среде православных и в Сиро-Палестинском районе и на Балканах. Однако Высокая Порта не увидела в документе «своего вопроса» о капитуляциях, а державы Запада — механизма «выдавливания» России из христианской среды региона.

Следующий шаг России сделала уже в ходе мирных переговоров в Париже (февраль — март 1856 года). Глава русской делегации генерал-адъютант и шеф Корпуса жандармов А.Ф. Орлов изначально предложил заложить в трактат о мире статью о совместных гарантиях держав равных прав всем миллетам (общинам) и равных прав подданных султана вне их вероисповедания. «Да это хуже ноты Меншикова в 1853 году», — воскликнул Дж. Кларендон, глава английской делегации, и уронил свеженабитую трубку. Он предпринял

попытку «забыть» о Святых местах и связать права христиан в Дунайских княжествах с отказом России в пользу Турции от всех ее земель на левом берегу реки Кубань. Это был откровенный шаг Лондона к столь желанному разделу Юга России.

На заседании 26 февраля 1856 года английская делегация сделала попытку увязать в один пакет возвращение России разгромленных Аландских островов с ее отказом от стратегического Карса и с прекращением «протектората России в Имеретии, Гурии, Абхазии и Мингрелии». Это означало бы отдать державам всю Грузию, добровольно вошедшую в состав России. А.Ф. Орлов сделал вид, что ничего не понял в проекте. Он просто встал и вышел, пожав плечами — господа, здесь нет предмета для обсуждения.

Далее я вновь принципиально расхожусь с Е.В. Тарле, утверждавшим, что выдвинутый вслед за этим унижительным для России предложением вопрос о положении христиан в Турции «не имел даже и тени серьезного, реального значения в тот момент»⁸³.

Ситуация складывалась так. А.Ф. Орлов вне заседаний, кулуарно, достиг прямого согласования позиций с турецкой делегацией о демилитаризации Аландских островов и о нейтрализации Черного моря, кое в чем уступив туркам. В свою очередь личный и доверенный представитель султана великий везир Али-паша проявил понимание в защите А.Ф. Орловым позиций России в Восточном вопросе. Только поэтому, то есть благодаря русско-турецкому взаимопониманию, срыва работы конференции, как надеялась британская делегация, не произошло.

«Оставались еще некоторые трудности», — легко взмахнул пером Е.В. Тарле. На деле это были интересы России в христианском мире в целом и в вопросе о судьбах единоверцев в контексте османских реформ.

⁸³ Тарле Е.В. Крымская война. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — Т. II. — С. 571.

Не меньше трудностей скрывалось и в стремлении держав лишить Турцию права участвовать в устройстве послевоенной судьбы Дунайских княжеств. Заметим, что они стали фактической житницей Англии, начавшей второй этап промышленной революции. Принципиальной проблемой всей Европы и Турции стал вопрос о смешанной Дунайской комиссии и о статусе судоходства по Дунаю.

Тем временем в кулуарах А.Ф. Орлов, Али-паша и «наш лучший знаток духовных дел на Востоке», генеральный консул в Сирии и главный советник нашей делегации К.М. Базили обсуждали варианты более десяти проектов развязывания узлов со Святыми местами и общим положением христиан. Е.В. Тарле их либо опустил, либо деликатно, как всегда, снивелировал⁸⁴.

Идеи К.М. Базили – А.Ф. Орлова, оглашенные на мартовских заседаниях, сводились к самому конструктивному на данном остром периоде мирного урегулирования предложению. *Возвратиться к довоенному положению православных и католиков в Святых местах с последующим обсуждением всеми сторонами процесса коллективных мер контроля за реализацией положений султанского указа (принят 18 февраля 1856 года) о полном уравнивании в правах христиан и мусульман в Османской империи.*

Али-паша внес предложения о невмешательстве держав в отношения султана с его христианскими подданными, регулируемые принятым указом от 18 февраля 1856 года (знаменитый хатт-и хумайюн 1856); прозвучала также мысль об отмене режима капитуляций в контексте подчиненного экономического положения Турции, неравноправных торговых договоров с Западом.

⁸⁴ Рекомендую читателям последние блестящие работы о К.М. Базили вице-президента фонда «Центр национальной славы» М.И. Якушева. Вывешены на сайте www.cnsr.ru; см. также библиографию.

Проблема торговых преференций в пользу держав на Ближнем Востоке (зона ответственности Высокой Порты), в Причерноморье, на Северном Кавказе и в Закавказье (зона русской ответственности) была столь важна для английской делегации, что лорд Кларендон под тем или иным предлогом возвращался к ней, даже если обсуждались тематически весьма отдаленные статьи будущего мирного трактата.

Так, при обсуждении формулы включения в трактат упоминавшегося хатт-и хумаюна и «суверенной воли» в отношении реформ (см. протокол № XIV, закрытая редакция, которая есть в материалах АВПРИ) Кларендон предложил либо в полном объеме пересмотреть, либо обновить все торговые договоры, имеющиеся между договорантами.

А.Ф. Орлов заметил тут же, что имеется сложившаяся и довольно сложная система торговых договоров всех держав с Турцией, существуют различия в текстах при том, что все договоры – двусторонние. Мрачно хмыкнул в седые усы: – Вообще-то и полномочий таких не имеем...

Как раз он-то, всесильный государственный муж и довереннейшее лицо отца и сына – Николая I и Александра II имел «полную мочь». Знал и понимал Орлов, умница и «сын России, щит империи» (Николай I) – «англичане под себя гнут и из нас всех гнутые ножи удобных кресел делают...»

Лорд Кларендон был изощрен, как и положено министру иностранных дел, и настойчив, апеллируя к Алипаше, графу Валевскому и Хюбнеру. Он сформулировал новое видение Лондоном ситуации, которую мы сегодня назовем формированием единого мирового рынка эпохи завершения промышленной революции.

Как говорил благородный лорд, Турция стала частью европейской политической системы. Поэтому лучшим свидетельством единства взглядов держав на про-

явления заботы властей каждой страны о благе своих подданных было бы войти опять-таки в общее и всеми здесь, на конгрессе, одобренное соглашение по коммерческим вопросам. И тем самым гармонизировать вопросы торговли и навигации с новым статусом Османской империи среди европейских держав.

А. Валевский как глава конгресса «живо поддержал» витию-лорда в том, что новые обстоятельства, т.е. мирный трактат, равно и обнародованные султаном меры по развитию страны, требуют общих гарантий европейских держав.

К.Б. Кавур, сардинский премьер, со свойственной ему горячностью и сарказмом (как же трудно ему было удерживаться от жгучих прений по любому вопросу!) заметил следующее. Ни одна страна по сравнению с Турцией не имеет столь либерального торгового уложения и нигде нет такой анархии в толковании такого уложения, как в Турции. Нигде нет такой «свободы» для иностранных коммерсантов и такого произвола властей в отношениях с ними, как в Турции.

Выговорился и умолк. Буоль и Мантейфель (один от Австрии, другой от Пруссии) в унисон заговорили об избыточности в числе и запутанности в сути торговых договоров держав с Портой. Лукавый австриец Буоль поймал паузу и добавил, что общее торговое соглашение — это хорошо и важно, но следует учитывать и вековые традиции связей держав с империей Османов, да и нынешнее положение в Европе весьма-весьма сложное...

Заметим, что именно Австрия под гром севастьяпольской битвы обновила — освежила торговые преференции с Турцией, упрочилась в коммерции в Египте, на Дунае, даже в Иране.

Али-паша в своей мягкой, чуть застенчивой манере («лиса во фраке», как назвал его А.Ф. Орлов) поставил все на свое место. Он сказал, что надо назвать вещь тем, что она есть. Все вышесказанное делегатами

есть не что иное, как попытки уйти от проблемы капитуляций, которыми державы сковали Османскую империю.

Заметим, что слово *капитуляции* как нечто неприличное в обществе вообще делегатами не произносилось. Очевидно, что державы *изначально* намеревались сохранять эти политико-торговые кандалы на ногах делающей первые шаги в европейское индустриальное сообщество Османской Турции.

Великий везир Али-паша, полагаю, без домашних заготовок, так как, никто не знал, как и о чем пойдет очередной спор, воссоздал перед делегатами «горькую до пронзительности» (К.М. Базили) историю капитуляций.

Досталось и османским султанам, которые с XVI века «надменностью и гордыней заменили должную проницательность в делах с хитроумной Европой». Впрочем, более всего и справедливо до хрестоматийности, хоть в вузовские учебники по истории Востока сегодня включай, досталось державам — Франции, России, Англии. Али-паша на примерах последних лет показал, как, прикрываясь юридической неподсудностью, неприкосновенностью личности и имущества, заложенных в «проклятии Турции — капитуляциях» (Али-паша), иностранные коммерсанты, их представители в Османской империи, бесчисленные, как мухи на дохлой собаке, вице-консулы, консульские чины при посольствах и коммерческих канцеляриях вмешиваются в административное управление на местах. Они оказывают все мыслимое и немыслимое покровительство «своим нациям и своим е д и н о в е р ц а м [разрядка моя — В.Ш.] и, преумножая их число в Османской империи, содействуют превращению таковых в государства в государстве и делают таких покровительствуемых неодолимым препятствием всякого улучшения общего положения в империи»⁸⁵.

⁸⁵ АВПРИ, ф. Посольство в Париже, оп. 524, д. 276, л. 100—200 об.

Пока разгоряченный речью великий везир приходил в себя после «паузы явного смущения и раздумий» (А.Ф. Орлов), слово взял Бургинэ. Он, видимо, с согласия А. Валевского, сказал: «Мирный трактат непременно *положит конец всяким капитуляциям* (курсив мой — В.Ш.). Личные привилегии, некогда (с XVI века — В.Ш.) предоставленные Портой иностранцам в Турции, выросли в пределах, вызывающих сожаление. Решать проблему надо, — продолжал Бургинэ, — но и надлежит установить некое равновесие между реформами и гарантиями для иностранцев по отношению к мерам и последствиям, этими реформами предусматриваемыми».

Пространность и жар речей кое-как остудил А. Валевский. В его редакции все делегаты согласились со следующим:

Во-первых, необходимо пересмотреть соглашения, определяющие торговые отношения Порты с державами, равно и условия пребывания иностранцев в Турции. Во-вторых, вернуться к данному вопросу после подписания мирного трактата и затем на особой конференции в Стамбуле выработать сообща меры, могущие дать удовлетворение законных интересов всех заинтересованных сторон⁸⁶.

Таково было первое, многообещающее, но не реализованное вплоть до 1914 года намерение держав пересмотреть кабальный режим капитуляций, фактически ставший инструментом деформации собственного модернизаторского пути развития Турции.

Среди первых вопросов мирной конференции оказалась позабытая историками, поскольку формально не подтверждалась и не публиковалась, Торговая конвенция между Россией и державами. По проекту, изученному в первом чтении делегатами, все порты России объявлялись открытыми для международной торговли. Равное право торговать через все порты догово-

⁸⁶ Там же, л. 201.

ривающихся сторон предоставлялось русским купцам. Сохранялись все прежние (до 1856 года) торговые договоры России, возможность их обновления и заключения новых. Обговаривался обмен коммерческой информацией об операциях на Черном море. Особо подчеркивалась заинтересованность договаривающихся сторон в обеспечении безопасности торговых операций в Черном море и на его берегах, т.е. на русском и турецком побережьях⁸⁷.

Вскоре союзники предложили в развитие положений о торговле в русских портах свою трактовку международной конвенции о Проливах от 18 июня 1841 года. Напомним, что речь шла о праве Османской империи закрыть Босфор и Дарданеллы в случае угрозы целостности и суверенности османской державы. Предложение Англии и Франции должно было заменить конвенцию 1841 года на статью Парижского трактата об обязательстве и России, и Турции соблюдать в своих черноморских портах полную свободу торговли и предоставить консулам великих (читай — торгово-промышленных) держав право наблюдать за соблюдением Россией и Турцией всех принципов и положений международного права. Пространные и (да простит меня читатель) неудобопонимаемые с точки зрения нормальной логики переговорного процесса положения о правах наибольшего благоприятствования, международном характере торгового судоходства и по Дунаю, и на Черном море, включая Черноморские проливы и, следовательно, коммерческую навигацию в Восточном Средиземноморье могут рассматриваться с одной позиции. Державы вырабатывали ограничительные статьи по судоходству на Черном море постепенно, стягивая ограничительными условиями руки и России, и Турции.

Постепенно выработался проект русско-турецкой конвенции о нейтрализации Черного моря как акта двух-

⁸⁷ Там же, л. 32–38 об.

стороннего — Россия и Турция. Таковой текст остался в неоглашавшихся подготовительных материалах⁸⁸.

Определенное сближение А.Ф. Орлова и Али-паши по нейтрализации Черного моря изменило планы английской и французской сторон.

Любопытна была не получившая развития английская идея (проект статьи IV): возвращение России Севастополя, Балаклавы, Керчи, Евпатории, Еникале и Кинбурна обусловить отказом России от Карса и всех занятых Отдельным Кавказским корпусом турецких крепостей в Восточной Анатолии. России надлежало также признать новую границу с Европейской Турцией⁸⁹.

Пролонгированную дискуссию по этому сюжету, вряд ли заранее договорившись, учинили А.Ф. Орлов и Али-паша. Русский представитель ядовито заметил, что Карс совсем не Балаклава, а Эрзерум вовсе не Кинбурн, хотя бы по периметру крепостных стен... И вообще, надо бы Пруссию привлечь к работе над статусом Проливов...

Али-паша вдохновенно вещал о всеобъемлющем милосердии султана к своим подданным, воплотившемся в хатт-и хумайюне от 15 февраля 1856 года, о всеобщем, вне религии, равенстве подданных перед законом дома Османов, о сияющих даях великих реформ Танзимата... Французским языком великий везир Али-паша владел виртуозно, был нетороплив, элегантен и уморил всех до непонимания исходного текста обсуждаемых статей.

Шеф корпуса политического сыска А.Ф. Орлов поднатерел во многих сидениях по разным поводам у себя в Петербурге и, заручившись поддержкой австрийского представителя, увел (на данном этапе) об-

⁸⁸ Там же, л. 64–68.

⁸⁹ Там же, л. 75–76 об.

суждение, весьма для российской стороны щепетильное, в сторону высоких истин. Орлов и Хюбнер предложили отметить в трактате, что все взятые на себя султаном обязательства по хатт-и хумайюну целиком и полностью соответствуют интересам, достоинству и суверенной воле османского султана. Представители Англии, Франции и Австрии ввязались в пространную дискуссию, как лучше подчеркнуть в трактате то обстоятельство, что хатт-и хумайюн не создает основы и перспективы вмешательства третьих сторон в отношения султана-сюзерена и его подданных различных религий. Было очевидно, что любое «прикосновение» к теме прав конфессий трактовалось союзниками как попытка России вернуться к проблеме защиты православия в Турции.

Али-паша молчал, улыбался тихо и загадочно. Потом произнес:

— С его величеством османским падишахом надо связаться... По телеграфу, например...

На том делегаты и разошлись. До следующего заседания.

Здесь приведены лишь примеры тех обстоятельных, как правило, глубоких и яростных дискуссий *по каждому пункту* мирного трактата. Публикация рабочих вариантов и закрытых уже 150 лет от общественности и ученых *всех протоколов* Парижского конгресса есть задача титаническая, но сколь полезная для просвещения юношества...

Издание документов из парижского портфеля нашей делегации, поразительных по своей точности формулировок К.М. Базили и А.Ф. Орлова и адекватности дипломатического языка ситуативным нюансам положения в Сирии, Палестине, Болгарии, возможно, составило бы новую яркую страницу борьбы России за права и обязанности христиан в динамичном мире индустриального прагматизма.

В 10 утра 18 (30) марта 1856 г. Парижский мирный договор был подписан. Его текст публиковался неоднократно⁹⁰.

Общественное мнение России, как это у нас издавна водится, по-разному оценивало севастопольскую эпопею и Парижский мир. Так, западники в лице таких крупных фигур как С.М. Соловьев, А.В. Дружинин считали, что Севастополь был именно оставлен, как Москва французам в 1812 году, и жалели, что враг не двинулся в глубь России, где его ждала гибель. Лейпциг, Кульм и Бородино менее значимы в истории России, чем Севастополь (А.В. Дружинин). Задолго до В.И. Ленина западники — Б.Н. Чичерин, Н.И. Барсуков, С.М. Соловьев и др. считали, что здание российского государства было «гнилым в самом основании», тогда как войска отличились неустранимостью и ушли на Северную сторону, по словам Т.Н. Грановского, «преумножив своей волей к победе славу российского оружия».

Выводы западников звучали достаточно взвешенно и прагматично: уберем крепостное рабство и, не пытаясь догонять «могущественных бойцов, владеющих всеми средствами образованного мира», т.е. Англию и Францию, возвысим Россию до европейского уровня. (К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин).

Славянофилы (А.С. Хомяков, И.С. Аксаков, И.В. Киреевский и др.) вообще не считали, что Севастополь пал вследствие военного поражения. Они полагали, что это чисто политические игры К.В. Нессельроде и высших, «паркетных» генералов. «Это Божья кара, — писал И.С. Аксаков — за гниль правительственной системы...» Они, славянофилы, называли Парижский мир оскорбительным и позорным и никогда не писали о «поражении», «разгроме» и т.д. Вообще не считали Рос-

⁹⁰ См., например, Тарле Е.В. Крымская война. — Т. II. — С. 604—610.

сию проигравшей стороной (оценка А.И. Шепарневой, 2005). Именно славянофилы первыми заговорили о том, что восстанавливать влияние и могущество в Европе России надлежит через Ближний Восток, через восточное христианство.

Наиболее взвешенными взглядами на Севастополь и Парижский мир, с элементами цивилизационного подхода противоречий общественных систем и борьбы за мировое переустройство были таковые умудренных изгнанников — декабристов. В.И. Штейнгель, И.И. Пущин, С.П. Трубецкой сетовали, что «не могут личный опыт положить, как и жизни свои, на севастопольские редуты». Они упорно не считали сдачу Южной стороны поражением в войне. Называя войну 1853—1856 годов безумной (А.Ф. Бриген), Парижский мир полагали «постыдным, но дающим спокойствие и порядок, так необходимые для проведения внутриполитических преобразований» (Н.В. Басаргин). Целая серия любопытных замечок и мыслей мудрецов-декабристов была использована через несколько лет великим военным реформатором Д.А. Милютиным (военный министр в 1861—1881 годах), сблизившим армию и общество в постоянной готовности дать отпор потенциальному агрессору.

ЭПИЛОГ

В Крымской войне наш народ, как и в Отечественных войнах 1610—1612, 1812, 1941—1945 годов, совершил великий бессмертный подвиг. Вопреки логике войны, к которой власти готовились и не сумели подготовиться, и многим военачальникам, не размышлявшим о кровавой цене победы, морившим голодом, обкрадывавшим солдат-героев, Народ заслони́л Отечество.

Бескомпромиссный патриот России, осознававший свою преступную для образа страны сопричастность и

личную ответственность за все и ко всему, что с Россией происходит, правитель от Бога, император-полковник Николай Павлович не хотел пережить национального, как ему казалось, унижения. Он ушел из жизни до окончательного завершения Севастопольской эпопеи. Нам он оставил болезненный вопрос: как получилось, что тридцать лет укрепления столпа его власти обернулись вопиющей зыбкостью *основания* этого «столпа», слепотой в отношении очевиднейших социальных и политических перемен в западном индустриальном мире, пренебрежением к жизненным интересам Турции – ближайшего соседа, который мог стать последовательным союзником, а стал противником на следующие 70 лет (до кемалистской Турции начала 1920-х годов).

Две империи первыми столкнулись в войне 1853–1856 годов, и обе потерпели поражение – Россия и Турция. Потребовалась смена политических режимов в обеих странах в 1917–1923 годах, чтобы синдром конфликтности был излечен крушением лишенной исторической перспективы государственности: и царизма, и султаната.

Тогда, в 1853–1856 годах народ России подставил плечо, подпер покачнувшийся в Крымской войне столп власти. Император Николай I явил свою волю и умение ответить личной жизнью за дикие провалы в политике 1840–1850 гг. Народ его оплакал, но...

Через 60 лет, в 1917 году безответственный и слабый царь оказался не нужен своему народу. Столп государственности рухнул, похоронив и самого Николая II, и государство, так и не приспособившееся к сдвигам, столь декларативно представленным ей в феноменальном военном крымском союзе банкиров Англии, политических авантюристов Франции и реформаторов-исламистов Турции.

С Крымской войны начался закат династии Романовых. Русский народ призвал их на царство в жесто-

кую годину иностранного вторжения и гражданской смуты начала XVII века; в середине XIX века дал Романовым шанс укрепить и возвеличить Российскую державу. Не сумели... «Полупобеды или частичные победы» (В.И. Ленин) имели место, но за место в среде великих держав Россия должна была бороться не штыком, а золотым рублем. Не поняли: ни император, ни золотые мундиры на Дворцовой, 6...

Склонил усталую седую голову мятежный Шамиль (1859); франко-прусская грызня и благожелательная позиция Стамбула помогли нам добиться отмены уничительных ограничений Парижского договора (1871). Казалось, освободили Болгарию (1878), а по сути — добились реформаторство в Османской империи. Болгария погрузилась на многие годы во внутренние распри, не без основания виня в них «братушек-освободителей». Мы вошли, наконец, в Центральную Азию, оседлали Великий Шелковый путь, подступили к Британской Индии... И все.

Дальше был очередной после Севастополя шок — падение Порт-Артура, героизм отчаяния при Цусиме и очередной «похабный» мир (Портсмутский).

Начиная с Парижских мирных переговоров 1856 года, великие державы, составляющие ныне ядро «золотого миллиарда», ни разу не оставили Россию — Советский Союз один на один с противником при выработке условий каких-либо мирных договоров...

Известны подробности всех сражений Крымской войны. Слава Богу, с молитвой упокоились останки участников боев с обеих (и всех) сторон.

Мы свято чтим память наших солдат, матросов, генералов и адмиралов. Отдаем дань мужеству и профессионализму несгибаемого лорда Раглана, маршала Сент-Арно, маршала Омер-паши (М. Латтаса) и других участников эпопеи. Они выполнили свой солдатский долг с честью. Мир их праху.

Имена Корнилова, Истомина, Нахимова, Тотлебена, Хрулева для нас в одном ряду с героями войны против монголо-татарского вторжения XIII века и героев Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Это бессмертие и есть социокультурная память нашего народа. Мы со школы помним об отмене (1861) крепостного рабства, едва ли не главном итоге «проклятой войны». Истина из ряда вечных, но стоит помнить, что крепостничество было уже подорвано изнутри десятилетиями народных движений и сверху волей самодержца, готовившего наименее болезненный для общества вариант отмены крепостничества.

Среди остающихся для новых поколений историков Запада и Востока проблем Крымской войны есть такие, которые требуют иного документального обоснования. Среди них обострение конфликтов в сипайских (туземных) войсках Британской Индии, которые должны были быть брошены на Россию. Дальневосточная авантюра САСШ, взломавших под гром севастопольских боев самоизоляцию Японии (1854). Япония, к слову, втягивалась в модернизаторский процесс эпохи Мэйдзи и стала задумываться о принадлежности Курильских островов и Камчатки, на которые так рьяно нацелились было британские войска...

«Восточная война» в России с участием Англии и Франции корреспондируется по времени и в определенной мере по геополитическим установкам держав с «опиумными войнами» этих держав в Китае, с военной экспансией Франции в Индокитае. Войны промышленных держав на Востоке захватывали целые регионы. Возможно, Большая Восточная война после Крыма распространилась действительно на огромных просторах тогда еще неподколониального мира — от Туниса и Алжира до Ирака и Афганистана. «Еврейский десант» на Одессу, «сипайский» на Севастополь — оба остались на бумаге, равно как и британско-турец-

кая экспедиция через Восточную Анатолию на юг Каспийского моря, во владения персидского шаха...

Может быть, это была не столько Крымская, сколько действительно мировая Восточная война. Современники именно так и называли события 1853–1856 годов. Вспомним, что современники называли по-своему, т.е. Великой войной, Первую мировую. Кто будет жить, тот будет изучать.

Можно с убедительностью констатировать, что после 1856 года ни Запад, ни Россия, ни Восток (как Ближний – Средний, так и Дальний) не возвратились к средневеженной устойчивости, установленной Венской системой и Священным Союзом 1815 года.

В эпицентре событий, породивших новые форматы отношений держав и методы реализации принципиально иных, по сравнению с доиндустриальной эпохой интересов держав, оказались Россия и ее ближайший на Юге сосед – Турция.

Отношения между Петербургом и Стамбулом в конце 40-х – начале 50-х годов XIX века стали объектом и инструментом политических, религиозных и военно-экономических маневров великих держав, а итогом стала русско-турецкая локальная война 1853 года, быстро переросшая в мировой конфликт 1854–1856 годов. Поскольку противостоявшие в конфликте стороны великие державы (Англия и Франция) и Россия сделали именно Османскую империю зоной столкновения интересов, обобщенно именуемого «обострение Восточного вопроса», логично будет всякий раз просматривать восточную политику России с учетом ее интереса в Европе и наоборот.

ВМЕСТО ПРИЛОЖЕНИЯ

Крымская война 1853–1856 годов имела далеко идущие последствия для внутренней жизни России, включая культурные аспекты. События войны стали

одним из ярких примеров народного мужества и героизма русских солдат, их подвиги не оставили равнодушными современников. Тема Крымской войны привлекала большой интерес художников, литографов, скульпторов, стремившихся запечатлеть, воскресить в своих работах те минуты, лица, выдающиеся события.

Изобразительный материал по Крымской войне состоит из эстампов, акварельных рисунков, многочисленных вырезок из русских и иностранных журналов, альбомов, а также масляной живописи и скульптуры. Среди материалов — рисунки с натуры, карикатуры, лубки, а также карты, схемы, чертежи, и планы сражений. В них отражены события не только в Крыму и в Севастополе, но и на других участках фронта — на Дунае, в Черном море, на Кавказе, в Белом, Балтийском морях, на Дальнем Востоке — в Петропавловске-на-Камчатке. Они дают представление об этапах войны и отдельных военных эпизодах, почти о всех столкновениях и сражениях, о подвигах русских солдат и офицеров, о быте армии, о вооружении и обмундировании не только русских войск, но и французских, английских, турецких. Многочисленными портретами представлены командование и прославленные в боях солдаты и офицеры. Наиболее широко в изобразительном материале отражена героическая оборона Севастополя. Особенно интересны для истории работы, авторами которых были художники-современники очевидцы, а иногда и непосредственно участники войны.

На многих вещах указаны имена художников, литографов, издателей, место и год издания. Указывается название и содержание изображаемого события. Иногда автор помещал под рисунком объяснительный текст, взятый им из газетных сообщений и официальных сводок, доставленных с театра военных действий. События Крымской войны нашли свое отражение в произведениях многих русских художников — совре-

менников: И. Айвазовского, К. Филиппова, А. Боголюбова, В. Тимма, Н. Берга, Н. Степанова, В. Сверчкова и ряда других; литографов — А. Мюнстера, А. Руднева, А. Шамина, П. Иванова, Ф. Паменного, А. Бегтрова, Д. Россова, П. Бореля, П. Ферлунда, Э. Лиле и т.д. К более позднему времени нужно отнести серию картин художников И. Прянишникова, В. Маковского, А. Шарлеманя, Н. Красовского, С. Шукаева и других, написанных ими в 1872 г. К этому же времени относятся бюсты героев обороны Севастополя — Нахимова, Корнилова, Тотлебена и др. Так, в ГИМ хранятся 18 картин В. Маковского и 13 картин И. Прянишникова. В них изображены отдельные эпизоды Крымской войны и обороны Севастополя. Они сделаны в одном размере масляными красками на картоне и выполнены художниками специально по заказу Севастопольского музея для помещения их в севастопольском отделе Политехнической выставки 1872 г.

Они рисуют не столько битвы и победы русского воинства, а простую, ежедневную жизнь русского солдата в Севастополе. Серия небольших картин на тему «Героическая оборона Севастополя» С. Шукаева специально написанная для выставки в Политехническом музее. По живописным данным довольно слаба, но интересна по сюжетам. Одна из наиболее интересных картин этой серии Шукаева «Посещение государем императором Волоховской башни на Северной стороне, после того как пылавшие развалины Севастополя были уже брошены неприятелю».

Карикутуры и рисунки Боклевского, Степанова, Дурова, Беляева, альбом Симпсона, «Русский художественный листок» В. Тимма, посвящены Крымской войне.

Картины: Кившенко А. «Синопский бой»; Филиппов К. «Военная дорога между Севастополем во время Крымской войны», Кардовский Д. «Атака противника

на русские позиции», «Отправка союзников в Керчь», «Оборона Севастополя» (2 картины); Прянишников И. «Адмирал Нахимов на севастопольском бастионе», «Затопление судов Черноморского флота на севастопольском рейде 11 сентября 1853 года», «Строительство укреплений в Севастополе во время Крымской войны»; Боголюбов А. «Синопское сражение»; Рубо Ф. «Оборона Севастополя. Фрагменты панорамы».

В искусстве И.К. Айвазовского севастопольская эпопея занимает совершенно особое место. Многое из того, что связано с Крымской войной и особенно с участием в ней Черноморского флота, было им изображено. Дважды он изобразил Синопский бой, в котором русский флот нанес сокрушительный удар турецкому флоту.

Синопский бой был последним большим сражением парусных кораблей. Много лет спустя вспоминающая о нем, Айвазовский изобразил флагманский корабль «Императрица Мария» во время шторма.

В настоящее время известны следующие картины, связанные с обороной Севастополя: «Осада Севастополя», «Переход русских войск на Северную сторону», «Взятие Севастополя», «Адмирал Нахимов на бастионе Малахова кургана, где был он поражен неприятельской пулей», «Место, где был смертельно ранен адмирал Корнилов». Картина изображает широкую панораму Севастополя, открывающуюся с высот Малахова кургана. На первом плане виден своеобразный памятник — крест, выложенный из ядер на месте смертельного ранения В.А. Корнилова. У памятника — два ветерана обороны Севастополя. Они пришли поклониться месту, священному для них. Далеко за море заходит солнце, последние лучи его золотят отдельные дома города, уже покрытого вечерней дымкой.

Картина «Осада Севастополя», написанная под непосредственным впечатлением посещения Айвазов-

ским осажденного Севастополя, изображает панораму города от Северной стороны до Херсонесского маяка и дальше, в открытое море. Все в городе изображено с документальной точностью: наиболее крупные дома, береговые батареи, корабельная слободка. За городом, на холмах идет бой. Горизонт закрыт клубами оружейного дыма. Английская эскадра стоит у Херсонесского маяка. На первом плане, на Северной стороне, изображена группа пленных французов под конвоем казаков. Все это написано на фоне вечерней природы. Город освещен лучами заходящего солнца. Светлое небо в легких облаках. Художник, стремясь усилить впечатление грозной битвы, изображает ее в тихий ясный летний вечер.

Когда в 1854 году Айвазовский приехал в осажденный Севастополь, он увидел над водой только вертушки мачт кораблей Черноморского флота, преградивших своими корпусами вход в севастопольскую бухту вражеского флота. Этот вид он запечатлел в картине «Осада Севастополя».

Тему борьбы русских моряков с врагами в период Крымской войны Айвазовский воплотил в ряде картин, многие из которых занимают видное место в его художественном наследии. 17 (5) ноября 1853 года на Черном море, у анатолийского побережья, русский парход-фрегат «Владимир» под командованием капитан-лейтенанта Г.Н. Бутакова вел трехчасовой бой с турецким десятипушечным пароходом-фрегатом «Первас-Бахри». Неприятельское судно было принуждено к сдаче, приведено в Севастополь и под названием «Корнилов» вошло в состав Черноморского флота. Айвазовский изображает три эпизода этой битвы, как бы подчеркивая важность этого первого в истории сражения паровых кораблей, где была русскими одержана победа.

Крымской войне 1853—1856 гг. посвящены еще две картины «Буря под Евпаторией» и «Буря под Балакла-

вой 2 ноября 1855 года». Тогда Айвазовский жил в Харькове. Когда были получены сведения о буре, прошедшей в Крыму, Айвазовский писал картину, изображая гибель части английской эскадры «Бурю под Евпаторией». Заметим здесь, что сила творчества, искренности и правда жизни, высочайшая толерантность И.К. Айвазовского (Айвазяна) снискали ему такую славу в Турции, что он получил из рук Абдул Хамида II чин генерала, ордена и дом в Стамбуле.

В 1872 году «Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии», состоявшее при Московском университете организовало в Москве выставку, открытую к двухсотлетнему юбилею Петра I. Для этой выставки готовился «Севастопольский альбом», к работе над которым были приглашены В.Е. Маковский и И.М. Прянишников. Специальная комиссия разработала тематику альбома. Картины выполнялись жидким маслом по картону. Альбомы со снимками с этих картин были выпущены потом под названием «Эпизоды Севастопольской жизни 1854—1855 года».

Вся серия, выполненная Маковским и Прянишниковым, широко охватывает жизнь и дела осажденных. Художники героями событий показали простой народ — солдат и жителей города. Всего для альбома Маковский написал двадцать одну картину, Прянишников — восемнадцать.

Эта работа взволновала Маковского. С большим патриотическим чувством принялся он за исполнение картин. Композиции исполнялись им на основе тщательного изучения фактического материала: документов, литературных источников, фотографий, рассказов и рисунков очевидцев. Существенную роль в создании серии сыграли «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого. Тем не менее, выполненные художником произведения не являются только иллюстрацией к происходившим событиям, а носят самостоятельный твор-

ческий характер. Интересен выбор тем, на которых останавливается Маковский. Он выбирает эпизоды, в которых с наибольшей полнотой раскрываются высокие душевные качества русских людей: патриотизм, стойкость, мужество, человечность, чуткость, товарищеская отзывчивость.

В картине «Смерть Нахимова» изображен момент, когда смертельно раненый Нахимов падает на руки товарищей. Глубокая скорбь, тревога отражаются на лицах окружающих. Люди не думают об опасности, их потрясла гибель любимого командира, который был организатором и душой обороны Севастополя. На другой картине показан знаменитый герой матрос Петр Кошка, бесстрашно ползущий к неприятельским укреплениям. В «Отправлении раненого на перевязочный пункт» с большой чуткостью рассказывает художник о стойкости, выдержке раненого, о сочувствии к его страданиям товарищей. Ряд работ посвящен жизни и судьбе женщин и детей в осажденном городе: «Таскание ядер на бастион детьми», «Игра в бомбы» и другие. В них повествование раскрывается с особенной теплотой и задушевностью. Интересна «Сцена после Инкерманского боя». Изображено широкое пространство с уходящими рядами войск и цепью гор выдали. На переднем плане — солдаты, отдыхающие после боя, пожилая женщина печет для них на костре блины. Кажется бы, незначительный эпизод, но в образе простой русской женщины так много силы, уверенности, человеческой теплоты, желания поддержать, ободрить уставших, измученных тяжелым боем солдат, что картина приобретает обобщающее значение и является, пожалуй, одной из лучших в серии.

Критик В.В. Стасов, давая высокую оценку севастопольским работам художника, подчеркивал их жизненную правдивость: «Рисунки очень верно воспроизводят жизнь и дела осажденных потому, что испол-

нены на основании рассказов офицеров и моряков, самих в то время поживших героической жизнью в Севастополе».

С января 1851 года до конца 1862 года в России издавался иллюстрированный журнал «Русский художественный листок», который представлял собой своеобразную художественную летопись русской жизни. Издателем журнала был видный график В.Ф. Тимм. Это беспрецедентное, не «знающее себе подобных в Европе» издание принесло Тимму заслуженную славу. «Русский художественный листок» выходил регулярными выпусками три раза в месяц и откликнулся на многие важные события общественной жизни 50-х годов. Большинство рисунков выполнял сам Тимм, выработав своеобразную, очень строгую по технике исполнения, серьезную, но вместе живую манеру журнального рисунка. Цель издания была определена художником следующим образом: «Русский художественный листок... предназначен передавать все, что только может быть схвачено карандашом замечательного, как в минувшей, так и в особенности и в современной жизни русского народа, и притом передавать в рисунках верных, не вымышленных, снятых с природы, — словом, быть художественною летописью России, с изображением всего близкого русскому сердцу, всего драгоценного для русской жизни, с исключением всего иностранного, не касающегося России». В журнале была отражена война на Кавказе, эпизоды Крымской войны, особенно героической обороны Севастополя, с беззаветными подвигами самоотверженных героев — защитников города.

В 1854 году Тимм получил разрешение выехать в Севастополь. Его альбомные наброски и рисунки, выполненные на месте боев, представляют большую историческую ценность. Они с достаточной полнотой воссоздают обстановку героической обороны Севасто-

поля. Тимм изображает виды города во время осады (Николаевский, Константиновский форты), показывает «Подъем артиллерии в Севастополе», «Русский флот перед Севастополем, делает портретные зарисовки солдат, отличившихся в боях, создает оригинальный, интересный по композиции портрет адмирала П.С. Нахимова, участника героической обороны Севастополя. Во всех работах Тимма чувствуется искренняя заинтересованность непосредственного участника изображаемых событий. Тимм привлекает к себе внимание не только как иллюстратор, но и как вдумчивый художник-баталист. Сцены войны, типы солдат с характерными крестьянскими лицами отличаются правдивостью изображения и глубокой наблюдательностью.

Подкрашенный карандашный рисунок с датировкой 31 января 1855 года «Подъем артиллерии в Севастополе» ярко передает один из боевых эпизодов. Большая группа солдат и матросов тянет по земле огромную пушку. На склоне холма видны два офицера. Вдали силуэт могил и крестов, между ними люди с кирками.

Акварель «Боевая сцена» (эскиз для картины) воспроизводит эпизод «при отбитии неприятеля от Селенгинского редута (Севастополь) 12-го февраля 1855 года». Художник изображает подвиг русского солдата, бросившегося между генералом и врагом и заколовшего последнего в рукопашной схватке. Тимм передает проявление героизма как обычный в бою факт, обнаруживая исключительное мастерство баталиста в сложной и напряженной по экспрессии сцене.

За свои акварели и карандашные рисунки, посвященные Севастопольской обороне, В.Ф. Тимм в 1855 году получил звание академика баталической живописи. Эти разнообразные по сюжетам, правдивые рисунки почти все были литографированы и воспроизведены Тимом в «Русском художественном листке» и принесли ему заслуженную известность.

Изучение художественных образов Крымской войны могло бы стать существенной частью работы юношеских и детских библиотек и, естественно, войти в круг внеклассной работы, начиная с младших классов общеобразовательной школы. Бессмертна память наша о Героях Севастополя.

Библиография публикуется отдельным приложением.

РГЮБ   Зак. № 290   Общий тираж 250
Общий объем 8,3 уч.-изд. л.

100

102

2006358306

